

Фонда Ли

«Увлекательный фэнтезийный роман с необычным миром,
пронизанным азиатскими мотивами, с великолепным экшеном
и выразительными героями».

МИР ФАНТАСТИКИ

НЕФРИТОВАЯ ВОЙНА

«Если бы не «Крестный отец»,
то «Нефритовая война» стала бы определяющим романом
об организованной преступности».

NPR

Сага Зеленой Кости

Фонда Ли

Нефритовая война

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

Ли Ф.

Нефритовая война / Ф. Ли — «Эксмо», 2019 — (Сага Зеленой Кости)

ISBN 978-5-04-107185-1

Кланы Зеленых костей заключают вынужденное перемирие в связи с напряженной международной обстановкой. Эспения готовится к вторжению в Оортоко и требует от властей Кекона больше магического нефрита для вооружения своих солдат. Растет уровень контрабанды, а мелкие банды наглеют и начинают конкурировать со старыми кланами. Семья Коул объединяет свои усилия, чтобы противостоять опасностям, но невозможно предугадать все, особенно когда противнику чужды понятия чести, кодекса и традиций нефритового братства.

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-107185-1

© Ли Ф., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Кланы Зеленых костей, а также их враги и партнеры	6
Глава 1. Небеса ждут	9
Глава 2. Прощание с Факелом	12
Глава 3. Изгнание	20
Глава 4. Тупик	25
Глава 5. Все преимущества	30
Глава 6. Новый зеленый	34
Глава 7. Аргументы для Шелеста	37
Глава 8. Семейные дела	46
Глава 9. Увиванец и его полукостные	49
Глава 10. Напрасное убийство	55
Глава 11. Порт-Масси	59
Глава 12. Необходимые действия	65
Глава 13. После спектакля	70
Глава 14. Милосердие для старого воина	77
Глава 15. Крысы в «Небесном сиянии»	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Фонда Ли Нефритовая война

Fonda Lee
Jade War

© 2019 by Fonda Lee

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

*Всем мастерам боевых искусств, с которыми я тренировалась и
у которых училась*

Кланы Зеленых костей, а также их враги и партнеры

Равнинный клан

Коул Хилошудон – Колосс

Коул Шаэлинсан – Шелест

Эмери Анден, Коул после усыновления – недавний выпускник Академии Коула Душурона

Коул Ланшинван – бывший Колосс клана, старший брат Хило и Шаэ, погиб

Коул Сенингтун – Факел Кекона, патриарх семьи, скончался

Коул Душурон – сын Коула Сена, отец Лана, Хило и Шаэ, погиб

Коул Ван Риамасан – вдова Коула Ду, мать Лана, Хило и Шаэ

Маик Кенуго – Штырь Равнинного клана

Маик Тармингу – помощник Колосса

Коул Маик Венрюсян – жена Коула Хило, каменноглазая

Вун Папидонва – Тень Шелеста, бывший помощник Коула Лана

Хами Тумашон – Главный Барышник

Цзуэн Нюрендо – Первый Кулак Маика Кена

Лотт Цзинрю – Палец клана

Юн Дорупон – бывший Шелест Коула Сена и Коула Лана, предатель

Аун Уремайда – мать Эмери Андена, скончалась

Хару Эйнишун – бывшая жена Коула Лана

Тейцзе Рюно – троюродный брат Хило и Шаэ

Кьянла – экономка в поместье Коулов

Другие Кулаки и Пальцы

Вуай Юдицзо – Второй Кулак Маика Кена

Йин Ролуан – старший Кулак

Вин Солуну – старший Палец, обладающий сильным Чутьем

Хейке, Дудо, Тон – Пальцы клана, бывшие одноклассники Эмери Андена

Доун, Йону, Тийн, Хецзо – Зеленые кости в подчинении помощника Колосса

Фонаричики

Эйтен – владелец винодельни «Проклятая красота», бывший Кулак, покалеченный Гонтом Ашем

Господин Унь – владелец ресторана «Двойная удача»

Госпожа Суго – хозяйка мужского клуба «Божественная сирень»

Господин Энке – застройщик, президент компании «Недвижимость Энке»

Горный клан

Айт Мадаши – Колосс

Ри Тураху – Шелест

Нау Суэнцзен – Штырь

Айт Югонтин – Копье Кекона, приемный отец Мады, Има и Эоду, скончался

Айт Имминшо – старший приемный сын Айта Ю, погиб

Айт Эодуюту – второй приемный сын Айта Ю, погиб

Гонт Ашченту – бывший Штырь клана, погиб

Воун Балуну – Первый Кулак Гонга Аша и Нау Суэна

Иве Калундо – Главный Барышник

Фен Сандолан – президент фрахтовой компании «Кеконская звезда», Фонарщик клана
Фен Хакуцзон – старший Кулак клана, сын Фена Сандо
Кобен Атошо, урожденный Айт Ато – сын Айта Эоду
Секо – Кулак клана, присматривающий за Белыми крысами
Мадт Цзиндонон – информатор, погиб

Ти Пасуйга

Запуньо – контрабандист нефрита, главарь Ти Пасуйги
Ийло – телохранитель Запуньо
Сорадийо – вербовщик каменных рыбок
Беро – вор нефрита
Мадт Кэлонун – вор нефрита, сын Мадта Цзина

Прочие на Кеконе

Светлейший принц Иоан III – правитель Кекона
Сон Томаро – канцлер Королевского совета Кекона, человек Равнинного клана
Гуим Энмено – министр внутренних дел, человек Горного клана
Господин Кови – член Королевского совета, человек Равнинного клана
Тау Маросун – профессор факультета международных отношений Жанлунского королевского университета
Мастер Айдо – частный тренер по нефритовым дисциплинам
Дарн Сошунуро – Колосс клана Черный хвост
Доктор Трю – врач Зеленых костей
Грандмастер Ли – главный наставник Академии Коула Душурона
Тох Китару – диктор новостей Кеконской телерадиокомпании

Представители правительства Эспении

Грегор Мендофф – посол Республики Эспения на Кеконе
Квайр Коррис – секретарь по международным отношениям Республики Эспения
Полковник Лиланд Дейлер – командующий военно-морской базой на острове Эуман
Подполковник Джей Янси – офицер на военно-морской базе Эуман

Порт-Масси

Эспенцы кеконского происхождения

Даук Лосуньин – Колосс клана Южный капкан
Даук Санасан – жена Даука Лосуна, его Шелест
Даук Коруцзон, Кори – сын Лосуна и Саны
Рон Торогон – Штырь Южного капкана
Господин и госпожа Хиан – семья, принимающая Эмери Андена
Шун Тодоро, Тод – Зеленая кость, друг Кори
Этто Самишун, Сэмми – Зеленая кость, друг Кори
Ледт Дерукун, Дерек – друг Кори
Сано – привратник в зале для поединков

Бригады

Блейз Кромнер, Бык – Босс Южной Бригады
Уиллум Римс, Тоший – главный смотрящий Южной Бригады
Мотылек Дьюк – смотрящий Южной Бригады
Карсон Сантер – шкурник Южной Бригады

Джорен Гассон, Малыш Джо – Босс Бригады с улицы Булочников

Рихарт Слаттер, Резкий Рикки – Босс Вормингвудской Бригады, сидит в тюрьме

Анджа Слаттер – временный Босс Вормингвудской Бригады, жена Рихарта Слаттера

Глава 1. Небеса ждут

Обчистить могилу Зеленой кости – полное безумие. На такое решится разве что человек, который в грош не ставит собственную жизнь, но такому человеку эта ночь предоставила шанс. Прохладные и сухие дни конца зимы еще не сменились бесконечными весенними дождями, а низкие облака закрыли луну, восходящую над деревьями парка Вдов. Улицы Жанлуна были необычно тихими – из уважения люди отложили привычные дела и остались дома, вывесив в окнах церемониальные фонари по поводу кончины Коула Сенингтуна, национального героя, патриарха Равнинного клана, Факела Кекона. БERO и Мадт из предосторожности не взяли фонарики, но все равно никто не заметил бы их появления на кладбище.

За пять минут до закрытия могильщик Нуно встретил их у ворот.

– Вот, держи. – Он сунул БERO черный пакет для мусора. – И давайте поживее. Ночной сторож придет через полчаса.

Они были одни, однако Нуно торопливо шептал. Его запавшие глаза на сморщенном от солнца лице с опаской шныряли по теням от кустов и могильных камней. Воры – отребье Кекона, а расхитители могил – даже ниже. Пуля в затылок и отправленный родным счет за расходы – такое наказание они получили бы по закону на следующее же утро, если бы их схватили.

БERO взял у Нуно пакет. Пригнувшись у каменной стенки, он вытащил две синие рубашки и кепки с логотипом кладбища «Небеса ждут». Они с Мадтом наскоро надели рубашки и нахлобучили кепки на головы. Нуно быстро повел их по тропе вверх по склону к одному из крупнейших и самых заметных мемориалов на кладбище. Перед зеленым мраморным монументом выкопали новую могилу. Завтра Коула Сенингтуна положат рядом с внуком, Коулом Ланшинваном, бывшим Колоссом Равнинных, убитым и похороненным шестнадцать месяцев назад. Шестнадцать месяцев! Целая вечность для БERO, пока он строил план, в нетерпении дожидаясь своего нефрита.

Днем Нуно лично вырыл могилу, рядом с ней до сих пор стоял трактор с экскаваторным ковшом. БERO встал на краю аккуратной прямоугольной ямы. У его ног шелестел травой ветерок, от земли поднимался резкий запах сырости. По спине БERO пробежали мурашки предвкушения. Вот что ему было нужно – чтобы кто-то сделал большую часть работы за него. В первый раз, когда они с Мадтом проникли на кладбище с лопатами, их вспугнула группа пьяных подростков, которые нетвердой походкой бродили по округе в темноте; во второй – пошел проливной дождь, и они едва успели копнуть раскисшую землю, как их чуть не схватил сторож. После этого БERO решил, что следует действовать по-умному, разработать план получше и дожидаться нужного момента.

К удивлению БERO, Мадт первым присел и спрыгнул в пустую могилу. Он поднял голову и вытер руки, его глаза блеснули. БERO сбросил с плеча вещмешок и вытащил инструменты. Он передал их Мадту и последовал за ним, подметки шлепнули по свежевскопанной земле. Подростки переглянулись, замороженные собственной смелостью. А потом вместе атаковали стенку ямы лопатами, как кроты прорывая тоннель в сторону соседнего гроба.

Нуно стоял на стреме у трактора, жевал порцию бетеля и делал вид, будто отдыхает от тяжелой работы по выкопке могилы. Обычно он не использовал экскаватор, кеконцев по большей части кремировали, а урны помещали в колумбарий или хоронили в вырытых вручную небольших могилах. Даже богатых кеконцев, которые могли себе позволить купить целый участок, укладывали буквально вплотную, и потому уже вскоре лопата БERO ударилась о твердую поверхность за земляной стенкой. Приглушив триумфальный вопль, БERO удвоил усилия. Земля отлетала прочь, заляпав потные ладони, и, когда он остановился, чтобы вытереть лоб, оставила на лице грязные разводы. БERO не чувствовал усталости, лишь восторг и почти невы-

носимое предвкушение, а все потому, что принадлежащий ему по праву нефрит уже так близко, вызывает к нему из гроба человека, которого БERO убил.

– Коул Лан был Колоссом Равнинного клана, – приглушенно, но с живостью сказал Мадт, впервые заговорив после прибытия на кладбище. Мадту было всего пятнадцать, на три года меньше, чем БERO, руки совсем тощие, и он почти выдохся, а узкое лицо пылало в сумерках. – У него ведь больше нефрита, чем у любого другого, да? Даже больше, чем у братьев Маик.

В глазах Мадта сверкнула мстительность. У него имелись собственные причины желать этот нефрит.

– Это уж точно, – отозвался БERO, не переключая внимания.

В шепоте Мадта послышались тревожные нотки:

– Как мы вообще можем быть уверены, что нефрит здесь?

Нефрит Зеленой кости передается его семье, если только камни не забирает враг, победивший его в бою. Воинов часто хоронят с церемониальным нефритом, но в гробу Коула могут оказаться лишь несколько камешков или вообще ничего. Учитывая общественную и религиозную нетерпимость к воровству у покойников и смертную казнь за это преступление, расхищение могил редко стоит риска и усилий, даже для грабителей с нефритовой лихорадкой.

БERO не ответил Мадту, он не мог подкрепить свою уверенность ничем, кроме внутреннего чутья, к которому всегда прислушивался. И сейчас он чувствовал, что судьба ему улыбнулась. Капризные волны удачи мотают людей то туда, то сюда, но БERO решил, что удача его заметила и он оседлал волну. Да, с той минуты, когда он с воплем выскочил из утробы недолго прожившей матери, БERO хлебнул немало горя, но все-таки жив, хотя многие его знакомые уже мертвы, а теперь еще и находится так близко к нефриту.

Уже показалась боковина гроба. Полированная и сверкающая поверхность из вишневого дерева превратилась под черной землей в тускло-бурую. Подростки отложили лопаты, плотно обмотали платками нижнюю часть лиц и вытащили тяжелые рабочие рукавицы. БERO достал беспроводную пилу.

– Посвети-ка мне, – велел он. Голос из-под ткани звучал глухо.

Мадт вынул узкий фонарик и направил его на гроб. Когда БERO запустил пилу, от визга инструмента Мадт подпрыгнул и выронил фонарик. Луч заметался, но в конце концов опять стал ровным. С колотящимся сердцем БERO взрезал гроб насквозь и начал пилить.

Он прорезал кусок размером примерно с телевизионный экран, выключил пилу и отложил ее. Затем они вместе с Мадтом отодрали кусок дерева. В воздухе закружилась пыль и клочки набивки из полиэфира. Что-то упало на землю к ногам БERO. С радостным воплем БERO опустился на колени, едва сдерживаясь, чтобы не схватить мерцающее в лучах фонаря неземное сокровище: нить нефритовых бусин, все камни безупречные и сияюще-зеленые, нанизаны на серебряную цепочку с черными разделителями. Украшение и оружие могущественного предводителя Зеленых костей, часть его личности. Бесценный предмет, который можно купить только кровью.

Мадт опомнился первым и схватил БERO за плечо.

– Они вшиты в подкладку. Наверняка есть и другие, – сказал он.

Они снова начали копать в драной обивке и почти тут же нашли два кожаных браслета с камнями. Коул носил и тяжелый от нефрита пояс, вероятно, он тоже там, где-то в гробу.

Прежде чем они возобновили поиски, на краю могилы показалась встревоженная пергаментная физиономия Нуно.

– Вылазьте. Я послал сторожей проверить сломанный замок на воротах, но они вернутся. Надо тут подчистить.

– Скинь вещмешок, – велел БERO.

Нуно повиновался. БERO и Мадт вставили вырезанный кусок древесины на место и утрамбовали вокруг землю, как сумели. БERO с болью думал о нефрите, который они там бросают,

но лучше поскорее убраться отсюда с тем, что есть. Он выучил несколько болезненных уроков, какова расплата за излишнюю алчность.

Стараясь не дотрагиваться до нефрита кожей, он завернул драгоценные находки в несколько слоев мешковины и запихнул их в вещмешок вместе с инструментами. БERO вытер изгвазданные руки о штаны, перекинул вещмешок через плечо и протянул руку к Нуно, чтобы тот помог выбраться из могилы. Могильщик отпрянул, с отвращением выпятив измазанные губы.

– Я и близко не подойду к краденому нефриту.

Они сумели подкупить Нуно лишь потому, что он влез в серьезные долги, а запросил он столько, что БERO долго раздумывал над порцией припрятанного «сияния», которую предстояло продать для финансирования этого предприятия.

Мадт подставил руки, и БERO оттолкнулся от них, как от ступеньки, и прыгнул. Поднявшись на ноги, БERO посмотрел вниз на Мадта, стоящего в грязи с протянутой рукой, и на миг испытал искушение бросить его там. Когда он наконец получил свой нефрит, к чему делиться с парнем? Но Мадт может его выдать. А кроме того, он не робкого десятка и до сих пор был полезен, надо отдать ему должное.

БERO нагнулся и помог Мадту вылезти. Нуно завел экскаватор и принялся укладывать разрытую землю на место. Когда он закончил, могила выглядела как прежде. Проницательный взгляд заметил бы следы ног на земле и неровную стенку, но никто не будет рассматривать так тщательно. БERO и Мадт сняли платки и обтерли с лиц пот и грязь, пока Нуно быстро вел их обратно вниз по склону. Уже совсем стемнело, и никто не обратил на них внимания, но если бы кто и обратил, они были похожи на трех работников кладбища, закончивших смену.

У ворот Нуно сказал:

– Верните рубашки и кепки, живей.

Они сорвали с себя замаранную маскировку и запихнули ее в мешок для мусора.

– Вы нашли то, за чем пришли, да? Прокляли свои души и все такое. – Нуно сплюнул. – А теперь давайте вторую половину денег.

БERO кивнул и присел, расстегивая карман на вещмешке. Мадт со всей силы ударил Нуно камнем по затылку и толкнул на землю. БERO дважды выстрелил из компактного пистолета – первая пуля в лоб, а вторая в щеку.

Когда затихло эхо выстрела, три или четыре долгие секунды оба ошалело пялились на труп. В вытаращенных глазах Нуно застыли тревога и удивление, входные отверстия были до странности маленькими, сухая земля уже впитала кровь.

Первым делом БERO подумал о том, что план прошел на удивление хорошо и в конце концов он оказался прав, что не бросил Мадта. Вторая мысль была о том, как удачно, что могильщик – человек некрупный, иначе его трудно было бы перетащить. Подростки пыхтели и обливались потом от напряжения и страха, оттаскивая тело в углубление под кустом. БERO наскоро обшарил куртку Нуно в поисках бумажника.

– Часы тоже возьми, – шепнул он Мадту. – Чтобы сошло за ограбление.

Они выудили из кармана могильщика связку ключей, накидали на тело листья и ветки и побежали к воротам. Пока БERO ругался, возясь с замком, Мадт наклонился, оперевшись ладонями о колени и тяжело дыша, из-под свисающей сальной шевелюры просвечивали белки глаз.

– Вот же блин! Блин, блин, блин!

Наконец ворота распахнулись. БERO и Мадт закрыли за собой тяжелые металлические створки, БERO стиснул вещмешок, и они припустили в укрытие парка Вдов, опережая мерцание фонариков охраны, к сверкающим огням внизу.

Глава 2. Прощание с Факелом

Коул Хилошудон стоял во главе многочисленных скорбящих, которые пришли отдать последнюю дань уважения его деду. Сегодня многие будут пристально его рассматривать и заметят, если он рассеян или взбудоражен, и потому Хило не сводил взгляда с обернутого в дорогую белую ткань гроба и усердно шевелил губами вместе с нараспев читающими молитвы монахами. И все же ему сложно было не отвлекаться от церемонии, невозможно блокировать Чутье в присутствии такого количества врагов.

Его дед прожил долгую и значимую жизнь. Коул Сен сражался за освобождение страны, а позже с помощью политики, деловой хватки и созданного им клана выстроил кеконскую государственность. В почтенном восьмидесятитрехлетнем возрасте он тихо скончался посреди ночи, сидя в неизменном кресле у окна семейного особняка. Безусловно, знак благоволения от богов. Если в последние годы жизни, когда у него развились деменция и непереносимость нефрита, дедушка стал жестоким и несносным стариком, полным горькими сожалениями, и не нашел ни одного доброго слова для самого нелюбимого внука, ставшего во главе Равнинного клана, – что ж, об этом простые смертные не знают.

Два дня и ночи в Храмовом квартале продолжались открытые для публики бдения, и Хило казалось, что на похороны явилось полгорода. Другая половина, вероятно, смотрит церемонию по телевизору. Смерть Факела Кекона отметила конец эпохи, уход краеугольного поколения, обеспечившего Кекону свободу от иностранной оккупации и позаботившегося о его процветании. Все значимые публичные персоны собрались здесь, чтобы принять участие в торжественной церемонии, включая Айт Мадаши.

Колосс Горного клана стояла с другой стороны, в окружении своих людей, она была в белом жакете и белом шарфе. Хило почти не видел ее со своего места, но в этом и не было нужды – он с легкостью Чуял густую нефритовую ауру. Приход Айт Мады на то самое место, где лежал, обращаясь в прах, его старший брат Лан, взбесил бы Хило, если бы он позволил себе об этом задуматься, но он не собирался доставлять сопернице такого удовольствия.

Вчера Айт выпустила публичное заявление с похвалами Коулу Сену, национальному герою, отцу нации, ближайшему другу и соратнику ее покойного отца Айта Югонтина, да узнают обоих боги. Она выразила огорчение по поводу недавней стычки между кланами этих двух великих людей и надежду, что печальные разногласия скоро разрешатся, дабы страна двигалась вперед в духе непоколебимого единства, когда-то продемонстрированного воинским братством Людей Горы.

– Брехня, – объявил Хило.

Он ни на секунду не верил, что Айт Мада откажется от стремления убить его и всю его семью и уничтожить Равнинных, получив полный контроль над поставками нефрита. Кровавый счет не сотрешь пресс-релизами.

– Это хороший ход на публику, – сказала Шаэ. – Напомнить людям о партнерстве дедушки с ее отцом и таким образом связать себя с наследием всех Зеленых костей.

Не считая этого краткого анализа, его сестра в последние семьдесят два часа говорила мало, даже после официальных двухдневных бдений. Хило взглянул на стоящую рядом сестру – спина прямая, но под белой траурной пудрой еще видны набрякшие круги под глазами. Обычно резкая нефритовая аура приглушена. Шаэ любила деда и всегда пользовалась его благосклонностью. Она горько рыдала, когда он умер.

Хило перевел внимание на толпу. Другие лидеры Горных тоже присутствовали, рядом с Айт Мадой стоял невысокий человек с прилизанными волосами – Ри Тураху, Шелест клана, а подле него – мужчина с резкими чертами лица и коротко стриженной бородкой с проседью, под стать волосам. Хило довольно мало знал о Нау Суэнцзене, который занял пост Штыря

Горных после Гонга Ашченту, но слухи и лазутчики сообщали, что Нау обладает репутацией отчаянного партизанского бойца, занимавшегося диверсиями и убийствами для Айта Ю во время шотарской оккупации. Когда закончилась Мировая война, ему было всего двадцать три. Но то ли из-за непритязательной внешности, то ли из-за мягкой и прохладной текстуры ауры он не производил такого же сильного впечатления, как предшественник. Хило подозревал, что это обманчивое впечатление – само по себе повод для тревоги.

Монахи-дейтисты в белых похоронных одеяниях (по случаю таких важных похорон и такого количества людей монахов было двадцать) завершили долгую религиозную церемонию, несколько раз повторив «и да узнают его боги», и толпа подхватила слова. Хило закрыл глаза и сфокусировал усталое Чутье, прорываясь сквозь ментальные шумы дыхания и биения сердец многотысячной толпы. Вот оно: где-то за спинами Горных – знакомая дымная аура человека, которого он когда-то называл дядей. Бывший Шелест Равнинного клана, предавший семью Коулов. Юн Дорупон здесь, и он скорбит.

– Не дергайся, сегодня мы не станем его трогать, – сказала Шаэ полушепотом.

Вероятно, заметила сосредоточенное выражение его лица или просто Почуяла исходящую от него враждебность, но Хило удивился. Ему не пришло в голову, что она заметила Дору, что вообще обращает на что-то внимание.

Она, конечно же, права. В присутствии монахов и в день похорон деда они не могут развязать насилие, но есть и более прагматические соображения – слишком много здесь собралось воинов Горных, сотни Кулаков и Пальцев выстроились напротив бойцов Равнинных.

Тогда Хило расширил границы Чутья, и ауры всех Зеленых костей вокруг слились в гул нефритовой энергии, как бесконечная болтовня на оживленной улице. Кланов демонстрировали силу и численное превосходство, но сегодня соблюдали перемирие в честь одного человека.

Толпа начала редеть. Хило собрался с духом, приготовившись к долгой и неизбежной процедуре: принимать соболезнования от внутреннего круга клана и влиятельных сторонников – Фонарщиков, политиков, главных семей Зеленых костей. Чуть раньше у ворот кладбища возникла какая-то суеда, и Маик Кен послал Кулака разобраться. Сейчас Кен появился рядом и тихо сказал:

– Говорят, ночью на кладбище нашли мертвеца.

Хило скривил губы.

– Только одного? Остальные восстали из могил и ушли?

Штырь фыркнул (единственное подобие смеха, которое Хило когда-либо от него слышал) и дернул широкими плечами.

– У ворот нашли могильщика с пулей в башке. Говорят, из-за долгов. Не похоже на что-то важное, но ты же знаешь людей – как выпьют чарку хоцзи, так начинают голосить про дурную примету.

Хило кивнул. Похороны Факела не должны омрачаться плохими новостями.

– Поговори с управляющим кладбища, чтобы замять дело. – Он с неохотой взглянул на длинную вереницу соболезнующих, с которыми придется встретиться. Айт и Дору он больше не Чуял. – Скажи Тару, через час я поеду домой, сколько бы желающих поцеловать меня в задницу здесь ни осталось.

Хило вернулся в поместье Коулов через два с половиной часа. Вся длинная подъездная дорожка и разворотный круг были уставлены машинами – за похоронами, открытыми для публики, последовал частный прием для членов семьи и Зеленых костей самого высокого ранга. Через приоткрытое окно машины Хило слышал музыку и чувствовал запах барбекю со двора. Если человек дожил до восьмидесяти – это повод для радости, это считалось знаком одобрения богов, постижением Божественных Добродетелей, гарантировало восхождение на небеса в день Возвращения. Хило подумал, что подобные верования имеют больше смысла во время войн

и плохой медицины, но все же теперь, после окончания официального траура по Коулу Сену, белую драпировку сняли, а неформальный прием слегка отдавал духом праздника. Похоже, он продлится довольно долго.

Маик Тар подкатил «Княгиню Прайзу» прямо ко входу в главный дом. Помощник Колосса остановил машину и оглянулся через плечо.

– Хило-цзен, те люди, которых ты согласился сегодня принять, еще здесь. Послать их к тебе или избавиться от них?

– Где моя сестра? – спросил Хило. – Она уже дома?

– Ждет тебя внутри.

Смирившись с неизбежным, Хило погасил сигарету в пепельнице.

– Пришли их ко мне.

Тар бросил на босса сочувственный взгляд.

– Я приберегу для тебя тарелку с угощениями. Хочешь чего-то конкретного?

– Копченой свинины.

Хило вылез из машины, прошел к дому и с неохотой поднялся в кабинет. Когда-то это была любимая комната Лана, и Хило до сих пор не чувствовал себя здесь уютно. В конце концов он внес кое-какие изменения – убрал книжные полки, поставил телевизор и минибар побольше, а также удобные кресла, но каждый раз, когда он здесь находился, обстановка услужливо и безжалостно напоминала, что он не должен был стать Колоссом клана.

И потому обычно, встречаясь с подчиненными, Хило предпочитал кухню или внутренний двор, но сейчас там не уединишься. К тому же он не мог не признать, что кабинет своим видом заявляет о власти, а значит, больше подходит для встреч со сторонниками клана и просителями, перед которыми Хило следует приглушить свою репутацию юнца и уличного забияки и подчеркнуть семейное могущество и наследие.

Шаэ уже сидела там в кожаном кресле. Она смыла с лица пудру, снова накрасилась и переделалась в темную юбку и бежевую блузку, но глаза были запавшими и усталыми, смотрели почти с укоризной. «А любил ли ты дедушку?»

– Тебе не обязательно присутствовать, – сказал Хило. – Я сам разберусь.

– А если Фонарщик попросит тебя надавить на Королевский совет по поводу предстоящего закона об ограничении налогов на топливо? – отозвалась Шаэ.

Хило прищурился.

– Никто меня о таком не попросит.

– Ты прав. Никакого закона о налоге на топливо нет и в помине. Я только что его выдумала. – Она еле заметно улыбнулась, но в этом уколе не было и следа от их обычного доверия. – Я остаюсь.

Хило нахмурился, но воздержался от ответа – только лишь приняв во внимание ее горе. Это правда – он не разбирается в бизнесе и политике так же хорошо, как она, но тыкать его в это носом? Эту резкость и нелюбезность сестра наверняка унаследовала от дедушки.

Хило едва успел снять галстук и расстегнуть воротник, когда в дверь постучал Тар и впустил мужчину в сопровождении женщины с ребенком на руках. Увидев их, Хило тут же просветлел и тепло обнял гостя.

– Эйтен, дружище, – сказал он. – Как выросла твоя дочка! Ей точно всего девять месяцев? Да она уложит на землю двухлетнего!

Эйтен не обнял Колосса в ответ и не поднес сложенные ладони ко лбу в традиционном почтительном приветствии, но от слов Хило в его глазах засветилась гордость, и он слегка кивнул. Он был в накрахмаленной белой рубашке с короткими рукавами, прикрывающими обрубки отсутствующих рук, и мягких черных сандалиях.

– Она просто сущий кошмар, Хило-цзен, часами орет и все время требует, чтобы ее носили на руках.

Он сердито покачал головой, но тон отнюдь не был недовольным.

– Уж конечно, она будет такой же Зеленой, как ее папа, – сказал Хило.

Заметив кивок жены Эйтена, он улыбнулся. Обычно старое поверье, что из непоседливых детей вырастают хорошие воины, относилось только к мальчикам, но в нынешние времена в Академии Коула Душурона училось двадцать процентов девочек, появились женщины-Кулаки и даже женщина Колосс, так что буйная малышка вызывала гордость, а не тревогу.

– Вот только я волнуюсь, не будет ли она слишком Зеленой для замужества, – сказал Эйтен жене.

Хило поймал ее быстрый взгляд на Шаэ, а потом она опустила глаза.

– Может, к тому времени, когда она подрастет, люди не будут так думать, – слегка улыбнулась Шаэ.

– Шелест права, а кроме того, еще слишком рано об этом волноваться, – сказал Хило, положил руку Эйтену на плечо и провел семью к креслам. У ног Эйтена скакала коричневая обезьянка. Когда Эйтен сел, она прыгнула на подлокотник и уселась рядом, почесывая грудь.

Хило вытащил из мини-холодильника несколько бутылок газировки и поставил на кофейный столик. По приказу Эйтена обезьянка прыгнула на столик, открыла бутылку, поставила соломинку и принесла лимонад хозяину. Эйтен вынул ногу из сандалии и твердо зажал горлышко бутылки между пальцами. С лодыжки, которую он положил на колено другой ноги, свисал нефритовый браслет.

Хило сел напротив бывшего Кулака. Теперь он заговорил серьезно:

– Как ты справляешься? Тебе нужна еще какая-то помощь клана?

– Ты уже и так много для нас сделал. Жизнь у нас трудная, но с Зозо стало легче – он открывает двери, застегивает мне рубашки, даже задницу мне подтирает, – сказал Эйтен со смехом.

Один Палец рассказал Хило про шотарскую организацию, которая дрессирует обезьян для помощи инвалидам (после войны осталось много ветеранов), и Хило попросил Фонарщика все устроить.

Эйтен наклонился вперед, чтобы отхлебнуть из соломинки. Распрямившись, он встретился взглядом с Колоссом.

– Когда Гонт Аш отрезал мне руки, ты обещал убить его и забрать его нефрит и выполнил обещание. Ты велел мне прожить еще один год, чтобы я увидел месть клана, увидел рождение моего ребенка, а через год, если я еще захочу умереть, ты окажешь мне честь и лично исполнишь мое желание. – Его голос стал резким, но не дрогнул. – Год прошел, и вот я сижу перед тобой, Хило-цзен. Если я попрошу тебя выполнить обещание, не задавая вопросов, ты это сделаешь?

Жена Эйтена крепко сжала спящую малышку и опустила голову, кусая губы. Ее муж не смотрел на ребенка, он не сводил взгляда с Хило, а тот Чуял странное и колющее напряжение в гуле нефритовой ауры Эйтена.

– Да, – сказал Хило. – Как я и обещал.

Эйтен кивнул. Его аура успокоилась, он оглянулся на дремлющую дочь, и его лицо смягчилось в очевидном обожании.

– Ты был прав, Хило-цзен, мне есть ради чего жить, и больше я не хочу умереть.

Но Хило понял, что для Эйтена было важно знать – у него по-прежнему есть эта возможность, решать только ему, и он всегда может рассчитывать на Колосса. Эйтен снова посмотрел на Хило.

– И все же я не хочу провести всю оставшуюся жизнь в праздности и зависеть от других. Я был Кулаком Равнинных. Понимаю, теперь от меня нет проку, но если ты готов меня выслушать, я пришел просить тебя об одолжении.

– Проси что хочешь, я с радостью тебе это дам, если это в моих силах.

– Мой тесть делает хоцзи. Винодельня небольшая, но производит одно из лучших хоцзи в стране, тесть продает спиртное в дорогие магазины и рестораны. Он хочет расширить дело на новом месте, но постарел и нуждается в партнере. Понимаю, для клана это пустяк, но я прошу Шелеста поручиться за меня, чтобы я смог заняться семейным бизнесом жены. Пусть на теле у меня кое-чего не хватает, зато мозги на месте, и думаю, мне понравится расширять предприятие в качестве Фонарщика клана.

Хило с улыбкой повернулся к жене Эйтена.

– А вы что об этом думаете, госпожа Эйтен? Сумеет ваш муж производить хоцзи мирового класса?

– Мы оба много лет помогали отцу на винодельне, и он всегда хотел, чтобы мы когда-нибудь взяли дело в свои руки, – тихо, но уверенно ответила жена Эйтена. – Но мой муж был Кулаком и посвятил себя вам и клану, это всегда было на первом месте. Я рада, что он жив, и только благодаря вам, Коул-цзен, и сердцем чую, что это наш второй шанс. У него хорошо получится, а когда подрастет дочь, она тоже станет помогать, конечно же.

– Ты сказал, что вам нужно новое место, – снова обратился к Эйтену Хило. – Весь нижний этаж «Двойной ставки» как раз обновляется и расширяется. Можем предусмотреть место для твоей винодельни, там есть обширный подвал. Как тебе? Будешь поставлять хоцзи во все игорные дома на шоссе Бедняка.

Глаза Эйтена округлились.

– Хило-цзен, на такое мы и не рассчитывали...

– В этой части Трущобы мне нужен человек, которому я доверяю, – продолжил Хило. – Всегда есть риск, что Горные попытаются вернуть себе то, что мы забрали после прошлогодней победы. Штырь присматривает, чтобы этот район был хорошо защищен, но мне спокойнее, если прямо там будет находиться доверенная Зеленая кость, глядеть в оба и держать уши остро. Ты можешь делать отличное хоцзи и по-прежнему служить клану, Эйтен-цзен?

Эйтен сделал большой глоток и кивнул.

– Клан – моя кровь, а Колосс – его повелитель. Спасибо, Хило-цзен. Я всегда буду твоим воином, только попроси.

Хило заулыбался и встал, остальные тоже поднялись. Суэта разбудила ребенка, малышка потянулась к материнской груди и заорала так пронзительно, что Хило зажмурился, а потом засмеялся.

– Идите, пора кормить маленького демона. С подробностями разберемся позже.

– Соберите финансовые записи тестя за последние пять лет и отправьте в офис Шелеста вместе с деталями просьбы о покровительстве, – сказала Шаэ. – И мы быстро все устроим.

Эйтен с женой рассыпались в благодарностях. Обезьянка выпила последнюю порцию персиковой газировки из бутылки хозяина и поскакала за ним, когда семья удалилась.

После встречи с Эйтенем, чьи дела шли настолько хорошо, насколько можно было надеяться, и выполнения его просьбы настроение у Хило значительно улучшилось. Следующие две встречи прошли без запинки. Небольшой клан Черный хвост послал представителя, чтобы выразить соболезнования в виде денег и цветов и заверить в непоколебимой дружбе.

– Сейчас он наверняка пошел прямо к Айт Маде и говорит то же самое, – сказала Шаэ, когда тот ушел.

Затем появился бизнес-партнер деда, желающий написать биографию Факела Кекона – с разрешения Колосса и после финального одобрения кланом, разумеется. Хило порадовался, как продвигаются встречи, и посмотрел на часы, когда в кабинет вошла госпожа Тейцзе.

У него тут же появилось чувство, что разговор вряд ли ему понравится. За своей спиной Хило ощутил легкое изменение ауры Шаэ, намекающее, что и она чувствует то же самое.

– Тетушка Тейцзе, – сказал Хило, поцеловав женщину в иссохшую щеку, – давно не виделись.

«Недостаточно давно», – подумал он и обрадовался, что гостя не носит нефрит и не может Почуять его истинное отношение.

– Тетушка, – сказала Шаэ, тоже притворившись, что рада встрече.

Госпожа Тейцзе была шестидесятилетней женой отцовского кузена. Только одна старшая сестра Коула Сена дожила до зрелых лет, она вышла замуж за Тейцзе Цзяна и родила четверых детей. Семья Тейцзе была весьма многочисленной, что уже сделало бы ее одной из могущественных семей Кекона, но, несмотря на родство с Коулами, ни один представитель семейства не достиг высот и не получил руководящую должность в клане. Лишь горстка окончила Академию Зеленых костей; насколько помнил Хило, двое дослужились до Кулаков младшего ранга. Остальные Тейцзе были незначительными Фонарщиками или простыми обывателями, некоторые имели образование и приличную работу, другие нет, но почти все достигли каких-либо успехов только благодаря связям с Коулами.

«Боги выбирают любимчиков, – сказал как-то дедушка за обедом. – Они отняли благосклонность у одной части семьи и передали другой. Так будьте добры к кузенам – если у Тейцзе было бы больше мозгов или гуще кровь, кто знает, что стало бы с нами?»

Госпожа Тейцзе была пухлой женщиной с короткими жесткими волосами и плотно сжатыми губами, как будто пыталась проглотить что-то неприятное.

– Коул-цзен и Коул-цзен, – просипела она, – да благоволят вам боги. Вы моя единственная надежда.

Она рухнула в кресло и промокнула глаза скомканным бумажным платком.

– Что случилось, тетушка? – спросил Хило.

– Это все мой бестолковый сынок Рюно. Он влез в неприятную историю на островах Увива. Только богам известно, зачем он отправился в это греховное место, но из-за какой-то страшной ошибки его арестовали и бросили в тюрьму.

Хило подавил вздох и придал лицу ободряющее выражение.

– Тетя Тейцзе, неудивительно, что вы расстроены, но если это ошибка, как вы говорите, то наверняка все можно исправить, мы заплатим за освобождение Рюно. Каков размер залога?

– Ох, – смутилась гостя, – залог уже внесли, и две недели назад его выпустили. – Глядя на ничего не понимающего Хило, она поспешно продолжила: – Заплатили не мы, наша семья начала собирать деньги, но залог внес какой-то богатый иностранец, и Рюно выпустили.

– Что за иностранец? – поинтересовался Хило.

– Его зовут Запуньо, – сказала госпожа Тейцзе. – Говорят, это дурной человек, контрабандист. Нефритовый контрабандист. – Выглядела она так, будто сплюнула бы, если бы не прекрасный ковер в кабинете Коулов. – Этот человек держит моего сына в качестве «гостя», но не отпускает. Мы пытались с ним договориться, предложить денег, но этот Запуньо ответил, что будет разговаривать только с Колоссом клана.

Тетя Тейцзе поднялась с кресла и встала на колени перед Хило, вцепившись в него руками.

– Пожалуйста, Коул-цзен, верните Рюно! Он своенравный и непоседливый, но он хороший мальчик. Мой муж отказался сюда приходить, будь проклято его упрямство! «Если мы попросим Коулов о помощи в семейных делах, они всегда будут смотреть на нас свысока», – так он говорит, но мне все равно. Я знаю вас как великодушного человека, такого же, как ваш дед, да узнают его боги.

Хило поморщился от неуклюжего сравнения, но похлопал тетю по вцепившейся в него руке. Он не взглянул на Шаэ, но почувствовал, как ее аура настороженно ощетижилась. Хило смотрел на жалобное лицо госпожи Тейцзе долгую минуту, прежде чем принял решение.

– Не волнуйтесь, тетушка. Сделаю все возможное, чтобы освободить Рюно и вернуть вам. Чем бы был Равнинный клан без семьи Тейцзе? Я лично поеду на острова Увива и поговорю с Запуньо.

Госпожа Тейцзе всхлипнула, снова и снова поднося сомкнутые ладони ко лбу. Хило поднял ее на ноги и проводил к двери, поглаживая по согнутой в поклоне спине. Потом закрыл дверь и повернулся к сестре, все так же сидящей в кресле. Шаэ не выглядела довольной.

– Тебе не следовало внушать ей надежду.

Хило плюхнулся в кресло напротив и вытянул ноги.

– А что мне было делать? Отослать ее и позволить этому проходимцу с островов Увива безнаказанно удерживать ее сына? В конце концов, он член семьи, Зеленая кость.

Шаэ прищурилась.

– Ты же не будешь рисковать жизнью ради Тейцзе Рюно?

Рюно окончил Академию на три года раньше Хило и Шаэ. Он прекрасно пел, играл в релльбол, имел постоянно меняющийся список подружек, но и только. Выпустился он с единственным нефритовым камнем, а за два года службы Пальцем заработал еще один, после чего решил посмотреть мир в поисках удачи. Судя по слухам, Тейцзе охранял в качестве наемной Зеленой кости горнорудные и нефтедобывающие предприятия в раздираемых войной частях света, а также работал личным телохранителем богатого олигарха в Марку-куо. Хило не видел его много лет, да и не испытывал желания увидеть, он не уважал человека, использующего нефритовые способности для личной выгоды и ничего не дающего взамен клану, от которого получил нефрит.

– Мне плевать на Рюно, – сказал Хило, – но ты же понимаешь, дело не в нем. Война кланов – удобное время для контрабанды нефрита, и в последние пару лет этот падалыщик Запуньо разжирел и осмелел. Учитывая недавние новости из Шотара, он получил еще больше причин считать, что черный рынок на подъеме.

В Шотаре разразился внутренний конфликт между правительством и проюгутанским населением восточной провинции Оортоко. Все шло к тому, что в стычку будут вовлечены главные мировые державы и вооруженный кризис разрастется, а это повысит спрос на нефрит как со стороны законных, так и незаконных вооруженных формирований по всему миру.

– Хило, – серьезно произнесла Шаэ, – Запуньо пытается принудить тебя к встрече на своих условиях, в своей стране с коррумпированным правительством и проплаченной полицией. Ты напрашиваешься на неприятности, если туда поедешь. Оно того не стоит, уж точно не ради этого бесполезного придурка Тейцзе Рюно.

– Но этот бесполезный придурок – член семьи, – сказал Хило, вставая и потягиваясь. Мышца на плече саднила, и он, поморщившись, развернул плечо. Прошлогодние внешние отметины после кошмарного избиения от рук Гонга Аша и его людей давно исчезли, но тело еще напоминало о нем в самый неподходящий момент. – Как это выглядит, если увиванец держит в заложниках кеконца, Зеленую кость, нашего кровного родственника? Запуньо знает, что мы этого не потерпим. Это его способ привлечь мое внимание.

– Пошли Кена или Тара с ним разобраться.

Хило покачал головой. Задача Шелеста – давать советы Колоссу, здраво взвешивая все преимущества и издержки, и Шаэ лишь делала свою работу, рекомендуя действовать осторожно, но она никогда не входила в боевую часть клана, а потому кое-чего ни за что не поймет. Хило завоевал авторитет, не прячась за чужие спины, когда разбирался с важными проблемами, и сейчас не совершит оплошность, полагаясь на то, что его репутация бывшего Штыря достаточна для Колосса военного времени.

– Я лично должен поговорить с Запуньо, – настаивал Хило. – Недопонимание между друзьями – это не страшно. Недопонимание между врагами – другое дело.

Шаэ, похоже, спорила бы и дальше, но тут в дверь постучал Тар, приоткрыл ее, сунул голову в щель и сказал:

– Уже темнеет, в саду все сворачивается. Что думаешь, Хило-цзен? Ты еще хочешь поговорить с Анденем?

Хило переменился: уголки губ опустились, плечи окаменели, словно на них давил груз.

– Я с ним поговорю, – тихо отозвался он и посмотрел на Шаэ. – Наедине.

Тар удалился.

Шаэ встала.

– Это я убедила тебя поговорить с Анденом. Ты много месяцев не хотел меня слушать, даже имени его не произносил, а теперь меня выпроваживаешь. – Она с негодованием и подозрительно уставилась на брата. – Ты собираешься угрозами или посулами заманить его обратно в клан, снова носить нефрит. Я тебя знаю, Хило.

– Я хочу поговорить с ним наедине, Шаэ, – отрезал Хило. – Случившееся в тот день касается только нас двоих. Нужно обсудить это как полагается.

Шелест окинула его долгим взглядом, ее аура ошетичилась. Потом Шаэ прошла мимо него к двери и молча удалилась, оставив Колосса в одиночестве в пустом кабинете его брата.

Глава 3. Изгнание

Эмери Анден сидел на скамейке под вишней во дворе поместья Коулов, теребил бутылку лимонной газировки и пытался не смотреть на остальных приглашенных на поминки. Длинные, уставленные разными блюдами столы были украшены гирляндами белосердечников, а арфист играл сентиментальные и поднимающие настроение мелодии. Во дворе было полно народа, но гул разговоров оставался уважительно приглушенным. Лишь один предмет портил стильный прием – временное ограждение из синего пластика в углу двора, отделяющее то место, где обновляли резиденцию Шелеста, ободрав ее буквально до каркаса.

Анден не мог сказать, что был близок с Коулом Сеном, но тот был его приемным дедом и дал ему все – принял в семью и отправил учиться в Академию Коула Душурона, как и собственных внуков. С детства Анден считал, что однажды оплатит патриарху, став Зеленой костью Равнинного клана. И вот дедушка умер, а Анден так и не отдал долг.

Тени удлинялись, а толпа редела, но Анден все ждал. Он встал, взял еще одну бутылку газировки со стола с напитками и ощутил, как в его сторону развернулись все плечи и подбородки, все заинтересованные и недобрые взгляды последовали за ним. Здесь находился почти весь верхний эшелон Равнинных. Они знали, кто такой Анден и что он сделал в прошлом году – сначала помог спасти клан от уничтожения, а потом в день выпуска отказался надеть нефрит, и Колосс публично от него отрекся.

Он вдруг увидел нескольких однокурсников по Академии – Лотта, Хейке и Тона, они стояли группой, вместе с семьями. Разговаривали друг с другом и бросали взгляды в его сторону. В груди Андена заворочалось эхо былых чувств, потускневших в забвении. Лотт Цзин небрежно оперся о стол. Он не растерял свою неуклюжесть и медлительность, но явно работал над собой в последний год – плечи под серым пиджаком стали шире, а волосы он постриг, и они больше не нависали перед глазами.

Анден отвернулся, лицо вспыхнуло. Прожив год в Марении, он научился радоваться будням и сумел отбросить воспоминания о своем позоре. Возвращение в Жанлун, в этот дом, к клану, снова напомнило ему о тех днях после изгнания, обо всем, чего он лишился.

Анден вернулся на скамейку под деревом. К его ужасу, Тон пересек двор. Лотт и Хейке остались на месте, наблюдали, но не приближались.

– Анден, – поздоровался Тон, прикоснувшись ко лбу в неформальном приветствии. Он откашлялся. – Давно не виделись. Хорошо выглядишь. Я рад.

Анден неохотно поднял взгляд на бывшего однокурсника.

– Рад тебя видеть, Тон-цзен.

Тон кивнул и нервно потеребил два нефритовых кольца на левой руке. Теперь он был Пальцем клана, отвечал перед Штырем и Кулаками, патрулировал и охранял территорию Равнинных, удерживал хрупкое преимущество клана над Горными. Тон выглядел так, будто пытается найти еще какие-нибудь слова, чтобы выйти из неловкой ситуации, но тут появился Маик Тар, наклонился к Андену и шепнул:

– Он готов тебя принять.

Анден встал, поставил пустую бутылку на скамейку и вошел за помощником Колосса в дом. У входа в кабинет он помедлил, ему нужна была еще секунда для подготовки, но Тар открыл дверь, и Андену пришлось шагнуть внутрь. Тар закрыл за ним дверь, приглушив болтовню снаружи.

Колосс сидел в самом большом кожаном кресле. С тех пор как Анден видел его в последний раз, Коул Хило одновременно и изменился, и остался прежним. Все та же внешность совсем молодого человека, все так же излучает небрежную уверенность, которая превращается в щедрость и тепло с друзьями и страшную угрозу с врагами. Но мантия Колосса не может

не изменить. В глазах и линии губ Хило появилась жесткость, он помрачнел и был более сдержанным – такого Хило Анден прежде не видел.

Анден поискал глазами Шаэ, но ее в кабинете не оказалось. Из всей семьи только с Шаэ Анден поддерживал регулярные контакты в течение этого года. Он надеялся, что она будет здесь. Анден сглотнул подступивший комок. Он поднес сложенные руки ко лбу и поклонился в официальном приветствии.

– Коул-цзен. Примите мои соболезнования по случаю кончины вашего деда.

Не так давно Хило вскочил бы и тепло обнял кузена, чмокнул его в щеку и, улыбаясь, провел бы к креслу. А потом сердито посмотрел бы на него и сказал: «Энди, не будь прямым, как телеграфный столб, расслабься и садись».

Колосс этого не сделал. Все так же сидя в кресле, он холодно заметил:

– Он был и твоим дедом, Энди, во всех смыслах за исключением крови. Он привел тебя в нашу семью.

– Я об этом не забыл, – тихо сказал Анден.

– Разве?

Хило выпрямился и взял с кофейного столика пачку эспенских сигарет. Вытряхнул сигарету и сунул в рот, а потом, к удивлению Андена, предложил закурить и ему. Анден сел и взял сигарету, не встречаясь взглядом с Колоссом. Хило затаился, подвинул по столу зажигалку Андену и снова откинулся в кресле.

– Что ты с собой натворил, Анден? – Его голос был мягким и укоризненным. – Шаэ сказала, ты живешь в Марении. Девятнадцатилетняя Зеленая кость живет в деревне среди рыбаков и стариков без нефрита.

Анден наклонил голову, прикуривая, и тем самым скрыл вспыхнувшее лицо.

– У меня там работа, – ответил он. – Стабильная работа, мне хватает на жизнь. Через месяц накоплю достаточно, чтобы арендовать квартиру, и не буду больше докучать вашей матери.

В глазах Хило неожиданно зажглась ярость.

– А что насчет охраны, которая за тобой присматривает? Будешь и им платить из жалованья продавца мебели?

От тона Хило Анден вздрогнул.

– Коул-цзен, клану не следует обо мне беспокоиться. Вам нужны все Зеленые кости для войны с Горными. Никто не придет за мной в Марению, а если они это сделают, то это мои проблемы.

– Не будь идиотом, – сказал Хило. – В прошлом году ты убил Гонга Аша, ты изменил ход войны. Думаешь, Айт Мада когда-нибудь это забудет? – Хило снова подался вперед. – Она знает, что ты мог бы стать самой сильной Зеленой костью в стране.

– Но не стану, если никогда больше не надену нефрит, – пробормотал Анден. – Было бы против кодекса айшо...

– Айт найдет способ обойти айшо, если захочет. Ей не нужно присылать Зеленых костей с саблями против одного человека без нефрита из рыбацкой деревушки. Она еще не шепнула твое имя только потому, что сейчас ничего этим не выиграет. Кто знает, может, она думает, что через некоторое время сумеет тебя переманить.

Анден вскинул голову.

– Я никогда не переметнусь к Горным, даже если от этого будет зависеть моя жизнь. Может, я и не Зеленая кость, но не предаю клан.

– Ты так и сказал тому человеку, который подкатывал к тебе в прошлом месяце?

Анден не ответил, но рука с сигаретой слегка дрогнула. Лысый незнакомец подошел к нему в супермаркете и заговорил с уверенной улыбкой: «Я восхищаюсь тем, что ты отказался надеть нефрит и стать убийцей, как эти Зеленые кости. У тебя явно есть внутренний стержень.

Даже в этом городке люди знают, кто ты. Если тебе когда-нибудь понадобится помощь в поиске работы или жилья или еще какая-то, не стесняйся мне позвонить». Мужчина протянул Анденоу визитку с телефонным номером.

– Шаэ им занялась и выяснила, что он связан с Горными, – сказал Хило. – Они терпеливы, но вскоре устроят тебе неожиданные неприятности, чтобы ты позвонил по номеру на карточке. А если не позвонишь, то попадешь в еще более серьезные неприятности.

Анден быстро затянулся сигаретой и затушил ее. Теперь он наконец-то понял, зачем его сюда позвали: Колосс, может, его и не простил, но и не хочет, чтобы член семьи, пусть и изгнанный, подвергался опасности и возможным манипуляциям со стороны врагов.

– Энди, – сказал Хило, и хотя тон был по-прежнему жестким, болезненные нотки заставили Андена в конце концов посмотреть кузену в лицо. Колосс затушил сигарету, сжав губы. – Ты мой брат, если бы ты опомнился и попросился обратно, если бы поговорил со мной и признался, что совершил ошибку – а я признаю, что тоже виноват, – я сразу же тебя простил бы. Я бы с радостью принял тебя обратно, как же иначе? Но ты так не поступил. Ты целый год потратил зазря, вдали от семьи.

– Ты сказал, что не хочешь меня больше видеть, – промямлил Анден.

– А кто не говорит глупостей в гневе? – рявкнул Хило. – В тот день ты унизил себя, унизил клан и тем самым оскорбил меня.

Злость и обида рассеяли в Андене чувство вины.

– А ты принял бы меня обратно, если бы я отказался носить нефрит? Или я чего-то стою для тебя лишь как Зеленая кость?

– Ты прирожденная Зеленая кость. Ты обманываешься, считая иначе. Шаэ сняла нефрит и уехала, пыталась притвориться другой – и посмотри, что вышло в результате. Если бы она так не поступила, возможно, все было бы иначе. Может, в этом кабинете до сих пор сидел бы Лан, а не я. Отказавшись носить нефрит, ты похож на гуся, не желающего подходить к воде. – Хило резко вздохнул. – И не говори, что ты об этом не задумывался.

Он задумывался, конечно, задумывался. Память о нефрите, о силе, которой он наделял, об экстазе и ужасе последнего боя, когда Анден убил одного из самых сильных Зеленых костей в Жанлуне, иногда оживала и вызывала желание, почти сексуальное, такое же сильное, как звериный голод. Анден невольно опустил взгляд на рубашку Хило, две верхние пуговицы тот по своему обыкновению оставил расстегнутыми. Глядя на длинную строчку нефритовых камней, торчащих из ключицы кузена, Анден ощутил, как страх борется с желанием, переворачивая все внутри. Он по-прежнему хотел быть Коулом.

Но нависший призрак безумия и жизни в постоянном страхе за самого себя оказался сильнее этого желания. Сколько бы он ни размышлял о том, чтобы снова надеть нефрит, накатывали ужасные воспоминания – вопли обезумевшей матери незадолго до ее смерти от Зуда; Лан в последний день, когда Анден видел его живым, – изможденный, дерганный, ослабевший от слишком большого количества нефрита и принимающий «сияние»; а еще сам Анден после боя с Гонтом, когда он проснулся в больнице, в жару, почти свихнувшись от жажды владеть нефритом и убивать.

Он покачал головой.

– Я этого не сделаю, Хило-цзен. Нефрит превратит меня в чудовище. Я благодарен семье и верен клану, я сделаю все, что попросишь, но не проси меня носить нефрит.

Хило ответил не сразу. Анден не смел ничего добавить, и повисла тишина. Когда Колосс заговорил, в его голосе больше не звучал гнев, который, как осознал Анден, показывал, насколько Хило хотел иного исхода, как страстно надеялся, что ему не придется произносить эти слова.

– Я отправляю тебя в Эспению. Шаэ обо всем позаботится. Ты уезжаешь на следующей неделе.

Анден уставился на него, поначалу не поверив своим ушам.

– В Эспению?

– Здесь от тебя нет прока, если ты не Зеленая кость. В Марении ты не можешь остаться – я не собираюсь охранять тебя днем и ночью, пока ты мастеришь кресла-качалки и подбираешь ракушки на пляже, а Горные тем временем решают, каким будет их следующий шаг. Если ты не наденешь нефрит, тебе нужно устроить свою жизнь как-то по-другому. Ты поедешь в Эспению и получишь там образование.

– Я никогда не был в Эспении, – возразил Анден.

– Ты наполовину эспенец. Ты должен лучше узнать эту страну, выучить язык.

Анден был так поражен, что не находил слов. Хило никогда не вспоминал о его иностранной крови, никогда не намекал, что Энди не истинный кеконец.

Эта внезапная перемена была настолько болезненной, возможно, больше всего остального, что Анден потерял самообладание.

– Ты хочешь от меня избавиться, – выдохнул он. – Изгнать меня.

– Да чтоб тебя, Анден! – рявкнул Хило. – В последний раз спрашиваю: ты встанешь передо мной на колени и принесешь клятву Колоссу, а потом наденешь нефрит, как член нашей семьи?

Анден вцепился в подлокотники, так стиснув зубы, что ощутил давление в глазах. Если он сейчас откроет рот, то неизвестно, что оттуда вырвется, и потому он не позволил себе заговорить. Хило поднялся. Он прошел до кресла Андена и встал рядом, с напряженной спиной и слегка выдвинув плечи вперед, будто хочет схватить кузена в охапку – не то обнять, не то покалечить. Анден почувствовал щеку слез на веках.

– Пожалуйста, Хило-цзен, – прошептал он. – Не посылай меня туда. Я ненавижу этих людей и эту страну.

– Возможно, ты ее полюбишь, когда окажешься там, – сказал Хило. – Ты будешь не один, у клана есть связи, о тебе позаботятся, пока ты вдали от дома. Через пару лет поговорим о возможных вариантах твоего будущего.

Анден знал, что может отказаться. Во второй раз не подчиниться Хило, настоять на том, чтобы остаться в Марении. Даже если там он мог надеяться лишь на скучную, банальную жизнь, то хотя бы останется на Кеконе, а не уедет на чужбину. Но если он так поступит, то Шаэ уж точно больше не сумеет ему помочь. Он навсегда станет изгоем. Кеконем правят кланы, и парии надеяться особо не на что. Анден чувствовал края нефритовой ауры Хило, когда тот был так близко, Чувал его непреклонность. Хило принял решение. Ведь он Колосс, и после смерти Коула Сена последнее слово в семье Коулов остается за ним.

Анден встал и поднес сомкнутые ладони ко лбу.

– Как скажете, Коул-цзен.

Его голос звучал глухо. Не набравшись храбрости снова посмотреть на Хило, Анден вышел из кабинета.

В каком-то тумане он спустился в вестибюль и увидел сидящую на главной лестнице Шаэ. Странно, что она сидит здесь одна со сложенными на коленях руками, почти в темноте, по-прежнему в деловом костюме. Увидев его, она встала. Снаружи, в освещенном фонарями саду, работники уносили остатки еды на кухню и убирали столы. По дорожке отъезжали машины.

– Анден, – начала она.

– Ты сказала, что поговоришь с ним, – с укоризной выдохнул Анден. – Сказала, что найдешь способ, как я смогу вернуться домой. Но это ведь ты предложила послать меня в Эспению, да?

Шаэ вздохнула.

– Это к лучшему. Там тебе безопаснее, ты получишь кое-какой опыт и навыки. Эспения – наш крупнейший военный союзник и торговый партнер, в перспективе тебе полезно будет там жить и учиться. А потом, когда для тебя появится смысл вернуться...

– А ты думала о том, чего хочу я? – Он был уверен, что Хило не принял бы такое решение без совета Шелеста. – Может, тебе и хотелось уехать, но я не хочу покидать Кекон. Мне плевать на Эспению или эспенское образование. Я никогда не добивался особых успехов в учебе, не считая...

Не считая нефрита. В нефритовых дисциплинах он был вундеркиндом.

Шаэ положила ладонь на его руку.

– Ты еще молод. Еще многого не знаешь об Эспении.

Анден отпрянул.

– Лучше бы я умер тогда, во время драки с Гонтом.

Шаэ опустила руку.

– Не говори так.

Ее ответ был резким, но Анден не беспокоился о том, что его слова ее расстроят. Он развернулся и вышел из дома. Он слышал, как кузина спустилась за ним на две ступеньки, но потом остановилась и дала ему уйти.

Глава 4. Тупик

– М-да, охренительно поганые новости, – сказал Маик Кен.

С лица управляющего кладбищем «Небеса ждут» схлынули краски, а кадык в страхе дернулся.

– Маик-цзен, разумеется, мы перезахороним его в стальном гробу. Останки не потревожили, только...

– Они пришли не за телом, – проревел Маик. – Они получили все, что хотели.

Подозрения вызвал не убитый могильщик, а черный мусорный пакет рядом с ним, в котором лежали измазанные в земле форменные рубашки и кепки работников кладбища. Это привело к обследованию последней могилы, выкопанной убитым, могилы Коула Сенингтуна, и обнаружению наспех накиданной земляной стенки и поврежденного гроба Коула Лана за ней.

– Удвойте число охранников, – велел Маик управляющему, – и никому об этом не рассказывайте. Ясно?

Управляющий энергично кивнул. Штырь понял, что нет смысла его запугивать, кладбищу уж точно не нужна молва о том, что грабители могил подкупили местного работника. Управляющий уже встревоженно дергал себя за ухо – вероятно, пытаясь отвести неудачу или размышляя о том, не преподнести ли отрезанное ухо Коулу Хило, упреждая его реакцию. Кен мысленно отметил, что следует усилить охрану парка Вдов. А потом сделал два телефонных звонка.

Первый – своей подружке, сообщить, что сегодня они не увидятся, он будет занят делами клана. Лина приняла известия спокойно. Она была доброй и практичной девушкой, красивой, но простой, крепкой и фигуристой, как нравилось Кену, и что самое главное – не была Зеленой костью. Работа Штыря Равнинных занимала у Кена большую часть дня, нефрит еще и в спальне ему был ни к чему. Он видел, как выгорели отношения Тара. С этой девушкой Кена познакомила его сестра Вен. Лина преподавала в жанлунском городском колледже и происходила из большой семьи, у нее была собственная жизнь, карьера и друзья, а еще племянники и племянницы, которые всегда требовали внимания, и потому она не сильно возражала, что на первом месте у Штыря всегда стоит клан.

– Но ты приедешь на восьмидесятилетие бабушки в пятницу? – спросила Лина по телефону. – Родители будут счастливы, если придет Штырь.

Порой Кена веселило, что люди приглашают его на всякие торжества и считают его присутствие престижным и знаком благоволения со стороны клана. В детстве его редко куда-либо приглашали, никто не хотел иметь дело с обесчещенной семьей Маиков. В Равнинном клане взлет Маиков был чем-то вроде легенды и вызывал восхищение и зависть, а также повлек за собой увеличение числа публичных мероприятий.

– Возможно, – неопределенно ответил он.

Второй звонок Кен сделал брату.

Тар выдал длинную нецензурную тираду, а потом произнес:

– Лучше скажем ему вместе.

Кен согласился, он уже размышлял над тем, как лучше преподнести плохие новости боссу. Хило-цзен хотел, чтобы ему немедленно сообщали о важных происшествиях, но и не любил слушать о проблемах, к решению которых еще никак не приступили. Иначе он возьмется за них сам. Хотя Кен ценил, что Колосс по-прежнему уделяет внимание боевой стороне клана, но сам он не сможет отдавать приказы как Штырь, если его же Кулаки будут обращаться напрямую к Хило-цзену, как привыкли. За прошедший год Кен по возможности старался отсеять Колосса от работы Штыря.

И потому чуть позже он начал разговор с позитивной ноты:

– Я закончил распределение Пальцев, которых мы получили из Академии в прошлом году. Большинство поставил в Доки и Трущобу, там Горные вероятнее всего что-то предпримут. А еще в Джонку и в Кузницу, где у нас проблемы с контрабандистами и дилерами «сияния». Несколько человек повысил – около половины из большого прошлогоднего выпуска Академии получили третий и второй ранги.

Хило кивнул и поинтересовался подробностями, но не улыбнулся. После похорон Коула Сена Колосс был угрюмым. Возможно, кончина старика повлияла на него больше, чем он показывал. Или разговор о выпускниках Академии напомнил Колоссу о его кузене Андене, которого пришлось отослать подальше.

После недолгого обсуждения деловых вопросов Кен и Тар переглянулись. Тар сделал знак официанту наполнить стаканы с водой. Хило забрал с тарелки последний шарик хрустящего кальмара и нетерпеливо посмотрел на братьев Маик.

– Хватит вести себя как слабонервные школьники и ходить вокруг да около. Чего вы мне не сказали?

Кен объяснил, что семейный склеп Коулов разграбили. Обычно ему удавалось сохранять спокойствие и даже в сложных ситуациях говорить будничным тоном, и потому именно он начал разговор, а не Тар, хотя, скорее всего, именно Тару придется разбираться с этой проблемой. Пока Кен говорил, Хило почти перестал шевелиться. В эту пятницу они сидели в отдельном кабинете ресторана «Двойная удача», так что никто не мог подслушать, но Кен все равно огляделся – вдруг какая-нибудь Зеленая кость в основном зале Почует вспыхнувшую огнем нефритовую ауру Колосса.

– Я расставил людей в парке Вдов, – сказал Кен. – Мы опрашиваем всех знакомых убитого могильщика и дали знать нашим информаторам, но без подробностей, просто чтобы наблюдали. Может, кто-то из Горных предъявит требования на нефрит Лана.

– Вряд ли это Горные, – вставил Тар. – Какая Зеленая кость опустится так низко? Или с такой небрежностью бросит тело и использованную маскировку у всех на виду? – Он сгреб с блюда в центре стола горсть жареных орешков. – Если Горные снова хотят что-то затеять против нас, для этого есть тысяча способов. Айт – хитрая сучка, да и Нау наверняка тоже, но они не тронут нефрит мертвеца.

Колосс по-прежнему не произнес ни слова и не пошевелился.

– Кем бы ни были воры, – сказал Кен, – если они попытаются сбыть такое количество нефрита на черном рынке, мы об этом узнаем.

Наконец Хило заговорил. Поначалу его голос был ужасающе тихим.

– О том, что Лан похоронен вместе с нефритом, знали только Коулы и Маики. Не считая того куска говна, который устроил на него засаду и убил. Какой-то бандит по найму, ничтожество. – Колосс перешел на крик и с такой силой треснул ладонью по столу, что подпрыгнули тарелки. Его аура так яростно пылала, что братья Маики едва подавили желание отпрянуть. – Мы думали, он давно сбежал из города или его прикончили Горные, но он еще жив. И нефрит Лана у него.

Маики молчали. Тар не осмелился посмотреть Колоссу в глаза. Год назад Хило велел своему помощнику найти владельца автомата, брошенного на месте убийства Лана. Тар выполнил почти все задания Хило, безжалостно уничтожив десятки информаторов Горного клана и нацеливших нефрит преступников на территории Равнинных, но эту часть возмездия так и не исполнил.

– Возможно, Горные за этим и не стоят. – Хило пронзил братьев Маик взглядом. – Но это они подослали к Лану убийц, и кто-то в клане знает вора. Не имеет значения, к кому вам придется обратиться, но найдите эту сволочь. И тут же сообщите мне.

Маик Тар полностью посвятил себя задаче, которую поставил ему Колосс. На пирсе в ночь убийства Лана нашли тело подростка и два автомата Фуллертона. Несколько месяцев назад, немало побегав, Тар опознал подростка как члена шайки грабителей, базирующейся в Доках, возглавлял ее информатор Горных по имени Мадт Цзиндонон. Велика была вероятность, что выживший убийца тоже входит в эту банду. Проблема заключалась в том, что Мадт был мертв, Тар убил его еще в прошлом году.

Но кто-то из Горных снабдил Мадта нефритом, «сиянием», и информацией, давшей ему возможность вести свои криминальные делишки на территории Равнинных. Перед смертью Мадт описал неназванную Зеленую кость. Это мог быть кто угодно из нескольких подчиненных Гонга Аша, и к любому из них Тару сейчас сложно было подступиться, но, учитывая настойчивое желание Хило-цзена, он снова пошел по следу. Хило дал ему еще двух человек, так что теперь у Тара в непосредственном подчинении было четыре Пальца, а через брата он мог прибегнуть и к широкой сети лазутчиков. Все это он использовал для достижения цели.

Поначалу Тар скептически отнесся к тому, что покинул боевую часть клана, но сейчас должность ему нравилась. Кое-какая работа помощника Колосса была рутинной и административной, но остальная – жизненно важной для клана. Тар был рад, что не находится на месте брата, управляющегося с сотнями подчиненных, хотя и никогда не дорастет до уровня Хило-цзена. Роль помощника подходила Тару куда больше. Ему не приходилось иметь дела со сложной клановой иерархией или разбираться с Фонарщиками, он отвечал только перед Колоссом, который полностью ему доверял.

Устроить засаду на вражескую Зеленую кость на ее же территории, да еще взять живьем – задача не из легких. Тар спланировал операцию вплоть до мельчайших деталей. Его целью был младший Кулак Горных по имени Секо, его престарелая мать жила в районе Община. В четверг утром Секо позвонили и сказали, что мать упала на улице по дороге к бакалейщику и ее отвезли в Центральную больницу Жанлуна в Храмовом квартале. Секо тут же выбежал из дома.

На перекрестке между Молоточком и Трущобой дорогу ему перегородил завал. Сзади тут же подъехали две машины, отрезав путь к отступлению. Если бы Секо был не так встревожен, он бы Почуял приближение врагов, но сейчас его застали врасплох. Стрелок из первой машины наспиговал шины автомобиля Секо пулями и выбил заднее стекло. Секо с яростным криком вылетел из машины и побежал к баррикаде, намереваясь перепрыгнуть ее с помощью Легкости, но Тар это предвидел и поставил там двух Зеленых костей с хорошим Отражением. Они вместе пустили волну, настигшую Секо в прыжке и свалившую его на асфальт, как тряпичную куклу.

Оглушенный Кулак лежал, направив всю энергию на Броню и приготовившись к схватке. Он не успел вытащить из бардачка машины пистолет, а при себе у него не было сабли, только изогнутый боевой нож с нефритовой рукояткой. Прежде чем он сумел его достать, люди Тара пригвоздили Секо Силой и вырвали оружие. Секо связали по рукам и ногам, заткнули рот кляпом и бросили в багажник.

Тар был доволен, что все прошло так гладко. Захват провели меньше чем за пять минут. Патрули Кена позаботились о том, чтобы на улице было пусто, а потому ничье имущество не повредили и не задели никого из простых обывателей, не считая мелких неудобств из-за закрытого проезда. Жанлунцы привыкли к периодическим вспышкам насилия в кланах, но прошлогодняя уличная война почти истощила их терпение, и Колосс не хотел портить отношения с горожанами.

Тар испытывал искушение остановиться у телефона-автомата и сообщить Хило-цзену хорошие новости, но решил, что еще рано. Сначала следует получить какие-нибудь существенные сведения. А кроме того, надо успеть до утренних пробок – улицы уже наполнялись курьерами на велосипедах и грузовиками. Свернув на второстепенные улицы, он добрался до района Джонка. Сзади из машины доносились приглушенные стуки и удары, но Тар об этом не вол-

новался. Багажник основательно укрепили сталью, даже Сила человека вдвое более зеленого, чем Секо, не пробьет его, а лишь покорезит. Очень скоро стук прекратился, Тар лишь Чуял исходящие из багажника паническое сердцебиение и пронзительную текстуру отчаяния.

Они отвезли пленника в старый ночной клуб на месте построенного пятьдесят лет назад бомбоубежища. Последние семь месяцев клуб пустовал, его собирались снести и построить жилой дом. Связанные цепями запястья Секо прикрепили веревкой к потолочной балке. Он висел с поднятыми над головой руками, мыски тяжелых ботинок едва доставали до пола. Тар изучил пленника. Секо был в темной одежде, в ушах нефритовые серьги, в носу – нефритовое кольцо. У него была короткая аккуратная борода и высокомерная физиономия, даже в таком отчаянном положении его губы сложились в безраздочную ухмылку.

– Так ты, значит, Маик Тар, – сказал Секо. – Ищейка Коула Хило.

Ухмылка исчезла с лица Секо, когда Тар вырвал из его носа нефритовое кольцо, а из ушей серьги. Кулак взревел от боли. Тар велел своим людям встать у двери и сломал Секо по ребру с каждого бока.

– Если ты обо мне слышал, то знаешь, что это только разминка.

– Где моя мама? – заскулил Секо, уже совсем другим тоном. – Она цела?

– Конечно, – ответил Тар. – Наверное, уже идет домой от бакалейщика. Что мы, по-твоему, звери какие-то? В Равнинном клане не нарушают айшо. Мы не используем людей без нефрита как марионеток и инструмент. – Он плюнул Секо под ноги. – Ты молодец, никогда не назывался своим именем на территории Равнинных и хорошо заметал следы, я не сразу тебя засек. Я уже нашел почти всех твоих крыс, и ты поможешь мне обнаружить остальных.

– Ты все равно меня убьешь, что бы я тебе ни сказал, – заметил Секо.

Тар передернул плечами.

– Конечно, но ты ведь хочешь умереть быстро и избавить от страданий свою мать? Не хочешь висеть здесь много дней, мучаясь от нефритовой ломки и всего прочего. Я и сам предпочел бы на это не смотреть. Ты же не такой, как торчки на «сиянии», которых ты держишь на поводке, ты Зеленая кость Горного клана и уважаешь себя, правда?

Голова Секо свесилась между напряженными плечами. Он кивнул.

– Хорошо, теперь мы друг друга поняли, говнюк. – Тар покатал нефрит Секо в ладони. – Вот в чем штука. Горные так и не ответили за Коула Лана. Кто-то рассказал двум убийцам о его привычках, вручил им автоматы Фуллертон и послал к «Божественной сирени». Я поспрашивал там да сям и выяснил, что это ты.

Через мгновение Секо снова кивнул, не поднимая головы. Тар сдержал ликование и продолжил:

– Они работали на тебя через информатора Мадта Цина, верно?

– Это просто парочка сосунков, которые обчищали грузовики с модными сумочками, бумажниками и прочим дерьмом, – сказал Секо. – Два пацана с нефритовой лихорадкой. Мы ничего такого от них не ожидали.

– Их имена?

– Да откуда мне знать, мать твою? Не помню я их имена.

Не такого ответа ждал Тар. У него возникло неприятное чувство, что Секо говорит правду, но он сломал тому еще два ребра и сказал:

– Лучше дай мне что-нибудь более существенное, козел вонючий. А не то я изменю свое решение отправить тебя к богам целиком.

Секо безвольно повис, неглубоко дыша и слегка покачиваясь на веревке. Тар отошел в сторонку, чтобы оставить его на некоторое время в одиночестве и в темноте – покопаться в памяти. Порой люди вспоминают что-то еще, поразмыслив.

Он еще не завтракал и потому прошел по улице к булочной на углу и купил пакет с ореховым печеньем и упаковку подслащенного молока. Джонка была главным образом промыш-

ленным районом со зданиями из кирпича и серого бетона, не особо привлекательными, но Равнинные занимали здесь сильные позиции, над дверями или в окнах предприятия и магазины вывешивали белые фонари, а люди на улицах кланялись в приветствии, заведя нефрит на пальцах и шее Тара.

Тар вернулся в здание и поделился печеньем с Доуном и Тийном, двумя своими Пальцами. По традиции помощник Колосса занимался административной работой и не имел в подчинении Кулаков или Пальцев, но во время войны Коул Хило ввел изменения. Он поручил Тару и его людям поиски и уничтожение вражеских агентов на территории Равнинных, а теперь давал этой маленькой группе особые задания, которые иначе легли бы на плечи Штыря лишним грузом. Чтобы уменьшить путаницу с людьми Кена, Тар собирался предложить Колоссу называть своих подчиненных как-то по-другому, не Пальцами, но пока еще не придумал как.

Он высыпал последние крошки печенья в ладонь, и тут Чутье дернулось от внезапной уверенности – что-то не так. Тар в тревоге напрягся и осмотрелся, но понял, что это исходит из здания – бешеное сердцебиение, ослепляющая боль, волна ужаса и триумфа. Тар рывком распахнул металлическую дверь и остолбенел, увидев, как Секо дергается и брызжет слюной, кровь сочится с его шеи на черную рубашку.

Тар вытащил нож и перерезал веревку, на которой висел Кулак, тот рухнул мешком, машинально глотая воздух ртом, но в его глазах горело презрение. Тар склонился над ним, изрыгая проклятия. Он чувствовал, как жизнь выходит из пленника, будто отливная волна. Он попытался это предотвратить, собственной энергией заживить раны, но Концентрация никогда не была сильной стороной Тара, и через несколько секунд Секо скончался. В окровавленных руках, по-прежнему закованных в цепи, он сжимал маленькое плоское лезвие.

Тар слишком поздно понял свою ошибку. Он забрал у Секо нож и нефрит и посчитал его беспомощным. Но, собрав всю волю и силы, Кулак Горных сумел поднять ноги и вытащить спрятанную в ботинке бритву. А потом подтянулся на цепях и перерезал себе горло.

В припадке дикой ярости Тар пинал и топтал тело. Успокоившись, он не мог отрицать, что впечатлен. Мать Секо должна гордиться таким сыном. Переиграть врагов и умереть на своих условиях, даже лишившись нефрита, – поступок настоящего Зеленого воина.

Но это не отменяло того факта, что теперь Тар, к своему стыду и отчаянию, оказался в тупике, он не знал, как найти оставшегося убийцу и пропавший нефрит.

Кен, как обычно, воспринял новость стоически и рассудительно.

– Просто нужно дождаться, когда он снова всплывет, – сказал он по телефону. – Похоже, этот вор – безрассудный соплик с безумным количеством нефрита. Ни один человек с таким количеством нефрита не будет долго лежать на дне.

От здравых мыслей брата Тару полегчало, но лишь временно – на следующей неделе Горные нарушили границу в Острие и отомстили за Секо, в этой атаке погиб один человек Кена, а Тийн на две недели попал в больницу. Поскольку в результате стрельбы пострадали витрины, а двое зевак получили раны от широкой волны Отражения, инцидент попал в газеты. Под заголовком «Войне кланов не видно конца» напечатали фотографию мертвеца из Равнинного клана, лежащего в луже крови перед разбитой витриной супермаркета «Цзолло плюс».

Глава 5. Все преимущества

– Это наверняка недоразумение, Коул-цзен, – сказал господин Энке.

Крепко сбитый седой Фонарщик раздраженно нахмурился, и хотя тщательно старался говорить уважительно, во взгляде, который он бросил из-под кустистых бровей на Шаэ, читалось негодование.

– Моя компания – ведущий застройщик в Жанлуне уже больше десяти лет. Я двадцать пять лет Фонарщик Равнинного клана, и моя семья всегда платила дань. Двое моих сыновей – Зеленые кости, один стал Кулаком еще под началом вашего брата, а теперь подчиняется непосредственно Маику Кену. Как можно отдать этот контракт мелкой фирмочке, почти не имеющей отношений с кланом и даже не вполне кеконской?

– Та компания пообещала закончить раньше и за меньшую цену, – ответила Шаэ из-за своего стола. – Клан ценит преданность и дружбу наших давних Фонарщиков, но контракт был подписан на основе других заслуг.

Господин Энке засопел, как будто не поверил своим ушам. Чуть позади Шаэ, по обеим сторонам от нее, неловко заерзали Хами Тумашон и Вун Папидонва.

– Точно не знаю, что вы считаете заслугами, Коул-цзен, – сказал господин Энке, выходя из себя, – но хочу спросить – каковы цели клана, если не забота об интересах его преданных членов? Может ли Равнинный клан с легкостью пренебречь дружбой ради ненадежной кучки бумажек? Или мы больше не кеконцы, а эспенцы, продаемся по сходной цене?

– С разрешения Шелеста, – вставил Хами явно с намерением уладить конфликт, хотя его и не просили, – мы могли бы достичь соглашения. – Шаэ сжала губы, но кивнула, и Хами продолжил: – Господин Энке, клан должен блюсти интересы страны, как и Фонарщики, в этом мы все едины. Мелким фирмам нужно дать шанс преуспеть, а иностранные инвестиции полезны для экономики. Это не значит, что клан меньше ценит преданность вашей семьи. Мы рассчитываем, что ваша компания продолжит расти, инвестируя в оборудование и персонал. Если Шелест согласна, можно обсудить снижение дани, чтобы поддержать вас в этом.

Хами посмотрел на Шаэ, и она слегка наклонила голову.

– Звучит разумно.

Господин Энке не выглядел полностью удовлетворенным этой уступкой, но через несколько секунд размышлений хмыкнул:

– Хорошо. Я слишком долго верил клану Факела, да узнают его боги, чтобы позволить этому недоразумению встать между нами. – Брошенный на Шаэ взгляд дал понять, что ей он верит не в той же степени. – Мы воспользуемся снижением дани и в следующий раз постараемся сделать лучшее предложение.

Когда Вун закрыл за Фонарщиком дверь, Шаэ повернулась к Хами.

– Почему вы заговорили без моего разрешения? Вы слишком много ему предложили.

– Вы назначили меня Главным Барышником для того, чтобы я высказывал свое мнение, – резко ответил Хами и подошел к двери. – И сейчас я его выскажу: вы поступили неправильно. Энке – старая и влиятельная семья. Даже если для вашего решения есть веские причины, вы отнеслись к Энке неуважительно. – Он помолчал и сказал через плечо: – А сейчас, Коул-цзен, поддержка Фонарщиков нужна вам больше, чем экономия сотни миллионов дьен на расходах.

Хами толкнул дверь кабинета, впуслав в него короткую волну шумов – дребезжание телефонов и стук пишущих машинок из кабинетов дальше по коридору, – а потом дверь захлопнулась, и гордая аура Хами удалась.

Шаэ откинулась на спинку кресла. Хами прав – ее ответ Энке с упоминанием заслуг внес неверную ноту и вынудил Главного Барышника вмешаться и предложить решение прежде, чем это сделала она. Шаэ считали наивной барышней, на которую слишком подействовало полу-

ченное за рубежом образование, недостаточно опытной для поста Шелеста в клане Зеленых костей. Она разбиралась в финансах, училась стратегии и политике, но руководящий пост в клане обязывал учитывать не только обширные деловые интересы Равнинных, но и порой противоречивые интересы и чаяния его людей.

– А что мне было делать? – спросила Шаэ, услышав в собственном голосе отчаяние.

Вун не отреагировал на перемену тона – в прошлом году они вдвоем часто засиживались на работе допоздна, и в его присутствии Шаэ не соблюдала те же строгие деловые манеры, как с Хами и остальными служащими офисной башни на Корабельной улице. Тень Шелеста изучил свои сложенные ладони и откашлялся.

– Могу лишь предположить, как поступил бы Лан-цзен. Он бы вызвал господина Энке к себе в кабинет и, учитывая его статус в клане, дал бы возможность предложить более низкую цену. Если бы Фонарщик ее не потянул, Лан-цзен с сожалением объяснил бы, что вынужден отдать контракт другому застройщику, но спросил, как клан может поспособствовать тому, чтобы бизнес Энке стал более конкурентоспособным.

Шаэ мрачно уставилась на забрызганные дождем окна. Последние полтора месяца она так горевала по деду, что почти забыла, насколько ей недостает Лана.

Вун подался вперед, облокотившись о колени.

– Клан – как большой старый корабль, мощный, но управлять им трудно, Шаэ-цзен. Я знаю, ты хочешь изменить дела к лучшему, но делать эту нужно аккуратно. В смутные времена люди ждут подтверждения, что жизнь потечет по ожидаемому руслу. Пойдут разговоры о том, как ты неправильно поступила с семьей Энке. А ведь до сих пор болтают о том, как ты поступила с Кови Доном.

– Я не собираюсь поддерживать кумовство, как это делал Дору, – с горячностью ответила Шаэ. – Кови Дон недостаточно опытен для должности Барышника, нельзя нанимать его только из-за того, что он сын члена Королевского совета.

Вун опустил подбородок.

– Ты сидишь в этом кресле из-за фамилии Коул.

Он сказал это просто и беззлобно, но Шаэ поморщилась, услышав правду. Она прекрасно понимала, что впереди долгий путь, нужно доказать, что она достойна кабинета на Корабельной улице. В прошлом году клан едва избежал уничтожения, и хотя в уличной войне возникло хрупкое равновесие, Горные крупнее и имеют более крепкое финансовое положение.

В некоторых секторах экономики, таких как строительство, Равнинные доминировали, но строительный бум, начавшийся после Мировой войны, пошел на спад, а некоторые отрасли, в которых имели большую долю Горные – промышленность, розничная торговля и транспорт, – продолжили рост. Равнинным нужно агрессивнее расширяться, чтобы обойти соперников в будущем, и каждое действие Шаэ на посту Шелеста могло ухудшить или улучшить позицию клана относительно врагов. Она понурила плечи.

– Нужно использовать любые преимущества, даже самые мелкие, – настаивала она. – Именно это стоит за всеми моими решениями, даже если некоторые из них кого-то расстраивают.

– Доверие – это тоже преимущество.

– Ты не считаешь, что клан мне доверяет?

– Ты умна и много работаешь, Шаэ-цзен, все это видят, – ответил Вун с удивительной для обычно спокойного человека пылкостью. – И ты Коул. А значит, клан доверил тебе этот пост. Но Фонарщики верны клану из-за того, что он может для них сделать, а в последнее время ты закрываешь перед ними двери, а не открываешь.

Шаэ долго сидела молча. Над Жанлуном нависли густые тучи с весенним дождем, вдалеке небо и море сливались в один оттенок тусклого серо-голубого.

– Я рада, что у меня есть ты, Папи-цзен.

Шаэ сказала это от чистого сердца. Если бы Лан не погиб, в кабинете Шелеста сидел бы Вун, но он без устали трудился Тенью Шелеста, главой ее аппарата, и никогда не жаловался. Вун не обладал исключительным умом или изворотливостью, не был сильной личностью, но, как и Лан, казалось, соткан из такой прочной и надежной ткани, что Шаэ понимала, почему он так долго был другом и помощником ее брата. Она положила руку на его ладонь.

– День был долгим. Иди домой, не нужно меня ждать.

Вун встал, отняв у нее свою руку, и Шаэ Почуяла пульсацию его нефритовой ауры от внезапно всколыхнувшегося чувства.

– У меня тоже есть работа, – сказал он. – Не торопитесь, Коул-цзен, я отвезу вас домой, как обычно.

Бывший помощник Колосса оставил Лана в одиночестве в вечер его убийства. Став ее Тенью, он ни разу не уходил домой рано.

После ухода Вуна Шаэ еще пару часов разбиралась с бумагами на столе. Когда в центре Жанлуна зажглись огни, превратив небоскребы в пылающие башни, на потемневших оконных стеклах появилось ее отражение. Зазвонил телефон, и она подняла трубку.

– Коул-цзен, – раздался слегка гнусавый голос Ри Тураху, – хорошо, что я застал вас в офисе. Мне хотелось бы поговорить с вами откровенно, как Шелест с Шелестом.

Шаэ отложила отчет, который читала, и оттолкнула кресло от стола, так что телефонный провод натянулся.

– Ри-цзен, – отозвалась она бесстрастным тоном, – что вы хотите обсудить?

– В следующем месяце собирается совет директоров Кеконского Нефритового Альянса, чтобы проголосовать за возобновление добычи нефрита, – сказал Ри. – Как собираются голосовать Равнинные и их союзники из мелких кланов?

– Колосс об этом размышляет. Он еще не принял решение, – ответила Шаэ.

– Да бросьте, Коул-цзен. – Тон Ри стал более резким. – Давайте не будем играть в эти игры. Мы оба знаем, что в таких делах ваш брат полагается на ваш совет. Это вы принимаете решение. Вы планируете продлить ненужную заморозку добычи или вернуть страну в нормальное русло?

– Рудники начнут работать, как только будут приняты все возможные меры, чтобы предотвратить злоупотребление властью со стороны Горного клана. Пока что реформы Королевского совета меня не вполне удовлетворили.

Она мысленно улыбнулась, пожалев, что не может Почуять реакцию Шелеста Горных. Когда почти два года назад в финансовых записях КНА нашли несоответствия, разразился скандал – оказалось, что Горные втайне от правительства и других кланов добывали нефрит в обход квоты. Айт заявила, что виной тому небрежность и ошибки в ведении дел, но мало кто в это поверил, даже в ее же клане.

Королевский совет принял законы, запрещавшие какому-либо клану получать единоличный контроль над Кеконским Нефритовым Альянсом, а также ввел ежегодный независимый аудит, сформировал наблюдательный комитет и принял еще ряд мер, чтобы обезопасить поставки нефрита и прозрачность управления. А тем временем вот уже полтора года рудники Кекона простаивали. В государственную казну не поступал новый нефрит, официальный экспорт прекратился, тысячи абукейцев, работающих на рудниках, получали государственное пособие.

– Если голосование не принесет результатов, дело вернется в Королевский совет на боги знают сколько времени. Мы потеряем грядущий сухой сезон, и это чудовищное бедствие для экономики страны затянется еще на год. Вы этого хотите?

– Я хочу, чтобы Горные ответили за свои делишки.

Чем дольше будут простаивать рудники, тем дольше общественность будет помнить о преступлениях Горных.

Возникла пауза. Потом голос Ри снова изменился, приобретя пронзительные нотки.

– У вас уже кончается нефрит, который вы продаете эспенцам. Как долго еще вы можете себе позволить опустошать собственные запасы? – Он на мгновение умолк, и Шаэ тут же представила его самодовольную физиономию. – Да, разумеется, мы в курсе, что вы распродаете свои запасы, вот почему иностранцы еще не подняли вой. Думаю, Королевскому совету и народу Кекона интересно будет узнать, что Равнинные набивают карманы, продавая нефрит Республике Эспения напрямую.

– Думаю, нашим официальным союзникам эспенцам интересно будет узнать о тайных контрактах Горных на продажу нефрита их врагам югутанцам, – холодно ответила Шаэ. – В особенности, когда эспенские войска высаживаются в Шотаре, чтобы воевать с повстанцами, которых поддерживает и обучает Югутан. Вряд ли эспенцы будут рады увидеть кеконский нефрит на солдатах противника.

– Бессмысленная перепалка, Коул-цзен, – огрызнулся Ри. – Может, вы считаете, что Равнинные по-прежнему извлекают преимущества из скандала с КНА, но задумайтесь над нашей обоюдной проблемой. Ограничение поставок нефрита лишь поощряет контрабандистов и увеличивает преступность. Люди устали от кровопролития и экономического спада, они беспокоятся, что кризис в Оортоко превратится в войну иностранных держав и разрастется на весь регион. Они ожидают, что, если это случится, Зеленые кости защитят Кекон. По-вашему, они в нас уверены, Коул-цзен?

Шаэ не ответила.

– Мы с вами не Кулаки, видящие мир в черно-белом цвете, – сказал Ри. – И мой Колосс такая же. Хотя за вашего не поручусь. Айт-цзен предлагает устроить встречу кланов. С соответствующими гарантиями.

Глава 6. Новый зеленый

Беро чувствовал себя новым человеком, каким всегда должен был быть. Больше нет нужды спать на полу в квартире тетки, теперь у него появилось собственное жилье на третьем этаже десятиэтажного дома в Кузнице. Не особо привлекательное – покосившаяся дверь, старые трубы и тонкие стены. По соседству жила госпожа Вайм, старая карга, от которой пахло травяными настоями для горла, она вечно барабанила в дверь, стоило только включить музыку. Но это не имело значения. Когда Беро просыпался около полудня, то шел в ванную и глазел в зеркало на нефрит вокруг шеи. Расправив плечи и вскинув голову, он поворачивался то так, то эдак, рассматривая отражение под разными углами. Вставал в боевую стойку с ножом. Ему нравилось, как он выглядит. Сила. Власть. Уважение.

Он перетягивал руку резиновым жгутом и вкалывал себе две дозы СН-1 – каждый день по часам, делая пометки в настенном календаре. Мадт (не мальчишка Мадт Кэл, а его отец Мадт Цзин, ныне покойный) сказал, что пропуск одной инъекции или лишняя могут привести к смерти. Когда «сияние» ударяло в голову, Беро чувствовал себя неуязвимым. Иностранцы и впрямь изобрели кое-что полезное – например, «сияние». Зачем все детство тренироваться в школе боевых искусств с ее драконовскими методами, если есть и современные способы?

Нефритовая энергия гудела в венах Беро горячо и резко, и это чувство было приятнее всего на свете, лучше денег или секса. И не сравнить с тем ощущением, которое он испытал два года назад, когда всего несколько минут держал в руках нефрит. Вся прежняя жизнь казалось пресной и бесцветной полудремой, а теперь он наконец очнулся. На улице он ощущал себя тигром, бегущим сквозь стадо добычи.

По вечерам он ходил в подпольный тренировочный клуб «Крысиное логово» в Монетке. Это было одно из немногих тайных мест в городе, где тренировались люди с незаконным нефритом, спокойно вводили себе СН-1 и выставляли напоказ зелень, которую никогда не демонстрировали на публике. Обычно Беро находил здесь и Мадта, они практиковались в Силе на бетонных блоках или бегали с Легкостью по кирпичной стене. Они не умели управлять своими способностями – в один день Беро мог взлететь на метр, а на следующий прыгал, как обычный человек. Это раздражало, но не обескураживало. Он и не ожидал, что сразу всему научится. Еще немного нефрита и времени, и он сможет соперничать с Зелеными костями.

Через пару часов Беро выпьет в баре, а потом в сумрачном зале для отдыха приступит к работе – продаже «сияния». Постоянные покупатели брали у него товар каждую неделю, он получал хорошие деньги и не нуждался в другой работе, в отличие от Мадта, который переехал к какой-то дальней родне и наврал насчет своего возраста, чтобы устроиться на склад обувного магазина.

«Крысиное логово» в основном посещали молодые люди чуть за двадцать из бедных кварталов северо-востока Жанлуна – Доков, Кузницы, Монетки и Рыбачьего. У некоторых были татуировки уличных банд. Другие, как подозревал Беро, находились не в ладах с законом не только из-за нелегального ношения нефрита. А некоторые во всем остальном казались приличными людьми с постоянной работой, по какой-то причине решившими рискнуть жизнью ради нефрита. Никто в «Крысином логове» не получил официальной подготовки, а многие и вовсе не тренировались, они ежедневно кололи СН-1 ради способности носить нефрит, которую Зеленые кости вырабатывали многолетними усилиями. Все это создавало надежную клиентскую базу.

Нетренированное Чутье Беро работало с перебоями. Оно не простиралось далеко, но обычно он знал, кто из присутствующих в комнате носит нефрит, потому что люди по-разному светились у него в голове. Время от времени при взгляде на кого-то он замечал вспышки эмоций или намерений. И совсем не составляло труда увидеть направленное на него враждебное

любопытство, когда он входил в клуб. В городе БERO прятал нефрит под воротником рубашки или куртки и старался держаться подальше от Зеленых костей, которые могли начать задавать вопросы, но здесь, в «Крысином логове», люди видели, сколько на нем нефрита. Им хотелось узнать, как подросток столько раздобыл.

Но они никогда не спрашивали. Главное правило «Крысиного логова» гласило: не спрашивать, как кто-либо заполучил нефрит. Украл, сорвал с мертвеца, купил на черном рынке – это не имело значения, потому что всех здесь объединяло одно: смертный приговор, если они попадутся в руки Зеленых костей из основных кланов. К счастью, те были слишком заняты, сражаясь друг с другом, чтобы обращать внимание на кого-то еще. В «Крысином логове» можно было спокойно болтать, проверять способности и громко бахвалиться по пьяни, как свергнешь с пьедестала немногочисленную нефритовую элиту.

Они называли себя «новые зеленые».

БЕРО наконец-то чувствовал себя на своем месте, не считая того, что вскоре у него закончится «сияние». Изначально внушительный запас таял на глазах по мере того, как БЕРО использовал его и продавал. И когда однажды вечером его поманил человек, которого БЕРО несколько раз видел в «Крысином логове», и сказал: «Не хочешь ли как-нибудь выпить со мной и своим приятелем? У меня есть к вам одно деловое предложение, и вы наверняка захотите его выслушать», БЕРО позвал Мадта и поставил стул для незнакомца.

У того было узкое загорелое лицо, от прилизанных и напояженных волос оно казалось еще уже. Выглядел мужчина кеконцем, но, возможно, был смешанного происхождения, потому что говорил с иностранным акцентом. На вид ему было лет тридцать, а звали его Сорацийо.

– Это что, вроде шотарское имя? – поинтересовался БЕРО.

– Что-то вроде того, – равнодушно согласился Сорацийо и оценивающе осмотрел подростка. – Не боитесь носить столько нефрита?

БЕРО прищурился. У человека напротив есть нефритовая аура, это уж точно, но свой нефрит Сорацийо не выставлял напоказ. Кем бы он ни был, он не хотел привлекать к себе внимания, даже здесь, в «Крысином логове».

– Это мой нефрит, и я буду его носить, – заявил БЕРО. – Если меня достанут Зеленые кости – ну и пусть. Все мы когда-нибудь умрем.

– У нас нефрита больше, чем у некоторых Кулаков, – вставил Мадт, его щеки вспыхнули. – Мне плевать, сколько времени это займет, но я буду тренироваться, пока не смогу побороть любую Зеленую кость.

Такая бравада была типична для новых зеленых, но в последнее время произносилось подобное не так часто и вполголоса. БЕРО слышал, что пару лет назад многие завсегдагаи «Крысиного логова» были информаторами Горного клана и получали нефрит и «сияние» от Зеленых костей Гонта Аша, желающего внедрить агентов на территорию Равнинных. После смерти Гонта Горные отступили, а Равнинные убивали всех новых зеленых, которых обнаруживали. Коулы предложили амнистию всем агентам Горных, добровольно сдавшим нефрит и назвавшим имена сообщников. Многие приняли предложение, решив, что лучше потерять нефрит и сохранить голову, чем стать жертвой Майка Тара и его людей.

Сорацийо поднял бокал и слегка улыбнулся, одновременно ободряюще и снисходительно.

– Вера – первый шаг к исполнению мечты, – сказал он.

БЕРО нетерпеливо фыркнул. По какой-то причине ему хотелось произвести на этого человека впечатление, хотя тот ему и не нравился.

– Так о чем ты хотел поговорить?

Сорацийо отодвинул стул подальше от сквозняка из вентиляции над головой. Окон в «Крысином логове» не было, на потолке и стенах проступала влага, и к двум-трем ночи в воздухе висела вонь пота и табачного дыма.

– Я вербовщик, – сказал Сорадийо. – Ищу людей, у которых есть нефрит и какие-то неполадки с частью мозга, отвечающей за страх смерти.

– Ничего себе способ предложить работу, – отозвался БERO.

Сорадийо резко рассмеялся.

– Предлагаю вам стать каменными рыбками. – То есть контрабандистами нефрита, вывозящими камни из страны. – Оплата деньгами и «сиянием», а иногда и «зеленью». Зарабатывать будете больше, чем продавая «сияние», намного больше.

– На кого ты работаешь? – спросил БERO.

– Я принес клятву Ти Пасуйге. Знаете, что это значит?

В последовавшей тишине Сорадийо осклабился. Его слова больше не выглядели преувеличением – эта организация была самым крупным и известным сообществом контрабандистов и могла привести отважного человека либо к сказочному богатству, либо к бесславной смерти.

Сорадийо постучал деформированными пальцами по столу.

– Дела идут отлично, спрос велик как никогда, деньги текут рекой. Но слишком рискованно полагаться на абукейцев.

Нечувствительные к нефриту аборигены, не излучающие ауру и не подверженные порой смертельным эффектам от лишнего нефрита на теле, по естественным причинам стали курьерами на черном рынке нефрита, но их легко было опознать, и они вызывали подозрение на погранпунктах. Сорадийо открыл бумажник и вытащил деньги в оплату за выпивку.

– К счастью, в наши дни, имея достаточно «сияния», носить нефрит может каждый. Вы даже сойдете за Зеленых костей. – Он встал и взял куртку. – Подумайте над этим. Я вернусь в это же время в четверг, тогда и скажете, хотите ли вы выбраться из этой дыры и сыграть в высшей лиге.

После ухода Сорадийо Мадт вытер нос рукавом и сказал:

– Обойдемся без этого козла-барукана. У нас уже есть все, что нужно. Мы сами раздобыли нефрит. – Он похлопал по нефритовым браслетам на предплечье. – Потренируемся здесь, пока не сумеем одолеть любого. Даже Маиков.

– Ты слишком много болтаешь, – рявкнул БERO и встал, чтобы принести очередной стакан. Он прошел мимо стола, за которым несколько человек втыкали ножи себе в руки, тренируя Бронию. Один выругался от боли и свалился со стула, когда клинок вошел в кожу.

Проблема Мадта в том, что у него на все есть своя точка зрения, думал БERO. Он не понимает, когда лучше помолчать. Да если бы не БERO, у сопляка не было бы ни нефрита, ни «сияния». Это БERO спланировал тот поход на кладбище. БERO убивал ради этого нефрита. Дважды. А не Мадт. Он просто нахлебник и не заслуживает нефрита.

Глава 7. Аргументы для Шелеста

Жанлунский королевский университет, старейший образовательный центр Кекона, находился на западной окраине города и за свою трехсотлетнюю историю пережил войну и оккупацию. Некоторые потрепанные непогодой каменные здания, мимо которых проходила Шаэ, построили еще в дни объединения острова в конце периода Воюющих сестер. Другие, как, например, здание факультета международных отношений, были сверкающими современными постройками из стекла и бетона. Шаэ прошла через двойные двери и проскользнула в аудиторию, на пустое место в последнем ряду.

Как раз шла лекция, Маро писал на доске и не видел появления Шаэ, но когда повернулся к студентам, встретился с ней взглядом и быстро улыбнулся, а потом обратился к студентам:

– На прошлой неделе мы обсуждали последствия Мировой войны и как экономический и политический коллапс Тунской империи, последовавший за десятилетиями гражданской войны и реформ, позволил Югутану заполнить вакуум власти на материке Ориус. Остаток семестра мы посвятим послевоенной политике Республики Эспения касательно Шотара и Кекона и как это напрямую влияет на текущие события.

Лекция заинтересовала Шаэ, а Тау Маро был отличным оратором – организованным, начитанным и энтузиастом своего дела, но она постоянно мысленно возвращалась ко вчерашнему телефонному разговору с Ри Турой. Она удивилась, поняв, что прошел уже целый час, но она так и не сумела сосредоточиться на лекции. Маро написал на доске последний вопрос.

– Ваше задание на эту неделю – написать три страницы на следующую тему: «Как недавняя ратификация пакта о дружбе и невмешательстве во внутренние дела между Туном и Югутаном повлияет на Кекон?»

Когда студенты собрали вещи и покинули аудиторию, Шаэ встала и подошла к кафедре.

– Надеюсь, ты не возражаешь, что я пришла пораньше, послушать. Ты прекрасный преподаватель.

Маро вытер доску и оглядел пустые сиденья, а потом наклонился и поцеловал Шаэ в уголок губ. Короткая борода пощекотала ей щеку, а помимо запаха мела, насыпавшегося на лацканы и плечи коричневого твидового пиджака, Шаэ уловила слабый аромат одеколона.

– Не возражаю, – сказал Маро. – Прекрасно выглядишь. Куда пойдем ужинать?

Весенние дожди дочиста отмыли дорожки университетского городка, а широкие лужайки стали ярко-зелеными. Мимо катили студенты на велосипедах. Шаэ была без машины с водителем, она взяла такси прямо у офиса на Корабельной улице, только освежила макияж и вместо жакета накинула красный палантин с блестками. Она хотела снова поймать такси, но Маро сказал:

– В такое время в пятницу быстрее на подземке. Ты же не возражаешь?

Шаэ завершила, что не возражает.

Стоя на платформе подземки и болтая о лекции, университете и погоде, Шаэ чувствовала, как напряжение от работы медленно отступает. Она смотрела на Маро, на его ободряюще неторопливые манеры, когда он пропустил переполненный поезд и дождался следующего. Из-за короткой бородки Маро выглядел старше и серьезнее, чем на самом деле, но у него были нежные губы, внимательные глаза и крупные красивые ладони.

Он был самым приятным сюрпризом, случившимся с Шаэ за год. Она не хотела заводить отношения. Иногда она с ностальгией вспоминала Джеральда и скучала по его обществу, но вне обязанностей в Равнинном клане у нее оставалось мало времени для личной жизни. Из-за смерти и похорон деда и недавних проблем в офисе Шелеста она уже больше месяца не видела Маро.

– Прости, что мы так давно не встречались, – сказала она.

Маро покачал головой.

– Я знаю, в последнее время тебе было нелегко. Я думал о тебе, но не хотел мешать, ведь твоя семья и так получает слишком много внимания. – Он помолчал, а потом сжал ее ладонь. – Я рад, что сегодня ты смогла выбраться.

Они поехали в «Кухню Голиаани», первоклассный ресторан в Северном Сотто, недалеко от квартиры, где жила Шаэ, когда вернулась в Жанлун. Она давно уже хотела привести сюда Маро. Официант проводил их в угловой кабинет, и Шаэ заказала коктейль, а Маро – шотарское виски и стакан воды.

– И как твои дела? – спросил он.

– Уже лучше. Я скучаю по дедушке... но в последний год жизни он был не в себе. А раньше был настоящей силой стихии. – Она задумчиво взболтнула коктейль. – Мне хочется думать, что в загробной жизни он ждет Возвращения вместе с моим отцом и братом, и там они счастливы и спокойны. – Она умолкла, чтобы глотнуть коктейль, и решила не добавлять в приятный вечер меланхолию. Шаэ протянула руку через стол и положила ее на большую ладонь Маро. Его нефритовая аура была похожа на покрывало света – с многочисленными складочками, к которым так приятно прикоснуться. – А как дела у тебя на работе?

– Как обычно, – отозвался Маро, позволив ей сменить тему. – В этом семестре у меня три группы. И я по-прежнему пытаюсь найти финансирование для командировок за границу. Академическая бюрократия не перестает меня удивлять. – Он раздраженно махнул рукой. – А учитывая, что события в Шотаре постоянно мелькают в новостях, в последнее время меня часто вызывали в Зал Мудрости.

Когда полгода назад Шаэ впервые встретила Маро на встрече выпускников Академии Коула Душурона, она тут же решила, что знакомство будет полезным. Как Шелест, она должна быть в курсе событий на арене международных отношений и торговли. В тридцать три года Тау Маросун был одним из самых молодых преподавателей факультета международных отношений Жанлунского королевского университета, а также политическим консультантом Королевского совета. Привлекательность молодого профессора заслуживала внимания, но лишь как побочное качество. Через пару недель Шаэ пригласила Маро поужинать в надежде установить профессиональные отношения и получить дополнительные имена нужных экспертов. Они проговорили четыре часа, начиная с области его профессиональных интересов, но вскоре переключились на обсуждение жанлунских ресторанов, иностранных фильмов и бюджетных путешествий.

Под конец Маро робко спросил, увидятся ли они снова.

В «Кухне Голиаани» подавали первоклассные тунские блюда, а также предлагали огромный выбор напитков, и в пятницу вечером за столиками сидели молодые служащие, населяющие Северный Сотто. Подвешенные керамические лампы освещали стильный кирпичный очаг, черные столы и полки с декоративными бутылками в деревенском стиле, заполненными сушеными пряностями. Принесли заказ: копченые печеночные сосиски, острое рагу из баклажанов с рисом, запеченную в горшочке перепелку. Шаэ обрадовалась, когда Маро с удовольствием поохал над блюдами и одобрил ее выбор.

Она смотрела, как Маро раскладывает рагу из баклажанов по тарелкам. Маро все делал неторопливо: объявлял тему лекции перед началом занятий, делал паузу, прежде чем заговорить, вдыхал аромат виски, прежде чем глотнуть. Ничего общего с Джеральдом. Бывший возлюбленный Шаэ был спортивным и неудержимым, энергичным в постели, забавным, очаровательным, поверхностным и бесчувственным эспенским офицером.

Маро был умен и сдержан, но непритязателен, ценил содержательные разговоры и новый опыт. Он не был похож на знакомых Зеленых костей, и хотя носил две нефритовые сережки-гвоздики в левом ухе, никогда не был Пальцем клана. Да и вообще не особо интересовался

делами клана и спрашивал о них только потому, что они важны для Шаэ, и когда это касалось государственной политики и международных отношений.

– И о чем тебя спрашивает Королевский совет? – спросила Шаэ.

– В точности о том, о чем я спрашиваю студентов, – с легким намеком на иронию отозвался Маро, – только подробнее, чем в докладе на три странички.

Шаэ вспомнила вопрос, написанный на доске в конце лекции. «Как недавняя ратификация пакта о дружбе и невмешательстве во внутренние дела между Туном и Югутаном повлияет на Кекон?»

– И как бы ты сегодня ответил на свой вопрос? – спросила она.

Маро подцепил кусок перепелки, прожевал и проглотил, прежде чем ответить:

– Я бы сказал, что Кекон окажется в беспрецедентно трудном положении. Пакт Туна и Югутана не стал неожиданностью. У Туна слишком много собственных проблем, чтобы еще и ссориться с Югутаном, а югутанцы рады, что могут не беспокоиться о своей самой длинной границе и сосредоточиться на том, чтобы заполучить контроль над всем заливом Оригас. Для Шотара и Эспении это совершенно неприемлемо. Эспении придется стянуть в регион больше сил, в том числе и на Кекон.

Шаэ кивнула.

– Мы зажаты между Эспенией и Югутанской коалицией.

Кекон был официальным союзником Республики Эспения, на острове Эуман находилась крупнейшая военно-морская база эспенцев. Но кеконцы в большинстве своем не интересовались эспенцами, как и другими иностранцами. Географически Кекон был ближе к континенту Ориусу, чем к Спениусу, и так давно враждовал с Шотаром, что трудно было представить эти страны на одной стороне только из-за того, что обе они – союзники Эспении. Шаэ мысленно вернулась к неприятному разговору с Ри Турой. Мир за пределами Кекона поигрывал силой, которая затмит даже кровавую вражду между кланами Зеленых костей.

– Политическая ситуация сложная, – согласился Маро, – но в то же время предоставляет возможность для нашей страны сыграть более важную роль на мировой арене. – Он сделал глоток, поставил бокал и продолжил: – Почти всю нашу историю мы были изолированным островом с племенными традициями, полагающимся на нефрит и Зеленых костей в качестве оборонительной силы. Но все меняется. Нефрит привел к нашему порогу весь остальной мир, и теперь придется стать его частью.

Шаэ задумалась об уехавшем в Эспению кузене. Она была уверена, что поступает правильно, убедив Хило послать Андена учиться за границу. Равнинному клану нужно больше людей за пределами Кекона, способных понять быстро меняющийся мир, о котором говорит Маро. Но Анден ей не поверил, даже обвинил ее. Шаэ оторвалась от еды и посмотрела на Маро.

– Не перестаю задаваться вопросом, как вышло, что после такого специфического учебного заведения, как Академия Коула Ду, ты стал ведущим профессором по международным отношениям.

Маро поморщился и подался вперед.

– С трудом, – признался он. – В смысле, я едва сумел окончить Академию. Пытался осилить нефритовые дисциплины и чуть не бросил на пятый год, но об этом и помыслить было нельзя. Я единственный мальчик в семье.

Кеконцы непоколебимо верят, что каждая приличная семья должна иметь нефрит. Единственному сыну следовало окончить школу боевых искусств и носить зелень. Маро задумчиво нахмурился и допил виски.

– Оглядываясь назад, я рад, что прошел через тренировки. Думаю, я стал сильнее. Но это было тяжело. К счастью, я вытянул за счет оценок по общим дисциплинам, но никогда не годился для того, чтобы быть Зеленой костью. Не как некоторые, окончившие Академию

в числе лучших. – Он шутливо толкнул Шаэ локтем. – Я помню тебя в те времена. Я был на четвертом курсе, когда ты поступила. А ты меня не помнишь, конечно же?

Шаэ смущенно призналась, что не помнит.

– Ничего страшного, я этого и не ждал. Я был книжным червем и не производил впечатления. Но все знали, кто ты такая. Вы с братом учились на одном курсе, трудно было тебя не заметить.

– Мысль о том, что ты помнишь меня десятилетней, ужасает.

Маро засмеялся с удивительно богатыми и приятными модуляциями.

– А мне полегчало оттого, что ты не помнишь меня неуклюжим подростком с самой нижней строки иерархии Академии, иначе сейчас ты бы со мной не ужинала. Знаю, мы не так давно знакомы, но... Я считаю тебя чудесной. – Лицо Маро залила краска, и он стал усердно расправлять салфетку. – Ты красива и умна, мыслишь современно и открыто. Думаю, просто отлично, что ты стала Шелестом Равнинных. Люди вроде меня могут говорить о переменах, а ты *создаешь* перемены.

Шаэ не нашлась с ответом. От слов Маро у нее потеплело в груди, но она не была уверена, что заслужила его несдержанную похвалу. Кланы по-прежнему воюют, КНА заморозил добычу, расцвела контрабанда. Эспения и Югутан втягиваются в оортковский кризис, и, как и сказал Маро, серьезный конфликт основных мировых государств затронет и Кекон. Она чувствовала себя неготовой к стольким угрозам клану и стране, а своими решениями уже нажила врагов.

– Не все так просто. Клан – как большой старый корабль, им трудно управлять. – Неожиданно для самой себя Шаэ повторила вчерашние слова Вуна. – Не знаю, сумею ли я что-то изменить, даже как Шелест.

Маро опустил подбородок и скептически поднял брови. Видимо, такое выражение он использовал для студентов, не сумевших толком объяснить, отчего они опоздали со сдачей задания.

– Твой дед, да узнают его боги, помог стране открыться и стать процветающей после Мировой войны. Кланы Зеленых костей, может, и самые традиционные культурные институты на Кеконе, но и раньше двигали прогресс. – Он взял руки Шаэ в свои и посмотрел на нее так серьезно, что Шаэ с трудом удалось не отвести взгляд и не покраснеть. – Ты была самой юной на курсе Академии, но училась лучше всех, даже лучше старшего брата. Я слышал разговоры, что ты можешь управлять кланом не хуже его. Ты была рождена и воспитывалась для своей роли. Кто еще способен все изменить, если не ты?

Когда он был в чем-то уверен, Маро становился крайне убедительным оратором, и, несмотря на недавние приступы сомнений в самой себе, Шаэ не удержалась от улыбки и желания поверить в его слова.

Официант убрал тарелки, и к их столику из кухни подошла выразить свое почтение шеф-повар и хозяйка «Кухни Голиаани», Фонарщица клана. Это была невысокая, круглолицая тунка, очевидно рожденная или воспитанная на Кеконе, потому что говорила по-кеконски безупречно.

– Коул-цзен, – сказала она, прикоснувшись сомкнутыми ладонями ко лбу и низко поклонившись, – это честь для меня и моего скромного заведения. Пришлись ли вам по вкусу наши блюда?

Шаэ заверила ее, что еда была превосходной. Маро вытащил бумажник, чтобы расплатиться, но его тут же прервали:

– Нет-нет, никакой платы, вы гость Шелеста, а наш ресторан верен Равнинному клану.

Шаэ встала и собралась уходить, но Маро не поднялся.

– Я настаиваю на оплате, – сказал он и посмотрел не на хозяйку, а на Шаэ. – Я не вхожу в клан, так что ресторан ничего мне не должен, и хотя я знаю, что ты можешь бесплатно поужи-

нать во многих местах, мне было бы приятней заплатить за тебя. Это мелочь, но позволь мне расплатиться.

Хозяйка вопросительно взглянула на Шаэ – та колебалась. Если она примет галантный, но неуклюжий жест, то значит, пришла в «Кухню Голиаани» не как Шелест Равнинного клана с гостем, а как спутница Маро. Она тут же представила слухи и вопросы, которые разнесут сплетники клана.

Но в просьбе Маро было что-то безыскусное, подлинное и пылкое желание соблюсти ритуалы ухаживания, и она не могла ему отказать. Она кивнула хозяйке «Кухни Голиаани» и улыбнулась, снова села и позволила ему оплатить счет.

– Спасибо, Маро.

Бетон снаружи намок от Северной Мороси, типичной для сезона муссона, но влага расчистила смог, и Жанлун благоухал свежестью. Они рука об руку шли по тротуару и болтали. Шаэ с ностальгией указывала на всякие мелочи в своем бывшем квартале: книжный магазин с попугаем в окне, лоток с жареными орешками в бумажных кульках, новая неоновая вывеска театра, появившаяся уже после ее переезда. Они остановились у витрины магазина грампластинок, и Шаэ с удовольствием увидела множество записей эспенских мюзиклов, некоторые она смотрела, будучи студенткой Виндтона, это всегда были забавные костюмированные мелодрамы. Она их любила.

Маро обнял ее за талию. Шаэ нравилось чувствовать его объятья, мягкое касание бедер.

– Я уже говорил, что ты совсем не такая, как я ожидал? – спросил он.

– Что это значит?

Шаэ прильнула к нему. Позволив Маро оплатить ужин, она ослабила защиту, внутри потеплело от спиртного, еды и приятного общества. Она давно не получала удовольствия от неспешного вечера, а ведь так приятно отвлечься от клановой войны и дел.

– Когда люди слышат фамилию Коул, то представляют героя войны, или нефритового вундеркинда, или наследника великой династии Зеленых костей, – сказал Маро. – А не бесстыдную поклонницу глупых романтических мюзиклов.

– В глупых романтических мюзиклах нет ничего плохого, – возмутилась Шаэ.

– Конечно, – с насмешливой серьезностью произнес Маро. – Я не собираюсь спорить по такому важному для тебя вопросу. Тем более что ты можешь убить меня одним мизинцем.

– С какой стати мне это делать и портить идеальный вечер? – поддразнила она.

Улыбка Маро исчезла, а лицо стало задумчивым. Их перепалка была шутливой, но, тем не менее, высветила одно их бесспорное неравенство. Они двинулись дальше по улице, и Маро замолчал на долгую неловкую минуту.

– Можно поделиться с тобой тайной? – спросил он. Когда Шаэ кивнула, он признался: – Я никогда не дрался на дуэли. Однажды мне бросили вызов в каком-то дурацком пьяном споре, но я сумел отложить дуэль, а на следующий день не появился. Вот почему на мне ровно столько нефрита, сколько я получил в Академии. – Маро остановился на тротуаре и повернулся к Шаэ, его лицо оказалось в тени, выражения не разглядеть. – Я не считаю себя трусом, но... Я не приверженец клана, и для меня никогда не было важно завоевать нефрит.

Если бы кто-либо из братьев Шаэ уклонился от честной дуэли, дед отстегал бы их за позор. Конечно, в этом никогда не возникало необходимости, Хило, скорее, следовало пороть за то, что он постоянно устраивал ненужные дуэли. Во многих других частях света дуэли (если можно назвать дуэлью выстрелы из пистолета с противоположных сторон поля) давно вышли из моды или стали противозаконными, но на Кеконе победа в состязании до сих пор оставалась самым престижным способом заработать нефрит, а нефрит означал положение в обществе. От Зеленых костей ожидали участия в дуэлях, это был общепринятый способ улаживания споров даже среди простых обывателей.

– Я никогда не думал, что полюблю Зеленую кость, тем более Коул. Наверное, мужчины носят нефрит, в том числе и чтобы произвести впечатление на женщин, а я, вполне очевидно, не имел тут шансов. – Маро тихо и пренебрежительно усмехнулся. Он шагнул ближе и опустил голову. – Но я влюбился в тебя. Хотя и понимаю, что я не тот человек, которого примет твоя семья.

Шаэ представила реакцию Хило, услышавшего признание Зеленой кости в том, что тот никогда не дрался в попытке завоевать или уберечь свой нефрит – скепсис, удивление, презрение, – и на нее нахлынул порыв гордости за Маро и желание его защитить.

– Я думаю, что ты полная противоположность трусу, – сказала она, подалась вперед и поцеловала его.

Жар их губ слился воедино. Шаэ задрожала, ощутив, как нефритовая аура Маро забурлила от неожиданности, а потом заискрила желанием. У Шаэ в животе набухало ответное желание, сильное и настойчивое. Она уже так давно не ложилась в постель с мужчиной – с тех пор как два года назад рассталась с Джеральдом и вернулась на Кекон. Она вцепилась в лацканы пиджака Маро и приподнялась на цыпочках, целуя его еще настойчивей. Маро обнял ее затылок, запустив пальцы в волосы, а другой рукой обвил за талию, притянув ближе к себе. Между ними нарастало возбуждение.

Шаэ со вздохом оторвалась от него, неожиданно встревожившись, что их заметят. Здесь, на территории Равнинных, всегда где-нибудь поблизости Пальцы и информаторы, уже к полуночи Хило могут доложить, что Шелест целовалась с незнакомцем на перекрестке.

– Такси, – поспешно прошептала она и шагнула на обочину, чтобы остановить ближайшую машину.

На заднем сиденье такси Шаэ сплела свои ноги с ногами Маро, и тот наклонился к ней, его губы жадно двигались по ее щеке и уху.

– Поедем к тебе? – спросил он.

Дом Шелеста еще ремонтировался, а Шаэ не хотела приводить Маро в главный дом, где пришлось бы знакомить его с братом.

– Нет, – сказала она и запустила руки под его пиджак, чувствуя биение сердца и мускулатуру спины. – Лучше к тебе.

Маро жил в четырехэтажном доме без лифта в исторической части Деревни Сотто, где находились студии художников, антикварные лавки, тату-салоны и то тут, то там мелькали современные кафе и втискивались новые дома. Такси высадило их перед зданием, и они взбежали по лестнице, обнявшись. На площадке они снова стали целоваться. Маро дважды пытался засунуть ключ в скважину, а потом выругался, засмеялся и, наконец, сумел открыть дверь. Квартира оказалась просторной и более аккуратной, чем ожидала Шаэ, явно жилище холостяка-интеллектуала, без украшений, но с полками для книг, журналов и видеокассет.

Шаэ не остановилась, чтобы бросить более пристальный взгляд. Они ввалились в спальню и стянули друг с друга одежду, кинув ее на пол. Одной рукой Шаэ обхватила аккуратную ягодицу Маро, а другая скользнула в пах. Ее соски терлись о его грудь, от покалывания волос о чувствительную кожу Шаэ задрожала, как и пульсация их нефритовых аур, сливающихся вместе, как и жар разгоряченных тел.

Они упали на кровать. Шаэ подтолкнула руку Маро вниз, к своим бедрам, лаская его, а потом опустила сама. От него пахло свежестью, но явно по-мужски. Когда его дыхание участилось, она отпрянула.

– У тебя есть...

Маро так быстро протянул презерватив, что Шаэ рассмеялась. Она вскрыла упаковку и надела презерватив, чувствуя, как Маро дрожит от предвкушения.

– Сначала подготовь меня, – прошептала она и опустила его за плечи к своим бедрам.

Маро действовал пылко и умело, и когда каждый мускул в теле Шаэ напрягся на грани оргазма, она приподняла ноги в приглашении. Маро вошел в нее, она громко охнула и прижала его за ягодицы. Она пыталась задержать приступ наслаждения, но несколько толчков вознесли ее на вершину, она задрожала и сомкнула ноги у него на талии, пока по ней перекачивались волны оргазма. Через минуту его нефритовая аура заискрила. Маро вскрикнул, откинул голову и выгнул спину.

Они рухнули в изнеможении. Маро поцеловал Шаэ в плечо и откатился в сторону, обняв ее.

– Спасибо, – пробормотал он ей в шею теплым дыханием.

Когда утром Шаэ проснулась, голова была ясной, как будто секс очистил ее, подобно долгожданному тайфуну. Маро еще спал. Шаэ смотрела на длинный контур его тела под простыней и решила, что он прекрасен, но все же какой-то голый. Лежа рядом во всем своем нефрите – ожерелье, браслетах и серьгах – она чувствовала себя слишком наряженной. Ей даже не пришлось в голову снять нефрит.

Шаэ хотелось остаться здесь, поспать и снова заняться любовью, пройтись по Деревне Сотто и позавтракать. Но вместо этого она незаметно встала, вытерлась полотенцем из ванной и надела разбросанную одежду. Через задернутые шторы проникал тусклый свет, и Шаэ разглядела то, что не заметила накануне вечером. Фотографии из путешествий и копии старинных карт на стенах. Загорающий оранжевый кот на подоконнике. На комод – фотография двух девочек лет шести и четырех.

– Племянницы, – сонным голосом ответил на незаданный вопрос Маро из-за ее спины. – Фото прошлогоднее. У меня есть и недавние фотографии, но я не вставил их в рамку.

Шаэ села на край кровати и прикоснулась к его ноге.

– Это было чудесно.

Маро потянулся к ней и взял за запястье.

– Ты так быстро собралась уходить?

Она кивнула и неохотно встала.

– Нужно направить Колосса.

Брата Шаэ нашла в зале для тренировок позади дома Коулов, он завершал утренние занятия с мастером Айдо. Еще не открыв дверь, Шаэ Почуяла сердцебиение и дыхание Хило. Тот резал и колол с завязанными глазами, полагаясь только на Чутье, нож в его руке мелькал, то и дело попадая в плотную кожаную защиту на корпусе, руках и шее Айдо. Наставник двигался поразительно проворно для седовласого человека, его собственный нож время от времени проверял Броню Хило.

Много лет назад Айдо преподавал в школе Ви Лон, прежде чем влюбился в Грандмастера, после чего стал частным тренером в нефритовых дисциплинах.

Как и носящие нефрит врачи, учителя не принадлежали к какому-либо клану, Айдо тренировал Зеленых костей обоих основных кланов, но в последнее время ограничивался преимущественно высшими эшелонами Равнинного, чтобы избежать потенциального конфликта интересов. Профессия тренера неплохо кормила – Зеленые кости, желающие сделать карьеру в боевой ветви клана, щедро платили за развитие умений и после выпуска, даже те, кто не интересовались боевыми искусствами, старались хотя бы поддерживать навыки, чтобы не стать слабыми и медлительными, легкой добычей. Нефритовые способности утратить так же легко, как и набрать вес, – потихоньку и незаметно.

Звякнул кухонный таймер на полке.

– Гораздо лучше, – объявил мастер Айдо, опустив руки. – Нож снова работает уверенно, и вы не притормаживаете ради Брони.

Хило довольным не выглядел, он сорвал повязку с глаз и подошел к кулеру с водой.

– Коул Шаэ-цзен, – поклонился Айдо, проходя мимо Шаэ к выходу. – Вам тоже следует назначить со мной встречу. Мое расписание на месяц заполняется очень быстро.

– Обязательно, Айдо-цзен, – отозвалась Шаэ.

Хило осушил стакан с водой и бросил его в мусорное ведро. Вытирая полотенцем шею, он посмотрел на стоящую у двери Шаэ, потом отвернулся, тяжело оперся ладонями на стол и помрачнел.

– Сомневаюсь, что я когда-нибудь стану прежним.

Хило несколько долгих месяцев восстанавливался от полученных в прошлом году ран и, хотя Колосса всегда ждали неотложные дела, был просто одержим желанием снова войти в форму. Шаэ знала, что, помимо мастера Айдо, у него есть еще по меньшей мере два тренера. Она подозревала, что увлеченность брата боевой подготовкой – это способ избежать неинтересных или сложных для него сторон работы Колосса. Боевая сила Зеленой кости – вот что он всегда может понять и контролировать.

– Тебе больше нет нужды лучше всех орудовать ножом, – сказала она. – За тебя дерутся другие.

– Сильные не станут драться за слабых. – Хило прошел мимо нее к двери. – Ты завтракала?

Кьянла вынесла на стол во дворе миску с дымящимися яйцами в бульоне и тарелку с булочками. Шаэ рассказала Хило о разговоре с Ри Турой и предложении Айт об официальной встрече.

– Они хотят обсудить условия мирного соглашения.

– Мирного соглашения, – скривился Хило. – А эта сучка не робеет.

Шаэ взяла рогалик и разломила пополам. Она вспомнила вчерашние слова Маро, уверенность, которую он в нее вселил. «Ты можешь управлять кланом не хуже его. Кто еще способен все изменить, если не ты?»

– Думаю, нам стоит согласиться, – сказала она.

К ее удивлению, Хило не отреагировал. Он тихо жевал несколько секунд, а потом спросил:

– Почему?

– Думаю, ты знаешь причину, Хило. Мы в безвыходном положении. Тар вызвал очередной раунд взаимной резни, но она уже стихает. Пресса воспринимает это крайне негативно, потому что всем известно – при таком положении дел борьба бессмысленна. Полтора года открытой войны истощили оба клана, ни один сейчас не способен победить.

– Айт из кожи вон лезла, чтобы прикончить нас в прошлом году, но ничего не вышло, – прорычал Хило. – А теперь приползла к нам в надежде на мирное соглашение? С какой стати нам сдаваться, когда преимущество на нашей стороне?

– Нет у нас преимущества, – возразила Шаэ. – У нас нет ресурсов и людей, чтобы контролировать весь город, даже если мы одолеем Горных. Ты же сам сказал: война – это раздолье для преступников и контрабандистов, а пока кланы теряют людей, ситуация будет только ухудшаться. Сколько времени, по-твоему, мы сумеем удерживать улицы?

Она дала ему слишком много возможностей для спора, и Хило бросил на нее мрачный взгляд и сказал:

– Насколько я слышал, может, даже дольше, чем ты продержишься в кабинете на Корабельной улице.

Шаэ поморщилась, но не отвернулась.

Хило потер глаза ладонью.

– Я не так глуп, Шаэ, – произнес он уже теплее, – я просматриваю все отчеты, которые ты кладешь мне на стол. Добыча нефрита остановлена, турпоток падает, наши расходы на войну

велики, люди волнуются. Я все понял. Но ты хоть на секунду веришь, что Айт вдруг стала другим человеком и хочет жить с нами в мире?

Шаэ обхватила пальцами теплую чашку с бульоном. Нетрудно было вспомнить прошлогодние слова Колосса Горного клана, когда та пообещала уничтожить Равнинных.

– Нет, – ответила Шаэ. – Айт поставила все на попытку оставить у руля один клан.

– Значит, мир долго не продлится. Горные просто воспользуются возможностью собраться с силами, чтобы ударить нас еще серьезней.

Шаэ медленно кивнула.

– Но ведь это верно для обеих сторон, Хило. Нам тоже нужно собраться с силами и планировать дальнейшие ходы. Мы можем вести переговоры и не забывать, что перед нами враги.

Хило откинулся на спинку стула и недовольно фыркнул.

– У людей куриные мозги. Год назад публика была на нашей стороне, винила Горных за то, что тайно запасали нефрит и развязали войну. А теперь все позабыто, все с готовностью отдадут Айт ключи от КНА и обрадуются, если мы будем сидеть сложа руки.

– Большинство людей – не Зеленые кости, – напомнила Шаэ. – Их не касается это напрямую. Их тревожит замедление экономического роста, преступность и контрабанда, в особенности, когда сепаратизм в Оортоко грозит перерасти в войну Эспении с Югутаном, прямо у нас под носом, на востоке Амарики. Наш маленький остров окажется зажатым между крупнейшими армиями планеты, а мы – единственный в мире источник нефрита. – Изучив мрачное выражение лица брата, Шаэ продолжила: – Вот почему людям плевать на печали клана. Они не просто хотят прекращения клановой войны, они хотят, чтобы мы совместно защищали государственные интересы. Потому что иначе, возможно, мы обречем на гибель и кланы, и страну. Вот почему мы должны согласиться на встречу с Горными. – И она добавила совсем тихо: – Ты ведь знаешь, Лан хотел бы, чтобы мы поступили именно так.

– Лан много чего хотел, но не сумел добиться.

Хило умолк и уставился куда-то в пространство. По утрам уже потеплело, весенний сад буйствовал розовыми и белыми пионами и азиями. Шаэ ждала. В прошлом году они с Хило много раз сидели вот так – за яростными спорами или молча, и она научилась распознавать особенности его нефритовой ауры, когда ее слова наконец-то его убеждали. Если на Хило давить слишком сильно, он лишь с раздражением начнет защищаться, ему нужна подлинно личная причина, чтобы оправдать свои решения.

– Я обсужу это с Кеном, – произнес Хило. Он быстро проглотил остаток рогалика и вытер рот салфеткой. – Передай Ри, что мы поговорим. Назначь время после моего возвращения с островов Увива.

Глава 8. Семейные дела

Коул Маик Вен вбежала в спальню, где ее муж собирал вещи в поездку.

– Хило, – выдохнула она.

Ей не хотелось выдавать тревогу, но он наверняка Почуял ее нервозность, потому что бросил бумажник и нож на кровать и обнял Вен.

– Что-то не так? У тебя все хорошо? – спросил он.

– Все прекрасно. – По правде говоря, она ужасно вымоталась, а сегодня утром с трудом запахнула в себя завтрак, но не потому бежала вверх по лестнице. Рука с квадратным конвертом задрожала, когда Вен протянула его Хило. – Я нашла это в бумагах из кабинета, которые ты просил упаковать.

Хило и Шаэ так долго не трогали спальню и кабинет Лана, что после переезда в главный особняк Вен пришлось взять дело в свои руки. Она любила Лана и горевала, что он так и не стал ее деверем, но мертвым не требуется помощь. Лучше позаботиться о живых. Вен убрала из спальни мебель и перекрасила ее, решив превратить в детскую. А чтобы сподвигнуть Хило изменить по своему вкусу и кабинет, сложила вещи и бумаги Лана в коробки и унесла их. Поначалу Хило сопротивлялся.

«Оставь их там, я все равно не собираюсь пользоваться этой комнатой», – сказал он.

Но все-таки он понимал, что пользоваться кабинетом придется, и с радостью предоставил заниматься этим жене, попросив ее хотя бы разобраться в коробках и вытащить важные бумаги, прежде чем убрать или избавиться от остального. Этим утром Вен как раз этим и занималась, когда обнаружила конверт.

Он был адресован Лану, на марке значилась дата за две недели до его гибели. Обратный адрес – абонентский ящик в Либоне, в Степенланде. Вен протянула мужу два сложенных листка с убористым почерком и фотографией шестимесячного младенца.

– Кто это? – спросил Хило.

– Твой племянник. Эйни была беременна, когда уехала с Кекона.

Вен ткнула пальцем в начало письма.

«Не знаю, как еще тебе в этом признаться. Это твой сын. Прости, что не сказала раньше, но я не была уверена в отцовстве. Оно стало очевидным после его рождения – у него твой нос, твои глаза, даже выражение лица... как у Коула. Ты знаешь, о чем я. Его зовут Николас, и он чудесный, здоровый малыш».

Вен наблюдала, как Хило в недоумении скользит глазами по остальному письму. Она уже прочитала его и знала, чем оно заканчивается.

«Понимаю, какое это потрясение. Я и сама не знаю, как поступить. И хотя у нас ничего не получилось, я все-таки хочу, чтобы Нико знал своего биологического отца. Может, мы могли бы обсудить мое возвращение на Кекон. Не стану тебя винить, если ты не захочешь иметь со мной ничего общего, но ты мне небезразличен. Пожалуйста, напиши».

Хило отложил письмо и изучил фотографию.

– Не вижу того сходства, о котором она говорит, – наконец сказал он.

Вен выхватила из его рук фото.

– Ты просто слеп, – воскликнула она. Это правда, малыш на фото выглядел как все младенцы – круглолицый, с большими глазами, милый и нежный, но настолько очевидно был сыном Коула Лана, что Вен хотелось с негодованием зашипеть на мужа. – Ты должен написать Эйни.

Хило скривился и сел на край кровати. После отъезда бывшей жены Лана никто в семье не поддерживал с ней отношения. Конечно же, она слышала о смерти Лана.

– Вряд ли она хочет получить ответ от меня. Мы с Эйни никогда не ладили. И что мне ей сказать?

Вен присела у ног мужа и с настойчивостью посмотрела ему в лицо. Она знала, что Хило никогда не любил жену своего брата, но какое это имеет значение? Его личные чувства к Эйни неважны, нужно поступить правильно в отношении ребенка. Как только Вен увидела фотографию Николаса, ее сердце растаяло.

– Скажи, что она может вернуться в Жанлун. Она хочет вернуться, но ждет одобрения Колосса.

– Она хочет привезти с собой этого иностранца, с которым наставила рога Лану, – ответил Хило с раздраженными нотками в голосе.

– Даже если и так, Лан наверняка поступился бы честью и позволил им вернуться, если привезут его сына на Кекон. – Вен снова протянула фото и письмо. – Напиши Эйни и объясни, что мы обнаружили ее письмо только сейчас. Скажи, что она прощена и может приехать, чтобы воспитать сына в Жанлуне, где он познакомится с семьей. Никко, наверное, сейчас уже года два. Неправильно, что он живет так далеко, растет вне культуры нефрита и в окружении иностранцев.

Хило потер глаза пальцами, но кивнул.

– Ты права. Я никогда не смогу считать Эйни своей сестрой, но ради ребенка примирюсь с ней и этим кобелем, с которым она сбежала.

Он сложил письмо и сунул его обратно в конверт, но по-прежнему рассматривал фотографию. Вен понимала, что он пытается примириться с мыслью о появлении племянника, о чем существовании даже не подозревал.

– А может, лучше ты ей напишешь? – предложил он.

Вен тут же поняла, что так лучше.

– Конечно, – согласилась она, вставая. – Она скорее воспримет приглашение от женщины. Сегодня же ей напишу и попрошу приехать, чтобы мы познакомились с мальчиком.

Вен увидела, что Хило потеплел к этой идее, как будто облака на небе разошлись, открыв путь солнечным лучам. Он улыбнулся в той мальчишеской манере, которую невозможно запечатлеть камерой или на рисунке, хотя Вен и пыталась. Хило отдал ей письмо, но фотографию сунул в карман рубашки.

– Когда будешь писать Эйни, дай ей знать, что я хочу оставить прошлое позади. В Жанлуне она может рассчитывать на помощь клана. Мы подыщем ей жилье и работу – все, что потребуется. Она скорее в это поверит, если слова будут исходить от тебя, а не от меня. И конечно, с сыном Лана я буду обращаться как с собственным.

Вен обвила Хило руками за шею и благодарно поцеловала. Ее муж бывает близоруким и упрямым, иногда цепляется за консервативные принципы или личные предубеждения, которые мешают ему судить здраво, но он обладает самым ценным человеческим качеством, в особенности для лидера, – умеет ставить нужды других выше собственных, вне зависимости от своих предпочтений.

Хило обнял ее за талию и приложил ладонь к ее животу.

– Когда мы объявим? После похорон старика и других недавних событий нужны хоть какие-то хорошие новости.

– Давай подождем до твоего возвращения, – предложила Вен. Ее вдруг охватил страх, что эти слова могут накликать на поездку неудачу. Вен прижалась к Хило и призналась: – Я беспокоюсь. Твоя сестра права, не стоит тебе туда ехать.

– Со мной будет Тар, – легкомысленно произнес Хило.

– Значит, мне придется волноваться за вас обоих.

Хило ободряюще обнял ее.

– Горные желают моей смерти. Здесь, в Жанлуне, я каждый день рискую жизнью. С чего бы тебе беспокоиться еще больше?

– Айт предлагает мирный договор, потому что не может убить тебя прямо сейчас. Это бы привело к новой вспышке насилия в городе, а у нее нет поддержки общественности и недостаточно людей, чтобы с этим разобраться. Здесь тебе безопаснее.

– Я видел, как ты разговаривала с Шаэ, – сказал Хило с намеком на раздражение, но весело. – Вы явно много над этим размышляли, но поверь, я тоже. – Хило встал и закончил сборы, сложив в дорожную сумку одежду и туалетные принадлежности. – Этот прощельяга Запунью выживает за счет того, что не привлекает к себе внимания. Он платит правительству и полиции островов Увива, чтобы его сеть контрабанды функционировала. Если бы он хотел от меня избавиться, то неужели стал бы заманивать на свою территорию? Увиванец убил гражданина Кекона, Колосса Равнинного клана – это появилось бы во всех международных новостях. Это не сойдет ему с рук, как прочие делишки, правительства обеих стран устроят на него охоту. Он не станет рисковать всем, что создал.

Вен не стала спорить, но не могла стряхнуть страхи, наблюдая, как Хило засовывает в карманы бумажник и паспорт. Она привыкла, что на нее не обращают внимания. В детстве она стояла у ворот Академии Коула Душурона и смотрела на входящих внутрь братьев, сама же никогда не смогла бы туда попасть. На ее глазах братья превратились в могущественных людей, заработали нефрит, шрамы и уважение в клане, который когда-то их отвергал.

Но она добилась и собственных побед. Когда Вен было четырнадцать, братья привели в дом друга. Случай редкий – к Маикам нечасто кто-то заглядывал. Коулу Хило было шестнадцать, как и Тару, а в клане уже поговаривали, что он самый свирепый из внуков Факела и наверняка однажды станет Штырем.

В тот вечер, как и во многие вслед за ним, Хило с радостью ужинал за скромным столом в Папайе, а не в огромном семейном особняке на Дворцовом холме. Он уважительно разговаривал с их матерью и подтрунивал над Кеном и Таром как над собственными братьями. Когда мать Вен щелчком пальцев велела дочери подлить гостю чая, она покорно спешила исполнить указание. Люди по большей части избегали без необходимости смотреть на Вен или говорить с ней и дергали себя за уши, дабы отвратить неудачу. Хило повернулся к ней, поблагодарил и замер. Он долго не сводил с нее взгляда, а потом с улыбкой вернулся к еде и разговору с ее братьями.

Вен закончила разливать чай и села, сложив руки на коленях и уткнувшись в тарелку. Ее лицо горело как в лихорадке – такого с ней никогда еще не случалось. «Вот человек, за которого я выйду замуж», – подумала она.

Ей стоит благодарить судьбу, Вен это знала. Ее не тревожило даже то, что она каменноглазая, если это позволяло помогать Шелесту в войне против врагов Равнинного клана. А скоро в ее жизни появится и другая радость. И все же внутри вместе с тошнотой и беспомощностью зашевелилось знакомое чувство, что на нее не обращают внимания, да оно никогда далеко не отступало.

– Не стоит недооценивать этого человека, – прошептала Вен. – Обещай, что будешь осторожен.

Хило сунул нож в ножны на поясе.

– Обещаю. – Он посмотрел на часы, поднял сумку и быстро чмокнул Вен в губы. – Я же стану отцом. Это все изменит.

Глава 9. Увиванец и его полукостные

Полет с Кекона до Тиалуи, крупнейшего из тринадцати островов Увива, занял чуть меньше двух часов на десятиместном турбовинтовом самолете. В Жанлуэ было сыро и пасмурно, а из самолета Хило шагнул в тропическую жару и под слепящее солнце. На аэродроме его ждали две белые арендованные машины с водителями, их заказал Тар по просьбе Хило, а рядом – группа из десятка вооруженных людей, которых он не заказывал, но не удивился, увидев их.

Тар и его помощник Доун сошли первыми и встали по бокам Хило, когда он спустился по складному трапу. Из группы незнакомцев навстречу выступил один. Высокий и не похож на увиванца, но такой загорелый, что трудно сказать точно. На его шее висела толстая золотая цепь с пятью зелеными камнями.

– Добро пожаловать на Тиалуи, Коул Хилошудон, – сказал он на сносном кеконском. – Паз Запуньо прислал нас встретить вас и сопроводить в его личную резиденцию, где он с удовольствием вас примет.

Хило оглядел незнакомца с головы до пят и перевел взгляд на остальных. Все были одеты похожим образом – в штаны цвета хаки, шелковые рубашки и темные очки, на шеях тяжелые ожерелья с зелеными камнями, массивные кольца и металлические браслеты на руках. Хило ухмыльнулся.

– Мы поедем в собственных машинах, – сказал он. – Можете нас сопровождать.

Вдобавок к Маику Тару и Доуну Хило взял с собой трех людей Кена: Первого Кулака клана Цзуэна и двух Пальцев – Вина и Лотта. Выбор был осознанным, ведь Цзуэн – один из лучших бойцов Равнинных, на его навыки можно рассчитывать, если что-то пойдет не так, а кроме того, он отвечал за непосредственные операции в Жанлуэ. Хило хотел поговорить с ним в самолете, узнать, как идут дела и как справляется Кен в качестве Штыря. Вин был Пальцем уже два с половиной года и ждал повышения до Кулака. Хило слышал, что он один из самых сильных Зеленых костей клана в Чутье. Лотт только в прошлом году выпустился из Академии, но был сыном видного Кулака, убитого Горными в разгар клановой войны. Хило принимал в его судьбе личное участие и хотел воспользоваться поездкой, чтобы лучше разобраться в потенциале юноши.

Хило сел в прокатную машину вместе с Таром и Лоттом, Цзуэна, Доуна и Вина он отправил вперед в другой. Люди Запуньо расселись по трем одинаковым серебристым седанам, один возглавил кавалькаду, другие два замыкали ее.

Эта заметная колонна ехала полчаса, сначала по длинному ровному шоссе с плантациями чая, сахарного тростника и фруктовыми садами, тянувшимися в жарком мареве по обеим сторонам, потом вверх по ухабистому серпантину между усеянными козами холмами, с придорожными лотками со всякой всячиной и загорелыми поденщиками в широкополых соломенных шляпах. Несколько работников сверкнули кривоизогнутыми улыбками и помахали машинам, а потом уставились на них. Хило решил, что увивцы выглядят как коварный народ, который знает, что зависит от более могущественных и богатых чужестранцев, и ненавидит себя за это. Днем это самые дружелюбные люди, а посреди ночи украдут твой бумажник и перережут плотку.

То тут, то там Хило видел выцветшие дорожные знаки на шотарском. Даже знаки поновее, на увиванском, были полны заимствованных слов, а большинство увиванцев носили шотарские или похожие на шотарские имена. Как и Кекон, острова Увива до Мировой войны были оккупированы Шотарской империей. Но в отличие от Кекона не были нефритовым камушком архипелага, а кланы Зеленых костей не вели долгую партизанскую войну с иностранцами. Увиванское сопротивление быстро сокрушили, и шотарцы железной рукой правили ост-

ровами семьдесят лет. После поражения в Мировой войне Шотару пришлось вернуть острова Увива их народу, но независимость принесла неоднозначные результаты. Теперь обедневшая страна славилась по всему миру экспортом сельскохозяйственной продукции, прекрасными пляжами для туристов и нефритовой контрабандой.

– Коул-цзен, – заговорил по пути Лотт. – Кто те люди, которые работают на Запуньо?

– Баруканы, – ответил Хило. – Шотарские бандиты.

– На них столько бутафорского нефрита, как будто они ограбили магазин маскарадных костюмов, – фыркнул Тар.

– Особо не задирай нос, – резко осадил его Хило. – Там, куда мы едем, на каждого из нас придется несколько баруканов. И ты не считаешь их опасными только из-за жалкого вида?

Хило еще сердился на Тара из-за недавней оплошности и неспособности найти убийцу Лана и вернуть семье украденный нефрит. Колосс погрузился в мрачное молчание, его аура ошетижилась.

Машины свернули на гравийную дорогу, идущую по гребню холма и опускающуюся в неглубокую долину, из-под колес заструились длинные клубы пыли. Кавалькада обогнула искусственное озеро в окружении сада с каменными увиванскими изваяниями, расставленными среди тропических цветов. На дальнем берегу озера дорога упиралась в красный двухэтажный особняк в старошотарском колониальном стиле: большие квадратные окна под остроконечной черепичной крышей, широкие балконы на фасаде с каменными колоннами и одноэтажные пристройки по обеим сторонам от главного здания. Машины остановились у входа.

По пути к поместью Хило заметил караульные башни с вооруженными винтовками часовыми и многочисленную охрану около дома в дополнение к тем людям, которые встретили их в аэропорту. Выйдя из машины, он увидел электронные замки на дверях, а камеры и датчики движения были скрытно установлены в каждой щели традиционной архитектуры. Резиденция Запуньо была роскошной крепостью. Старший барукан, говоривший с ним в аэропорту, прошел вперед и придержал дверь. Поднимаясь по лестнице, Хило велел Вину идти рядом.

– Сколько? – тихо спросил он.

– Двадцать два человека внутри и вокруг дома, Хило-цзен, – прошептал Вин. – Четырнадцать с нефритом, но... его не так много, как они пытаются представить.

Хило довольно кивнул – его собственные оценки подтвердились.

– Будь начеку, – сказал он, и Вин кивнул.

Чутье Пальца было и впрямь превосходным – большая часть нефрита на баруканах Запуньо оказалась обычными декоративными камнями, кеконцы называли их бутафорским нефритом. При встрече с загорелым предводителем баруканов Хило подметил, что только пять камней в его ожерелье – подлинный нефрит. Но простой обыватель, не Зеленая кость, то есть почти каждый увиванец, не сумел бы определить несоответствие нефритовой ауры, и баруканы выглядели грозными и опасными, как лучшие воины Кекона. Правда, ни один Кулак Равнинных не стал бы носить нефрит так неуклюже, на болтающихся цепочках и браслетах – в бою это непрактично.

Такая показуха не означала, как Хило уже напомнил Тару, что эти люди не опасны, но вызвала у Колосса презрение. По-шотарски слово «барукан» означало одновременно гостя и незнакомца, так называли незваного и нежеланного гостя, к примеру, инспектора из головного офиса или ворчливую тещу. Однако в последние двадцать лет слово стало синонимом кеко-шотарских бандитов. Во время иностранной оккупации Кекона сотни и тысячи кеконцев насильно или добровольно переселились в Шотар. Их потомки стали маргинальным меньшинством, и многие занимались нелегальной торговлей нефритом или криминальными делами.

Кеконцы называли их баруканами и полукостными, относясь с презрением и жалостью.

Полукостные наемники Запуньо сопровождали Хило и его людей вверх по широкой мраморной лестнице к просторной гостиной с большим роялем и высокими книжными шкафами, открытые стеклянные двери выходили на балкон с видом на личное озеро. Запуньо обедал за большим кованым столом. С ним сидели еще три молодых человека. Справа от него – старший из них, лет двадцати пяти. Другие два – слева, один лет двадцати, а другой – шестнадцатилетний подросток. Явно сыновья Запуньо.

Предводитель баруканов остановился у стола.

– Паз, – сказал он, прибегнув к почтительному обращению, принятому среди шотарцев и увиванцев, – ваши гости прибыли.

– Благодарю, Ийло. – Контрабандист поднял голову, но не встал. – Коул Хилошудон, Колосс Равнинного клана. Давно хотел встретиться с вами лично. Прошу, садитесь.

Говорил Запуньо с акцентом и неспешно, но на чистом кеконском, слегка хрипловато. Он был невысоким и темноволосым, кривые передние зубы и щуплая фигура намекали на плохое питание в детстве.

Надежные источники утверждали, что он диабетик, у его матери эта болезнь возникла после сорока, отчего она и скончалась. Запуньо был в свободной рубашке из желтого шелка, на шее повязан бледно-голубой платок, над сухими губами топорщились тонкие усики. Он был похож на типичного увиванца, грубоватого управляющего на плантации, но все знали, что Запуньо наполовину кеконец. Отцовская кровь и небольшая доза СН-1 вместе с ежедневной инъекцией инсулина обеспечивали ему необходимую для работы переносимость нефрита. Но сам он нефрит не носил.

Напротив Запуньо и его сыновей стоял единственный стул и прибор. Хило опустился на стул. Тар отошел в уголок, а четверо Зеленых костей встали за спиной Колосса, внимательно наблюдая. Баруканы, телохранители Запуньо, заняли аналогичные позиции за своим боссом. Хило не мог сдержать улыбку при виде такой картины: два человека сидят друг перед другом за столом, уставленным тарелками с тропическими фруктами, маринованными овощами и копченостями, а десяток хорошо вооруженных охранников молча стоят рядом. Запуньо обставил встречу таким образом, будто она проходит между королями одного ранга. Но, учитывая сидящих рядом с ним сыновей, увиванец показывал, что правит здесь он.

Подошел слуга и наполнил бокалы водой с лимоном. Хило не притронулся ни к еде, ни к воде, не потому что Запуньо мог его отравить, а потому что не доверял системе очистки воды на Увивах. Он откинулся на спинку стула.

– Где Тейцзе?

Запуньо поковырялся в четвертинке папайи серебряной ложечкой.

– Надо полагать, развлекается в бассейне. – Он положил ложку с розовой мякотью в рот, проглотил и промокнул уголок губ шейным платком. – Ваш кузен умеет хорошо провести время. Вы в курсе, как он влез в проблемы с полицией? Сначала пришел в ночной клуб, надев нефрит, а здесь это запрещено. Потом попытался в один вечер снять трех женщин, а положено только двух. Ему повезло, что я услышал о его неприятностях. Болезни в местных тюрьмах могут прикончить человека прежде, чем он предстанет перед судом. Мне бы не хотелось, чтобы подобное неудачное стечение обстоятельств испортило отношения между нашими странами.

– Можете засунуть его обратно в камеру, лично мне плевать, – отозвался Хило, – просто не могу смотреть на рыдания его матери. Судя по всей этой словесной эквилибристике, предпринятой, чтобы поговорить со мной лично, вы явно считаете, будто нам есть что обсудить. Я приехал сюда из любопытства – мне интересно, что стервятник вроде вас может сказать Колоссу.

Хило ожидал, что контрабандист разозлится, хотя бы окрысится, но Запуньо лишь кивнул, как будто именно этого и ожидал.

– Вы, Зеленые кости, мыслите по-старому, – ответил он, сверля Хило маленькими, как у жука, глазками. – Наверное, кое-кто на Кеконе до сих пор думает, что нефрит – дар небес, а вы – потомки Цзеншу и ближе всех народов находитесь к богам. Я слышал эти рассказы собственными ушами. Вы так цепляетесь за нефрит, так крепко, будто вросли в него душами. Вместо того чтобы мыслить шире – о том, как вы можете разделить этот чудесный дар с остальным миром.

– Именно этим вы и занимаетесь, – с иронией произнес Хило. – Делитесь с миром нефритом.

– Я предприниматель. Я вижу спрос и удовлетворяю его. Если на что-то есть спрос и обычные поставщики его не покрывают, конечно, возникнет возможность для бизнеса. Мой отец-кеконец ничего не дал ни моей матери, ни мне, только боль и печали, но благодаря ему я научился тому, как за себя постоять. А от дорогой мамули я научился делиться тем малым, что имею. Вот почему я хотел с вами поговорить.

Хило посмотрел на сверкающее озеро и задумался, сколько денег, заработанных на черном рынке нефрита, ушло на строительство этого оазиса в холмах, чтобы создать и вооружить поместье, платить всей службе. Запуньо называл свою организацию Ти Пасуйга – «племя» по-увивански. Его подчиненные носили нефрит и приносили ему клятву в верности. Может, контрабандист и презирает кеконские традиции, но это не мешает ему использовать их в своих целях. Хило снова повернулся к столу.

– Вы бросили мне наживку, чтобы сделать деловое предложение. Так делайте его.

Запуньо положил в тарелку несколько маринованных фасолин и ломтиков баклажана.

– Мое предприятие, как и любое другое, основывается на людях. Но трудно найти работников, когда Зеленые кости быстро убивают всех, кто пытается вывезти из страны хоть крошку нефрита. Такой могущественный клан, как Равнинный, может заняться более важными делами. Вам нужно охранять свои территории в Жанлуне от врагов, а для этого необходимы деньги и люди. Так зачем тратить силы, борясь с тем, что никому не мешает? Нет причин ополчаться друг на друга. Я не жаден. Я родился в бедности, даже сейчас довольствуюсь крохами с Кекона и готов ими делиться.

Хило кивнул.

– Вы хотите, чтобы я перестал убивать ваших каменных рыбок в обмен на долю с прибыли на черном рынке нефрита, которую вы имеете, контрабандой вывозя камни с наших берегов.

– Вы ведь получаете дань от всякого рода предприятий, Коул Хило. Разве вы свысока смотрите на деньги от борделя, в отличие от денег бакалейщика? Кекон продает нефрит правительству Эспении и ее союзникам, чем их деньги лучше моих?

Впервые в медлительном и сухом голосе контрабандиста возник намек на угрозу. Он повернул голову направо и налево, указывая на сыновей. Старший ел шумно и с аппетитом, время от времени отрывая взгляд от тарелки, но не проявлял интереса к разговору. Двое других смотрели на Хило как ощерившиеся псы.

– Мои сыновья получают гораздо больше, чем я в детстве, живут гораздо лучше. Мне приятно сознавать, что однажды они возглавят мое дело, и если со мной случится какая-нибудь неприятность, они запомнят моих врагов. С возрастом я все меньше думаю о себе и все больше о том, что передам своим детям и внукам. У вас есть дети, Коул-цзен?

– Нет, – ответил Хило.

– Если боги пожелают, когда-нибудь они и вас благословят. И тогда вы поймете, что я похож на любого другого отца и бизнесмена. Вы ведь хотите, чтобы ваша семья и страна процветали и жили в мире, и нефрит поможет этого добиться. – Запуньо обвел рукой дом, сыновей, охранников – словом, все острова Увива. – И ведь не скажешь, что мы сильно отличаемся, верно?

Хило оттолкнул нетронутую тарелку и подался вперед. Движение было едва уловимым, никакой открытой угрозы, но и Зеленые кости, и баруканы с Чутьем напряглись от изменения его нефритовой ауры.

– У нас столько же общего, как у ваших баруканов с Зелеными костями. То есть ничего. – Колосс говорил спокойно, но в пристальном взгляде на увиванца читалось презрение. – Для вас нефрит – просто предмет, который можно украсть и продать. Вот почему сами вы его не носите. Вы хотели поговорить со мной лично, и я это ценю. Я приехал сюда по той же причине, чтобы поставить вам простое условие: держитесь подальше от Кекона. Вы не Фонаричик и не получите преференций от Равнинного клана. Если какой-нибудь отчаянный абукеец готов рискнуть жизнью, перевоза для вас нефрит, это одно. Но есть разница между псами, подбирающими объедки за дверями вашего дома, и теми, кто лезет в окно, чтобы украсть со стола. Первые – ерунда, на которую можно не обращать внимания, вторые – проблема, которую следует устранить. Я знаю, ваши люди в Жанлуне вербуют кеконских преступников, чтобы служили каменными рыбками. Я знаю, ваши лодки причаливают в отдаленных частях побережья и отправляют отряды стервятников на нефритовые рудники. Я приказал Пальцам и Кулакам убивать всех пойманных воров. Я понимаю вашу позицию. Последняя пара лет выдалась для вас удачной. Рудники простаивают, Горный клан воюет с Равнинным, а теперь еще заварушка в Шотаре поднимет спрос на черном рынке нефрита. Но не думайте, что нефрит превратит вашу шайку полукостных в клан, не воображайте, что за деньги можете стать Колоссом.

В конце концов Хило разозлил Запунью, губы под усами сжались в морщинистую ниточку. Хило улыбнулся.

– Лучше покончить с контрабандой, пока вы на вершине. Зайдете дальше и принесете свою вонь на Кекон – и потеряете все. Зеленых костей нельзя купить на грязные увиванские деньги.

– Деньги есть деньги, все они грязные, и всех можно купить. – Сердечный тон Запунью вдруг исчез, маленькие глазки затуманились, и он стал похож на кривоzubого мангуста. – Я ошибся, посчитав вас разумным человеком. Мы оба знаем, что я могу обратиться к вашим врагам.

Хило засмеялся.

– Так попробуйте. Айт Мадаши просто сломает вам шею. Горные убили моего брата и развязали войну против моей семьи, чтобы контролировать кеконский нефрит. Если Айт не пожелала делиться с другими Зелеными костями, думаете, она будет иметь дело с вами?

Хило быстро и плавно поднялся. Ийло и другие баруканы рядом с Запунью потянулись к пистолетам, Хило почувствовал, как Тар и другие шагнули вперед, их ауры загудели.

– Вы использовали моего никчемного родственника как наживку, – спокойно произнес Хило, – и принимали его в своем доме, и потому, даже если как Зеленой кости мне следовало бы убить вас за воровство нефрита, не будем портить этот прекрасный день. Мы поговорили и теперь знаем наши позиции. Все дальнейшее, даже если это и будет не очень приятно, сюрпризом не станет.

Запунью не сдвинулся с места. Он сунул в рот последний ломтик холодного мяса и заработал челюстями, наблюдая за Хило прищуренными от многих лет жизни в жаркой пыли глазами. Контрабандист сплел пальцы и положил их на живот.

– Конечно, я разочарован, – сказал он. – Я оказал клану любезность, пригласил вас к себе домой и предложил еду и напитки, а вы даже спасибо не сказали. Вы, Зеленые кости, придаете столько значения своей чести, но если не научитесь вежливости по отношению к остальному миру, так и останетесь в хвосте. Но вы верно заметили – нет нужды портить прекрасный день. Я не гордец, Коул-цзен, и готов проглотить ваше поведение. Как всякий человек, который начал с нуля и ничто не принимает как само собой разумеющееся.

Запунью махнул рукой в сторону двери в сад.

– Можете забрать своего кузена Тейцзе и вернуться в свою страну. Ийло вас проводит.

Как и сказал Запуньо, Тейцзе Рюно они обнаружили у бассейна на задах особняка, с коктейлем в увешанной нефритом руке и худой девицей, лежащей на полотенце под боком. Из проигрывателя доносились эспенские песни в стиле джигги. Хило подошел к кузену и встал рядом. Тейцзе пошевелился и снял темные очки – очевидно, он дремал. Несколько секунд он непонимающе пялился на Хило, а потом вскочил, отставил бокал и расправил плавки.

– Кузен Хило, – воскликнул он, всплеснув руками от радости и удивления.

Хило дал ему пощечину. Тейцзе покачнулся и охнул. Хило ударил еще раз, и тот растянулся на земле.

Нога Тейцзе задела бокал, тот перевернулся и разбился. Девица в купальнике завизжала и умчалась, что-то выкрикивая по-увивански, а Хило со злостью пинал Тейцзе в бок.

– Коул-цзен, прошу вас, не надо, – завывал Тейцзе, на четвереньках уползая от Колосса.

Хило последовал за ним, дубася родственника в живот и пах, а потом еще несколько раз ударил в живот.

Тейцзе Рюно был довольно крупным, на полголовы выше Хило, широкоплечий и с длинными руками, и он держал себя в форме, но лишь прикрыл голову ладонями и свернулся калачиком, пока удары Хило не прекратились. Девица с криками вбежала в дом. Ийло стоял в сторонке и наблюдал, как и остальные баруканы и люди Хило. Тар весело хихикал. Когда Хило закончил, ни одна кость Тейцзе не была сломана, но умасленное тело расцвело синяками, и он жалобно стонал.

– Вставай и одевайся, – сказал Хило. – Мы уходим.

Глава 10. Напрасное убийство

Пятнадцать минут спустя они покинули поместье Запуньо. На этот раз их не сопровождали баруканы в серебристых машинах, Хило не попросил, а Ийло не предложил. Смуглый полукостный стоял у двери, наблюдая за отъездом с непроницаемым выражением лица. Садясь в машину, Хило Почуял явственную враждебность нефритовой ауры телохранителя. Ийло был нанятым шотарским головорезом, но он и ему подобные имели причины ненавидеть людей вроде Коулов. Нефрит и происхождение превратили Зеленых костей в героев и неофициальных правителей Кекона, но те же качества сделали баруканов преступниками и изгоями в Шотаре. Хило не сомневался, что по одному слову Запуньо Ийло и его подручные с готовностью покажут, что они не зря носят нефрит, и перебьют всех кеконских гостей.

Сейчас Хило взял в первую машину Тара, Вина и Тейцзе, а Цзуэна, Доуна и Лотта отправил во второй. Всю дорогу Тейцзе прижимал к губе завернутый в бумажное полотенце лед и молчал. Тар открыл окно и сказал:

– Теперь ты видишь, что этот коротышка и его псы-баруканы даже не могут взглянуть нам в глаза? Они просто дали нам уйти. Если это самые крепкие люди из увиванцев, неудивительно, что страна в таком дерьме.

Хило не ответил, сегодня он уже отчитал своего помощника и больше не хотел его отвлекать. Порой Тар становился болтливым, когда чувствовал опасность. Он был верен и свиреп, но не обладал стратегическим мышлением. Как Хило и сказал Вен, Запуньо не станет ничего предпринимать в собственном поместье. Слишком рискованно, слишком очевидно.

Хило откинулся на сиденье и закрыл глаза. Казалось, будто он отдыхает, возможно, даже пытается заснуть. Солнце било ему в лицо, и перед глазами стояла красная пелена, окрасившая даже Чутье, но Хило был настороже и в полной готовности. Когда машина оказалась на дороге в аэропорт, Хило выпрямился и открыл глаза. Около ожидающего их чартерного самолета стояли пять полицейских машин и два мотоцикла.

– Вин, – позвал Хило.

– Двенадцать человек, – тут же откликнулся Палец. – Хило-цзен... они собираются нас убить.

Хило кивнул, но Тейцзе Рюно, впервые открывший рот после отъезда из поместья Запуньо, воскликнул:

– Они приехали за мной. Решили, что я нарушил условия освобождения под залог.

– На тебя им плевать, – сказал Хило. – Им платит Запуньо.

Двое полицейских велели машинам остановиться, Хило приказал водителю подчиниться. Вторая машина тоже остановилась. Хило развернулся к Тейцзе.

– Оставайся в машине. Я обещал твоей матери привезти тебя домой в целости, но только попробуй меня послушаться, и я разобью ей сердце.

Хило вышел из машины, а за ним и остальные Зеленые кости.

– Руки вверх! Поднимите руки! – приказал через громкоговоритель полицейский.

Он обращался к ним на ломаном кеконском, и это служило еще одним признаком того, что они знают, с кем имеют дело, и все это спланировано заранее. Хило поднял над головой пустые руки и двинулся вперед.

– Стоять! – рявкнул полицейский с громкоговорителем, в голосе звучал страх. – Стоять! В последний раз предупреждаю!

Хило не остановился, а пошел дальше, медленно и осторожно.

– Вы понимаете по-кеконски? – выкрикнул он. – Вы не мешаете нам сесть в самолет. Но я даю вам возможность уйти. Зеленые кости не убивают тех, кто не носит нефрит. Если только эти люди не нарушают наши законы и не выступают на стороне врагов.

Чутье Хило заискрило от скачущих галопом сердец. За спиной он чувствовал напряжение собственных людей, их нефритовые ауры устремились вперед, как скаковые лошади перед стартовыми воротами, а перед собой – вонь страха и мрачную решимость. Хило замедлил шаг.

– Пусть даже Запуньо владеет этим островом и вам приходится брать у него деньги, из-за этого не стоит расставаться с жизнью, – прокричал он и сделал еще один шаг.

Полиция открыла огонь.

Хило резко опустил руки и послал низкую и широкую волну Отражения, которая вертикальным шквалом смела град пуль. Испуганные полицейские продолжили бесполезный обстрел. Все первые выстрелы, как минимум тридцать, предназначались Хило. Именно этого он и добивался, когда пошел вперед один, – прицельную стрельбу проще Отразить. Беспорядочный залп изрешетил бетонную площадку, не долетев до цели, хотя несколько пуль оказались достаточно близко, и Хило пришлось прибегнуть к Броне.

Зеленые кости бросились к нему. Ауры Тара и Цзуэна полыхнули Силой и Легкостью, когда оба перемахнули через полицейские машины. Вытащив нож, Тар приземлился в гущу полицейских, Цзуэн погнул крышу машины, прыгнув на нее, выпрямился с пистолетом в руке и начал прицельную стрельбу.

Доун, Вин и Лотт не отставали от Кулаков. Два увиванца развернулись и побежали к самолету. Лотт достал из ножен на спине два узких кинжала и швырнул их в беглецов вместе с тонким, как лезвие бритвы, Отражением, четко направившим ножи. Ножи взлетели в воздух как две иглы, один попал полицейскому между лопаток, а другой угодил второму в затылок.

Хило шагнул в эту свалку с ножом в руке, схватил полицейского сзади и перерезал ему горло. Второй противник бросил пустой дробовик и со всей силой качка опустил черную дубинку на голову Хило. Хило пригнулся и перебросил его через плечо. Дубинка выскользнула, и Хило подхватил ее левой рукой, прежде чем она упала. Он вложил всю Силу в удар с размаха и треснул увиванца дубинкой по коленям, а потом врезал рукояткой по подбородку, сломав ему челюсть. Тот рухнул.

Хило огляделся в поисках следующего противника, но не осталось ни одного. Его люди привыкли драться с другими Зелеными костями, с этой стычкой даже не сравнить. Противники были плохо подготовлены и не обладали нужными навыками, и близко не кеконцы.

Когда Хило осматривал тела, в нем вспыхнула ненависть к Запуньо – почти столь же сильная, как и к Айт Маде. Увиванский криминальный князек сидел в безопасной и роскошной крепости, под охраной баруканов, которые могли бы посоперничать с Зелеными костями, но не стал ими рисковать. Он велел подкупленным полицейским убить Хило за сопротивление при аресте.

Напрасное убийство.

Некоторые лежащие на земле были еще живы, но ни один не представлял угрозы, и Хило приказал Кулакам их не трогать. Они вернулись в машины, забрали вещи и Тейцзе Рюно, побледневшего при виде этой сцены, и спокойно сели в самолет. Кеконский пилот служил клану и не сообщил о стычке по радио, а терпеливо ждал, как его и просили.

Пуля чиркнула по плечу Цзуэна, а у Доуна прошла навывлет через икру, не задев кость.

– Я был неосторожен, Коул-цзен, – сказал тот, поморщившись, но выглядел он смущенным из-за того, что получил ранение в такой неравной битве.

Хило нашел в самолете аптечку и передал ее в салон, но велел пилоту взлетать немедленно. Двухмоторный самолет разогнался по взлетной полосе и поднялся в небо, оставив заливаемый кровью аэродром и зеленые поля Тиалуи далеко внизу.

По пути домой Хило проверил Цзуэна и Доуна. Убедился, что кровотечение остановлено и они получают достаточно воды. Тар пребывал в расслабленном расположении духа, как будто жестокая стычка избавила его от раздражения. Он растянулся на сиденье и дремал. Хило устроился рядом с Лоттом, который сидел в последнем ряду и глазел в иллюминатор на океан.

– Я встречал только одну Зеленую кость, такого же умелого метателя ножей и с таким же направленным Отражением, – сказал Хило.

– Моего отца, я знаю, – отозвался Лотт, по-прежнему глядя в окно.

Он был смущен и расстроен, судя по полыхающей нефритовой ауре, хотя, как свойственно подросткам, и притворился, что это не так.

– Во всем остальном ты не особенно похож на отца, – добавил Хило.

Плечи Лотта окаменели.

– Мне жаль, если я вас разочаровал, Коул-цзен.

– Я этого не говорил. Твой отец был Зеленым до мозга костей, одним из самых грозных и преданных Кулаков, да узнают его боги. Но он бывал жестоким без причины и не заботился о людях. Ты мне кажешься другим.

– Я ведь убил тех людей, верно? Я знаю, вы взяли меня с собой, чтобы посмотреть, на что я способен.

Хило был уверен, что при других обстоятельствах Лотт никогда бы не заговорил с Колосом клана с такой откровенной обидой, но парень впервые убил человека, и его переполняют чувства, он не знает, как себя вести. Да и кто может точно знать, как себя вести? Все ведут себя по-разному. Одни блюют, другие радуются, третьи ничего не чувствуют.

– Ты убил только одного, – сказал Хило. – Того, которому попал в затылок, но другой выживет.

Он не был уверен на этот счет, но Лотт будет чувствовать себя лучше, так почему бы не сказать? Палец не ответил и даже не повернул головы.

– Лотт-цзен, смотри на Колосса, когда он с тобой разговаривает, – потребовал Хило резким тоном.

Лотт вздрогнул, как привыкший к наказаниям мальчик, и с виноватым видом быстро повернулся к Хило. Сомнения на его лице сменились вызовом, но он не смел встретиться взглядом с Хило, опустил голову и пробормотал:

– Простите за непочтительность, Коул-цзен.

С первой встречи с Лоттом Хило отметил его как мрачного подростка с переменчивым настроением, что тогда было вполне простительно, но теперь он Зеленая кость и должен научиться себя вести. Хило смотрел все так же сурово, но через минуту произнес уже намного мягче:

– Я всегда готов простить друга, иначе как можно рассчитывать на честность? Я взял тебя в поездку не для того, чтобы ты себя проявил. Я взял тебя, потому что в прошлом году ты вышел ко мне прежде остальных однокурсников и поклялся в верности, это я запомнил. Когда доходит до выбора, кого из братьев я хочу узнать лучше, с кем хочу стоять рядом в драке насмерть, такие вещи имеют значение.

Лотт не поднял головы, но через секунду кивнул, и его нефритовая аура успокоилась до слегка недовольного гула. Хило развернулся и достал из холодильника две бутылки газировки из манго, открыл их и протянул одну Лотту, тот сразу осушил половину.

– Ты не знал тех людей, с которыми сегодня дрался, и ничего против них не имел. Вот почему тебя беспокоит то, что ты их убил. Это вполне естественное чувство, иначе мы были бы не лучше животных. Конечно, некоторые люди именно такие, даже Зеленые кости, но, к счастью, их не так уж много.

Хило тоже глотнул лимонада.

– Люди рождены эгоистами. Дети – самые большие эгоисты, хотя они беспомощны и не способны выжить самостоятельно. По мере взросления мы лишаемся эгоизма – вот что такое цивилизация, вот что ставит нас выше животных. Если кто-то тронет моего брата, он оскорбит и меня – таковы клятвы нашего клана. Те люди были не твоими врагами, но нашими врагами. Ты ведь это понимаешь, Лотт-цзен?

Палец задумался.

– Да, Коул-цзен.

Хило опустил руку ему на плечо и задержал ее там на мгновение, а потом встал и пересел, чтобы дать молодому человеку возможность поразмыслить в одиночестве. Будучи Штырем, Хило считал жизненно важной частью своей работы наставлять Пальцев, а самых многообещающих опекал лично. Он еще не был уверен насчет Лотта, но обрадовался, что сумел лично с ним поговорить, иногда эти несколько слов имеют значение.

Хило допил газировку и положил бутылку на пустое сиденье рядом. Он наклонил голову к маленькому иллюминатору и уставился на далекий горизонт. В голове отдавались шум и вибрации пропеллера. На полпути домой от островов Увива смотреть было не на что – только океан, отделяющий Кекон от ближайших соседей. По другую сторону этого бесконечного водного пространства лежала Эспения и город Порт-Масси, где теперь жил Анден.

Хило посмотрел через проход на окровавленного кузена Тейцзе Рюно, до сих пор как идиот прикладывавшего лед к ссадинам на лице, и ощутил дикое желание вышвырнуть его из самолета и посмотреть, как он будет падать в воду. Повернувшись обратно к иллюминатору, Хило нахмурился. Вид у него стал куда более мрачным и задумчивым, чем когда Хило пытался успокоить Лотта.

Глава 11. Порт-Масси

Анден вылетел из жанлунского международного аэропорта через неделю после похорон приемного деда. Полет длился одиннадцать с половиной часов. Андену казалось, что он находится в камере тюрьмы накануне казни. Только вместо алтаря размером с обувную коробку и медитирующих монахов, которые должны облегчить его совесть перед загробной жизнью, здесь были стопки потрепанных журналов со светскими сплетнями и модой, а еще стюардессы, в пелене сигаретного дыма разносящие одеяла и горячий чай.

Анден принял снотворное и отключился на большую часть полета. Когда он проснулся, самолет шел на посадку, и Анден сонно поднял шторку иллюминатора, чтобы бросить первый взгляд на иностранный город, куда его изгнали. Словно спящий под одеялом щетинистый зверь, Порт-Масси раскинулся под толстым слоем тумана, слегка оранжевым от закатного солнца. Стальные и бетонные небоскребы торчали на берегу густыми пучками – там, где огромная река Камрес вливалась в залив Виттинг, встречаясь с Амарическим океаном. Анден поискал известные сооружения, которые видел на фотографиях и по телевизору, – мост «Железное око», небоскреб «Мачта», статую Хранителя порта. До сих пор он так до конца и не верил, что покидает Кекон, но наконец-то это становилось реальностью, и когда шасси самолета стукнулись о поле, его сердце ответило глухим толчком трепета и страха.

В зале выдачи багажа он забрал свой чемодан и остановился, нервно осматривая толпу, пока не заметил пожилую пару кеконцев, держащих табличку с его именем. Он подошел к ним и спросил:

– Госпожа и господин Хиан?

Они посмотрели на него с удивлением, словно ожидали увидеть кого-то другого. У мужчины были добрые глаза и кудрявая борода с проседью, чуть темнее седых волос на голове. У женщины – широкое румяное лицо и на удивление мало морщин для ее возраста.

Анден поставил чемодан и сказал:

– Я Эмери Анден. Спасибо, что пригласили меня к себе. Да благословят вас боги за доброту.

Он прикоснулся сомкнутыми ладонями ко лбу в почтительном приветствии.

Если внешность Андена поначалу и смутила пару, то от его кеконского выговора и почтительных манер они оттаяли.

– Ох, нам это не сложно, мы любим принимать студентов, – сказал господин Хиан с улыбкой, тоже прикоснувшись ко лбу.

Жена повторила жест и спросила:

– Как прошел полет? Очень долгий, да? Мы всего дважды бывали на Кеконе с тех пор, как сюда переехали, уж больно долго лететь! Мой старый организм этого уже не вынесет.

Ее муж попытался взять чемодан Андена, но Анден настоял на том, что понесет сам, и супруги повели его из аэропорта на парковку.

Господин Хиан вел машину, его жена заняла переднее сиденье. Это была самая маленькая и старая машина, в которой доводилось ездить Андену, с коричневой тканевой обивкой и приборной доской под дерево, а стекла опускались только наполовину. Анден сидел сзади и рассматривал улицы и здания. Воздух был влажным, но не сравнить с жанлунской душистой моросью, здесь сырость была прохладной и серой. От решеток на тротуарах поднимался пар, люди спешили мимо витрин с манекенами в ярких, блестящих нарядах. Рядом с вокзалом уличные музыканты барабанили по перевернутым ведрам, но мало кто обращал на них внимание. Двухэтажные автобусы плевались черными выхлопами. Крупнейший город Эспении выглядел недружелюбным и сумрачным, изображающим лихорадочную активность рисунком на буром холсте из кирпича и бетона. И куда ни посмотри – везде эспенцы.

– Так у тебя есть родня в Эспении? – как бы невзначай спросил господин Хиан.

– Нет, – ответил Анден, но понял, что под простым вопросом скрывается любопытство по поводу его происхождения, и добавил: – Мой отец был эспенцем, но я родился на Кеконе. Здесь я впервые.

Странно было говорить об отце, иностранце, которого он никогда не знал, да и не желал знать. Но еще удивительнее – находиться на его родине.

Хианы обитали в нижнем течении Камреса, эта часть города называлась Южный капкан. Это был рабочий квартал, населенный главным образом иммигрантами, с многоэтажными, плотно стиснутыми кирпичными домами, напомнимши Андену Папайю или Кузницу в Жан-луне. Хианы жили в одном из лучших домов – желтом двухэтажном строении на оживленной улице. По узкой лестнице Анден внес чемодан в гостевую спальню с окнами, выходящими в переулок. Комната была размером с его спальню в Академии и гораздо меньше уже привычного жилища в пляжном домике семьи Коулов в Марении. Но здесь было уютно, одеяло толстое и мягкое, над изголовьем кровати висела акварель с туманными горами. На комод – ваза с тремя ветками синих искусственных цветов.

Госпожа Хиан приготовила настоящий кеконский ужин из жареной курицы в молоке, тушеных овощей и лапши в чесночном соусе. Анден был горячо благодарен за знакомые блюда и без труда съел несколько порций, чтобы показать, как он это ценит.

– Ешь, сколько влезет, – поощряла его госпожа Хиан. – Эспенская кухня не особо хороша. Я всегда прошу сына чаще приходить на ужин, но он так занят, и на дорогах такие пробки. Вот почему он похудел.

У Хианов было два сына. Старший, о котором шла речь, жил в северной части города, продавал медицинское оборудование и часто бывал в разъездах. Именно он и перевез родителей в Эспению десять лет назад. Младший сын учился в аспирантуре исторического факультета Вотерсгардского университета в Адамонте.

– Бесплезная степень, – вздохнул господин Хиан. – Но дети занимаются тем, к чему лежит душа.

После ужина госпожа Хиан вымыла посуду, и Анден достал подарки, которые вручила ему Шаэ: бутылку дорогого хоцзи, конверт с наличными в эспенских талирах и зеленый керамический чайник, завернутый в газету, чтобы не разбился в пути. Хоцзи и деньги были просто символами – Анден знал, что супругам будут ежемесячно платить. Чайник значил больше. Господин Хиан поднял крышку. Внутри красовалась круглая эмблема Равнинного клана. Подарок зеленого цвета с эмблемой клана служил знаком дружбы Зеленых костей и придавал статус. Для человека вне клана он означал, что тот может рассчитывать на ответную благодарность за свою помощь.

Супруги тепло поблагодарили Андена и поставили чайник на кухонную полку рядом с фотографией сыновей. Господин Хиан предложил Андену рюмку превосходного хоцзи, и они вместе выпили за обеденным столом.

– На Кеконе боятся возможной войны? – спросил господин Хиан.

Сначала Анден смутился. На мгновение он решил, что речь о войне кланов, Горного и Равнинного.

– Вы про столкновения в Шотаре? – спросил он, поняв, что неправ. – Наверное. Я не особо слежу за новостями.

Он не стал объяснять, что последний год торчал в сонной прибрежной деревушке.

– А здесь часто говорят о войне в Оортоко, – сказал господин Хиан.

Восточная провинция Шотара, известная в Югутане как Ортыкво, лежала на границе и давно была спорной территорией из-за многочисленности населяющих ее этнических югутанцев. Три месяца назад местные повстанцы провозгласили независимость от Шотара. Шотарское правительство отвергло это одностороннее заявление и отправило на подавление

восстания войска, но они натолкнулись на хорошо вооруженные отряды, почти открыто поддерживаемые Югутаном. Шотарцы обратились к Эспении за помощью.

– Если эспенские войска пошлют сражаться с мятежниками в Шотаре, может начаться война с Югутаном. – Господин Хиан озабоченно покачал головой. – Племянник говорит, что Кекон тоже будет вовлечен, потому что у эспенцев там база, а их солдатам нужен нефрит.

– Я уверен, что он прав, – сказал Анден. – В офисе Шелеста наверняка знают, что грядет.

Племянник господина Хиана был старшим Барышником в башне на Корабельной улице, он учился в Академии на одном курсе с Коулом Ланом, и Вун Папидонва поручился перед Шаэ, что Хианы позаботятся об Андене в Эспении.

– А что насчет тебя, Анден? – с любопытством спросила госпожа Хиан. – Каков твой ранг в клане?

Она не сказала «место в клане» или «часть клана». Большинство жителей Жанлуна так или иначе были связаны с кланами Зеленых костей, но иметь ранг – совсем другое, это слово означало определенный статус и относилось к тем, кто носит нефрит.

Вероятно, племянник господина Хиана сказал, что Анден – выпускник Академии Коула Душурона. Они наверняка озадачены тем, что не видят на нем нефрита. Анден помедлил. Ему не хотелось, чтобы хозяева потеряли к нему уважение, но и врать не хотелось.

– У меня был ранг, но мой кузен – Колосс, и он решил, что мне следует учиться в Эспении.

На мгновение он представил, что говорит о Лане, а не о Хило, и нахлынули печаль и жалость к самому себе – при жизни Лана Анден не был бы здесь.

Хианы закивали, наверняка понимая, что в истории Андена кроется что-то еще, но расспрашивать не стали.

– Тебе повезло иметь такую могущественную семью, которая может финансировать твоё обучение, даже если приходится ради него ехать на другой конец света, – сказал господин Хиан. – Но ты наверняка утомился. Пора спать.

– Господин Хиан... – начал Анден, но тот поднял руку, остановив его.

– Твой кузен попросил нас о тебе позаботиться, – сказал старик. – Пока ты в Эспении, считай нас своей семьей. Можешь спрашивать обо всем, о чем спросил бы родных.

Анден кивнул.

– Дядя, вам нравится жить в Эспении?

Господин Хиан почесал бороду и задумался.

– Вполне, – ответил он. – Конечно, это не Кекон. Кухня, язык, традиции эспенцев всегда кажутся странными. Но здесь есть и хорошее. А что самое важное, здесь наши сыновья. Твой дом всегда там, где семья.

Его жена кивнула.

После долгого сна в самолете под снотворным Анден не мог заснуть, добравшись до кровати. Общежитие в Академии, резиденция Коулов в Жанлуэ и пляжный домик в Марении были тихими, туда не долетал городской шум. Теперь Анден всю ночь слышал людские голоса, машины, сирены и другие звуки города, находящегося прямо за окном. Несколько часов Анден лежал без сна и чувствовал себя совершенно несчастным.

Шаэ записала его на курс «Эффективный эспенский для иностранцев» (ЭЭДИ) в городском колледже. Весенний семестр начинался на следующей неделе. Господин Хиан объяснил Андену, где сесть на автобус, и в первый день поехал вместе с ним. Анден знал около тридцати слов на эспенском, в основном из поп-культуры. В Академии были занятия по эспенскому, но Анден отучился только один семестр и бросил курс в пользу дополнительных занятий по Отражению. В то время он не считал, что эспенский может как-то пригодиться. Навыки в нефритовых дисциплинах были гораздо важнее, если он собирался стать Кулаком Равнинных.

На курсах оказалось пятьдесят студентов из разных частей света. В группе училось четверо тунцев и два шотарца, но единственный кеконец – Анден. Преподавала мужеподобная женщина с волосами пшеничного цвета. Когда Анден ответил на вопрос, откуда он, сначала она решила, что это Каллон, город в Степенланде. Студенты сидели за круглыми столами и пытались познакомиться. Анден решил быть вежливым, но он здесь не для того, чтобы завести друзей. К тому же во время обеденного перерыва все быстро скучковались на почве национальности. Анден мог бы присоединиться к тунцам, но не стал, потому что инстинктивно не доверял им. Кеконцы всегда считали себя высшей нацией по сравнению с соседями.

Анден считал, что есть два способа действовать в такой ситуации: предаться отчаянию и провести весь год как во сне или стиснуть зубы и доказать, что он способен справиться с таким наказанием. Хотя начал он как наименее подготовленный студент, Анден решил трудиться усерднее остальных. Корпение над книгами никогда не было его сильной стороной, и Андена не удивило, что чтение и письмо по-эспенски давались ему с трудом, но разговорный язык он схватывал лучше. При любой возможности, сидя в столовой, на скамейках в городе или на автобусных остановках, он прислушивался к разговорам, иногда мысленно повторял слова и беззвучно проговаривал их одними губами. Он цеплялся за мысль, что чем быстрее окончит учебу, тем быстрее вернется домой.

В последующие месяцы, когда он не был на курсах или не занимался дома, Анден старался быть полезным хозяевам. Работая в мебельном магазине в Марении, он научился обращаться с инструментами и привык к тяжелому труду. Анден починил покосившуюся дверь, законопатил дыры в оконных рамах и сколотил из ненужных досок ящик для обуви. Он сопровождал Хианов в магазины и носил сумки.

– Это мы должны платить за то, что ты живешь с нами, – воскликнула госпожа Хиан. – У нас и раньше жили студенты, но им хотелось гулять, исследовать город и развлекаться. А ты столько работаешь!

Квартал напоминал лоскутное одеяло, в нем бок о бок находилось несколько этнических анклавов. Вокруг дома Хианов жили многочисленные кеконские семьи, но Анден мог перейти дорогу и очутиться в тунской зоне, где жители окликивали детей на своем гортанном наречии, а глаза слезились от дыма, поднимающегося от глиняных горшков на мини-жаровнях, стоящих перед каждым крыльцом. Дальше район Южный капкан простирался на запад до Лохвуда и на восток до Кинса, а населяли его эспенский рабочий класс и беднота.

Как-то раз Анден опоздал на автобус. По стандартам Порт-Масси это был теплый весенний день, и Анден решил дойти до Хианов пешком. Это заняло почти два часа, но он гордился, что сумел найти дорогу в чужом городе и лучше понять его планировку. По пути Андену захотелось пить, и он зашел в магазин на углу, чтобы купить газировку и пакетик орешков. Владелец магазина, крупный уса́тый мужчина, сказал какую-то любезность. Поскольку Анден еще не был уверен в своем эспенском, он просто кивнул и улыбнулся. Такое случалось постоянно – внешне его могли принять за эспенца, и всегда возникала неловкость, если с ним пытались заговорить незнакомцы.

Когда он был на пути к двери, вошли двое мужчин. Они не стали выбирать товары, а сразу направились к прилавку. Поначалу они разговаривали с хозяином вежливо, но быстро начали угрожать и грубить. Анден помедлил на пороге, а когда развернулся, то увидел, как хозяин нервно отсчитывает банкноты и передает их посетителям. Он бросил взгляд на Андена, как будто надеялся на помощь. Анден застыл в нерешительности, с одной рукой на дверной ручке. Он не знает этих людей, не знает, что происходит, и не хочет влезать в неприятности.

Денег оказалось явно недостаточно, потому что последовала новая перебранка. Один мужчина дернул полку у прилавка, рассыпав по полу леденцы и солнцезащитные очки. Владелец магазина громко возмутился. Второй громила схватил его за волосы и стукнул лбом о

кассу – судя по звуку, удар был болезненным, – а потом оттолкнул. Хозяин упал. Налетчики ушли, Анден шагнул в сторону, пропуская их. Один помедлил и бросил ему в лицо:

– Чего пялишься?

Впервые Анден так четко понял эспенские слова, но второй потянул своего товарища за дверь, и та со звоном захлопнулась за ними.

Пульс Андена скакал галопом. Ему хотелось что-то сделать, но он не знал что. Он чувствовал, что не стоило мешать тем людям, но не знал, как положено вести себя в Эспении, когда видишь нечто подобное. В Жанлуэ он бы скорее доложил о происшествии Пальцу клана или Кулаку, если бы сумел его найти.

Владелец со стоном поднимался на ноги за прилавком. Похоже, он не был сильно ранен, и Анден, стыдясь самого себя, но не желая больше общаться с этим бедолагой, сбежал на улицу.

Хианы расстроились из-за его позднего прихода и пожурили за то, что не позвонил с просьбой его забрать. Но еще больше они огорчились, когда Анден рассказал о случившемся по пути.

– Это люди из Бригады. Работают на Босса Кромнера, – объяснил господин Хиан. – Больше не ходи туда!

Андена не беспокоило, что он не может зайти в какую-то часть города. Скорее, в наличии в Порт-Масси кланов и их территорий было что-то ободряющее – это же почти как в Жанлуэ. Хозяин того магазина был кем-то вроде Фонарщика, а тех двоих прислали собрать положенные платежи. Анден обрадовался, что не стал вмешиваться в дела неизвестного клана, но происшествие его встревожило, поскольку те люди вели себя слишком грубо.

На Кеконе Зеленые кости редко обращаются так с Фонарщиками, даже с причиняющими беспокойство. Клановые вписались во все аспекты общественной жизни, и невыплата дани означала потерю покровительства клана, что вело к многочисленным сложностям. Ненадежный Фонарщик с трудом мог открыть счет в банке, купить дом и отправить детей в школу. Нет нужды угрожать или бить.

Анден размышлял над этим, прихлебывая имбирный суп госпожи Хиан.

– А почему владелец магазина не попросит этого Кромнера о снижении выплат? – спросил он.

Анден знал, что его кузина Шаэ как Шелест клана часто обсуждает размер дани с Фонарщиками, правда, уровнем выше, чем владелец магазинчика на углу.

Господин Хиан хмыкнул, но посерьезнел, поняв, что Анден не шутит. Он встал, порывшись в картонной коробке на полу, куда складывали старые газеты, и вытащил «Известия Порт-Масси» за прошлую неделю. Он полистал страницы в поисках нужной. Потом положил газету и указал на черно-белую фотографию крупного эспенца в темном костюме и галстуке, выходящего из черного ЗТ «Бык» под руку с женщиной в белой шубе. Анден еще плохо читал по-эспенски, но в заголовке говорилось что-то про коррупцию в полиции.

– Блейз Кромнер – дрянной человек. Преступник. Продает наркотики и женщин. Все делают его люди, так что его ни разу не могли схватить, но у него отличная машина, отличная одежда, он разъезжает по вечеринкам и любит фотографироваться. Думаешь, ему есть дело до владельца магазина? Да он даже не знает, кто это. – Господин Хиан сложил газету и бросил обратно. – Анден-се, Бригады не похожи на кланы. Их волнуют только деньги. Они никогда не дают, только берут. Тот владелец магазина все платит и платит, но ничего не имеет взамен.

Через две недели Анден получил еще один шокирующий урок местной культуры, на этот раз ближе к дому. Он возвращался вечером домой и нес Хианам сумку с продуктами и тут услышал крики из открытого окна через дорогу.

Такое было в порядке вещей – живущая там кеконская пара постоянно устраивала перебранки, порой супруги кричали друг на друга до поздней ночи. Мужской голос был четким:

– Я убью тебя, мерзкая сука!

Последовал шум драки и снова крики с обеих сторон, а потом вдруг женщина выбежала из двери в одной ночной рубашке и бросилась прямо под проезжающие автомобили.

Анден уже представил, как машина врезается в нее, как в выскочившую на шоссе овцу, и подкидывает через капот. Проезжающий мимо велосипедист вильнул в сторону и спрыгнул, ругнувшись от неожиданности. Анден уронил сумку с продуктами и побежал туда, хотя и понимал, что не успеет вовремя.

Молодой велосипедист подскочил к обезумевшей женщине и, подключив Силу и Легкость, оттащил ее на тротуар. Машины промчались мимо на расстоянии ладони, громко сигналя. Выбежал потрясенный муж – без рубашки, пьяный и взбешенный – и что-то неразборчиво завопил. Но тут же покачнулся, когда велосипедист бросил ему в колени волну Отражения. Муж попытался все же двинуться дальше, но тут вторая волна Отражения угодила ему в солнечное сплетение, и он грузно осел, как будто наткнулся на веревку, натянутую поперек пути.

Жена с рыданиями вбежала в соседний дом, даже не потрудившись поблагодарить спасителя. Через минуту муж встал и ретировался обратно домой, бормоча ругательства, но не поднимая полного ненависти взгляда.

Анден наконец-то обрел дар речи.

– Ты – Зеленая кость! – выкрикнул он по-кеконски.

Молодой человек посмотрел на него с другой стороны улицы и смахнул со лба растрепавшиеся волосы, как будто для того, чтобы лучше разглядеть Андена. Он засмеялся, сверкнув белыми зубами.

– А ты – дурачок с острова, – прокричал он в ответ.

А потом отряхнул брюки и подобрал велосипед.

Анден уставился на него с открытым ртом. Он не видел на велосипедисте нефрита, но камни могут где-то скрываться. Зеленая кость перебросил ногу через потертое седло и снова посмотрел на Андена, по-прежнему стоящего на тротуаре рядом с рассыпавшимися продуктами.

– Тебе и в голову не приходило, что и в других частях света люди носят нефрит?

Велосипедист насмешливо помахал Андену и начал крутить педали, его икры напряглись, мускулистые плечи наклонились над рулем. Анден смотрел ему вслед, пока молодой человек не скрылся из виду.

Возможно, не все в Эспении такое уж странное и невыносимое, решил он.

Глава 12. Необходимые действия

Встреча Колоссов Горного и Равнинного кланов состоялась в городе Гохей, в семидесяти пяти километрах от центра Жанлуна. В последний раз Коул Хило и Айт Мада виделись год назад в Зале Мудрости, во время переговоров, продлившихся несколько дней под патронажем посреднического комитета Королевского совета. В отличие от той встречи, созванной лишь на публику, хотя оба клана понимали, что она не приведет к настоящему соглашению, о Гохее знали только несколько Зеленых костей верхушки обоих кланов.

Гохей находился под контролем мелкого клана Черный хвост, не платящего дань и не связанного ни с Горными, ни с Равнинными, так что встреча состоялась на нейтральной территории. Предполагалось, что она займет лишь один день. Каждый клан оплатил присутствие монахов из храма Божественного Возвращения. Все эти детали согласовали Шелесты, показав тем самым, что переговоры следует воспринимать всерьез.

Хило, Шаэ, Кен и небольшая группа их ближайших помощников – Тар, Вун и Цзуэн – прибыли в Гохей вскоре после полудня, их приняли в доме Колосса клана Черный хвост. Дарн Сошунуро, его жена и трое детей с почтением поприветствовали гостей. Не присутствовал только старший сын Дарна, он находился где-то в другом месте. Вполне понятная предосторожность, никто не стал бы винить за нее семью, учитывая небольшую, но страшную вероятность, что переговоры закончатся драматично и в этом обвинят хозяев, или они окажутся в центре заварушки.

Дядя Дарна был боевым товарищем Айта Югонтина и Коула Сенингтуна, но после войны отказался от жизни в мегаполисе, предпочитая устроиться в небольшом городке. С благословения Айта и Коула он основал собственный маленький клан и взял на себя Гохей, в то время сельский центр и место для торговли с племенами абукейцев. Здесь также останавливались путешественники по пути в Жанлун.

Через несколько десятилетий экспансии Жанлуна Гохей превратился, скорее, в далекое предместье (по пути сюда Хило почти не заметил прорех в городском ландшафте), и Дарну Сошу было крайне важно оставаться в хороших отношениях как с Горным, так и с Равнинным кланом, сохраняя тем самым независимость собственного. Даже если со временем Черный хвост все равно стал бы данником большего клана, Дарн был мудрым Колоссом и хотел, чтобы этот переход прошел мирно.

Он видел, какое кровопролитие способны устроить крупные кланы, и не хотел навлечь его на свою семью, только половина которой носила нефрит. А потому он предоставил свой дом в полное распоряжение гостей, обустроив для переговоров большую светлую террасу, принес стулья и поставил кувшин с холодным лимонным чаем и стаканами в центре стола. В углах комнаты стояли два монаха, другие два расположились в коридорах по соседству, так что никто на этаже не остался без духовного благословения. Хило поблагодарил Дарна, а Вун незаметно передал его жене зеленый конверт за хлопоты.

Хорошо, что Хило уже поговорил в машине с Шаэ и Кеном и мысленно подготовился к встрече, потому что Айт Мада и ее люди прибыли уже через несколько минут. Когда они вошли в комнату, нефритовые ауры затопили Хило, на их фоне как будто даже померк вливающийся через большие окна солнечный свет. Хило впервые увидел вблизи Нау Суэна, нового Штыря Горных, взгляд и Чутье Хило чуть дольше задержались на человеке, заменившем Гонта Аша.

Нау был высоким и поджарым, и хотя ему было слегка за пятьдесят, выглядел он как человек, встающий с рассветом и пробегающий пять километров еще до завтрака. Нау носил свой нефрит на кожаных браслетах на запястьях, как студенты, возможно, потому что прежде работал наставником в школе Храм Ви Лон. Немигающий взгляд и холодная, пульсирующая нефритовая аура предполагали, что от него ничто не скроется.

Айт Мада не изменилась и была такой же непритязательной внешне, в синих брюках и белой блузке, но с густой аурой и пристальным взглядом.

– Коул-цзен, – сказала она и устроилась поудобней в одном из двух кресел, стоящих у стола. Штыри и Шелесты заняли места чуть позади Колоссов, а остальные Зеленые кости выстроились у стен.

Дарн с женой внесли тарелки с легкими закусками – ломтиками фруктов, булочками с орехами, соленным мясным печеньем – и разлили холодный чай по стаканам. За родителями следовала младшая дочь Дарна, девочка лет восьми. По кивку Колоссов Дарн велел дочери налить себе чай и попробовать закуски, заверяя тем самым, что с угощением все в порядке. Дарн поклонился Айт и Коулу, опустил жалюзи на окнах и молча вышел.

Айт заговорила первой:

– Полагаю, Шелест объяснила цель этой встречи.

Хило прищурился в ответ на уничижительный намек, что ему надо объяснять даже простейшие вещи. Так пусть Айт и дальше считает его обычным головорезом, Хило не собирался ее разубеждать. Он откинулся на спинку кресла и сунул в рот целую булочку с орехами, неспешно пожевал и проглотил.

– Мы здесь потому, что вы надеялись уже захватить город к этому времени, а всех, носящих фамилию Коул, отправить на корм червям, но этого не случилось. – Он развел руками и холодно улыбнулся. – Переговоры начинаются, когда боевые действия заканчиваются неудачей.

– Если кто-либо из нас мог победить в войне с помощью сабель, Коул-цзен, – с ноткой нетерпения ответила Колосс Горных, – мы бы уже этого добились. А теперь оказались в уязвимой позиции, как и вся страна. В государственную казну не поступают деньги от экспорта нефрита. Заварушка в Оортоко превращается в схватку главных мировых держав, и они с жадностью смотрят на простаивающие нефритовые рудники, необходимые их армиям. Если мы продолжим в том же духе, то подложим свинью правительству, истощим запасы нефрита обоих кланов, потеряем поддержку людей и сделаем страну легкой мишенью для иностранцев. Ответственность это понимает, как и Королевский совет, и контрабандисты вроде Запуньо. Только от нас зависит, избежим ли мы этой катастрофы.

Хило бросил на Колосса Горных пронизывающий взгляд.

– Если КНА снова начнет работу, то по новым правилам. Весь нефрит должен добываться официально, никакого воровства. – Он слегка изогнул губы. – Мне следовало бы сказать «больше никакого воровства». Вы так и не выплатили кеконскому Казначейству долг за «финансовые неувязки», который обнаружил в прошлом году аудит.

Айт не стушевалась.

– Давайте не будем снова в этом копать, Коул-цзен. Всем плевать на финансовую отчетность трехлетней давности. Вы перестанете ворошить тему о так называемых злоупотреблениях, и мы согласимся на меньшую долю в КНА в следующие три года. Шелесты просчитают точный процент, который удовлетворит совет директоров.

Хило передернул плечами. Он и не ожидал, что Горные ответят за украденный нефрит, Айт говорила то, что он предвидел.

– Прекрасно. Это что касается КНА. А теперь о контрабанде. Жулье из Ти Пасуйги работает и в городе, и по всей стране. Запуньо не волнуют территориальные границы, как не будут они волновать и иностранцев. Мирное соглашение означает, что оба клана в равной мере будут бороться с черным рынком, разделяваясь с каменными рыбками, дилерами «сияния» и зарубежными бандитами, которые расплодились как сорняки, пока мы дрались друг с другом. Если один клан будет прикладывать больше усилий, то другой может воспользоваться этим, чтобы занять незащищенные территории.

Айт наклонила голову.

– Мой Штырь совместно с вашим проследят за тем, чтобы мы совместно боролись с контрабандой. Мы согласны, что с ней следует покончить. Мы не сдвинемся с наших территорий, пока спорные районы разделены справедливо.

– Разделены справедливо, – с презрением повторил Хило.

Никакой раздел не удовлетворит оба клана, три дня прошлогодних переговоров в Зале Мудрости ясно дали это понять. Не имеет значения, какому клану принадлежат городские районы, другой бесконечно будет оспаривать границы. Мысль об уступке какого-либо района Горным вызывала у Хило ярость, но он знал, что эту проблему можно решить только быстро и напрямик.

– Смотря о чем идет речь – о площади или ценности.

– О ценности, – ответила Айт.

Хило поморщился – он мог бы и догадаться. Он обернулся через плечо, чтобы проконсультироваться с Шаэ, и снова посмотрел на Айт.

– Мы оставим за собой шоссе Бедняка и остальную Трущобу.

Крупнейшие игорные дома города были не только самым прибыльным и символическим приобретением клана, но и стратегическим подарком компаниям Равнинных в туристической отрасли.

– Тогда мы возьмем Острие к югу от улицы Патриота и Топь, – немедленно отозвалась Айт, явно заранее разобравшись в приоритетах соперника.

– Три четверти Топи, – поправил ее Хило. – Западнее Двдцатой улицы.

Таким образом Равнинные сохраняют влияние по обеим сторонам бульвара Хайно и создают буферную зону для Старого города. И все-таки это была значительная уступка, тем более что Тар и его люди так яростно сражались в прошлом году, чтобы заполучить этот район. Хило Почуял за своей спиной недовольство помощника, но они пришли сюда, понимая, что придется с чем-то расстаться.

– Наши Шелесты проведут подсчеты, – сказал Хило.

– Конечно, – ответила Айт.

– И вы отдадите нам Юна Дорупона, – сказал Хило.

– Он живет без охраны в Опии, – не моргнув глазом отозвалась Айт, словно сообщала, который час. – Ваши информаторы могут это подтвердить.

Хило почувствовал, как аура Шаэ слегка дернулась, но сам он не отреагировал.

– И еще кое-что, – сказал Хило. – Мой кузен Анден. Вы знаете, что он не носит нефрит. И пока так оно и остается, не важно, где он, никто из Горных и близко к нему не подойдет. Сейчас он учится за границей, но с каждым днем мир становится все меньше. Если с ним случится что-нибудь подозрительное, я буду винить присутствующих в этой комнате. Смешно растолковывать правила айшо, как для дошколят, но так уж обстоят дела.

Айт это как будто повеселило.

– Пока я остаюсь Колоссом, а Эмери Анден не носит нефрит, мы к нему не подойдем и не станем мстить за смерть Гонга Аша. – Взгляд Айт был ледяным, но уголки губ приподнялись. – Так мы пришли к соглашению, Коул Хилошудон?

Хило никогда не представлял себя в такой ситуации. Он мог представить себя мертвым, это он воображал бесчисленное число раз, но не мыслил себя в такой ситуации, нос к носу с врагом, спокойно ведущим переговоры о мире. Он не особенно верил в загробную жизнь, как полагалось бы дейтисту, но, наверное, сейчас все духи погибших за клан смотрели на него с осуждением: его брат Лан, Кулаки Сатто, Гаун и Лотт, десятки Пальцев, принесшие ему клятву, – многие воины погибли в расцвете лет.

На секунду от презрения к самому себе Хило затошнило, почти буквально. И как только Шаэ удалось убедить его на это согласиться? Она постоянно подталкивала его принимать разумные, просчитанные решения, но это не всегда правильно. Он знал, что Айт Почует

вспышку эмоций в его нефритовой ауре, а сам он легко понимал, что скрывается под ее сдержанными манерами – ненависть к нему не уменьшилась ни на каплю. Она поступала так по необходимости, как и Хило.

– Да, – сказал он. – Клянусь небесами и нефритом.

– Клянусь небесами и нефритом, – повторила Айт и подняла руку – так Зеленые кости традиционно скрепляют клятвы.

Колоссы кланов официально подтвердили принятые на встрече решения, а слово Колосса – это воля клана. Подробности обговаривают Шелесты.

Айт чуть повернула голову и обратилась к Штырю и Шелесту:

– Прежде чем мы уйдем, я хочу поговорить с Коулом-цзен наедине. – Айт снова повернулась к Хило с еще более непроницаемым выражением лица. – Как Колосс с Колоссом.

Нау Суэн и Ри Тура встали и вышли, забрав и своих людей. После секундного колебания Хило посмотрел на Кена и Шаэ и кивнул, чтобы они тоже вышли. Их ауры настороженно загудели в ответ на необычную просьбу, но оба поднялись и удалились, как и остальные представители Равнинного клана. Никто из Зеленых костей далеко не ушел, Хило Чуял их снаружи, готовых вернуться по знаку Колоссов.

Манеры Айт изменились, стали почти расслабленными. Она поставила локоть на стол и положила на тарелку несколько ломтиков фруктов и мясное печенье, рукав блузки опустился до локтя, обнажив серебряные браслеты с нефритом.

– Давайте поговорим откровенно, Коул-цзен, – сказала она. – Вы ведь не хотите быть Колоссом. Вы не подходите для этой роли, в отличие от деда и брата.

– Я не забыл, что именно из-за вас занял это место, – холодно откликнулся Хило.

– А я не забыла, что вы перерезали десятки моих Зеленых костей и убили Гонта Аша. Во время войны мы оба пользовались всеми средствами и уловками. Неожиданные потери были вполне ожидаемы. – Айт встала, подошла вместе с тарелкой к окну и приоткрыла жалюзи, чтобы выглянуть наружу, на зеленые холмы с аккуратными террасами, работающих вдалеке крестьян и заляпанный грязью грузовичок, обгоняющий запряженную буйволом телегу на дороге за поместьем Дарна. Айт медленно съела все с тарелки и развернулась, свет из окна очертил ее силуэт, но лицо осталось в тени.

– Коула Лана готовили для работы Колосса, а вас – нет. Вы и в самом деле считаете, что преуспеее в дипломатии, бизнесе и во всем остальном, где дела не решаются с помощью ножа? Отбросьте ослепляющее вас желание отомстить и сами это поймете, если хоть минуту способны мыслить беспристрастно. Я не заказывала убийство вашего брата и выдала бы его убийц, если бы знала, кто они и где их искать. – Она понизила голос и впервые, насколько помнил Хило, заговорила почти корректным тоном. – Слияние наших кланов еще возможно. Так будет лучше для всех. Больше никаких сражений в городе, никаких схваток за предприятия и политическое влияние. Вместе Зеленые кости разделались бы с контрабандой, контролировали торговлю нефритом и «сиянием» и стали бы непобедимой силой перед лицом иностранного вторжения.

Айт отошла от окна.

– Даже враги говорят о вас две вещи: вы всегда выполняете обещания и вы прирожденный Штырь. Нау Суэн слишком стар, чтобы быть Штырем Горных дольше нескольких лет. Вы можете принести пользу и себе, и стране. Положите конец кровавой вражде, объедините кланы и вернетесь на свое заслуженное место, будете править на улицах, оберегать нефрит от преступников и контрабандистов, станете подлинной Зеленой костью, оставляющей за собой кровавый след, как на Тиалуйе.

Хило откинулся назад и чуть склонил голову набок.

– Вы очень необычный человек, Айт-цзен, – сказал он наконец. – Интересно, каково это – думать как машина и ни о ком не беспокоиться?

От слов Хило Айт окаменела. Ее нефритовая аура перекачивалась волнами. Айт не повысила голос, но произнесла медленно и непреклонно:

– Не думайте, будто вы меня знаете, Коул Хило.

Хило плавно поднялся и шагнул вперед.

– Я мало о вас знаю. Вы шепнули имя собственного брата. Вы сговорились с предателем в моем клане и рассеяли преступников-лазутчиков по территории Равнинных. Вы крали и продавали нефрит у нас за спиной. Это вы – причина смерти Лана. Вы пытались меня убить, пытались убедить мою собственную сестру убить меня. Разве этого недостаточно, Айт-цзен? – Он посмотрел на монахов в углах комнаты, стоящих неподвижно, словно они внимательно слушали перечисление грехов Айт. Каждое слово Хило было четким, как порез ножа. – Я никогда не принесу вам клятву.

Выражение лица Айт сменилось презрением, показав, что она сыта по горло предсказуемыми ответами.

– Я протягиваю руку вместо клинка. Отвергнете ее, и больше я такого не предложу.

– Значит, мы друг друга поняли, – сказал Хило. – Очевидно, вы по-прежнему грезите о единственном клане на Кеконе, то есть этот мирный договор – никакой не договор, вы все равно собираетесь меня убить. – Хило передернул плечами, как будто это было ему совершенно безразлично. – Если я не убью вас первым.

Губы Айт едва заметно дернулись, но аура обдала Хило жаром непреклонной, словно лесной пожар, угрозы.

– Хватит с меня попыток урезонить упертых Коулов. – Она поправила нефритовый браслет на руке. – Ри Тура проработает с вашим Шелестом, как мы представим это соглашение Королевскому совету и общественности. Уверена, кеконцы будут рады переменам в наших отношениях.

Колосс Горного клана прошла мимо Хило, поставила на стол тарелку и удалилась.

Глава 13. После спектакля

Две недели спустя, утром после Лодочного дня, на нейтральной территории квартала Монумента состоялась официальная пресс-конференция. В большом бальном зале исторического отеля «Главная звезда» собрались главы четырех иностранных правительств, чиновники, дипломаты и влиятельные люди всех сортов, но Хило сомневался, что когда-либо видел в четырех стенах Колоссов обоих кланов и столько Зеленых костей. В панорамных окнах за приподнятой площадкой виднелась западная стена Зала Мудрости, а за аллеей цветущих деревьев – ярусная крыша Триумфального дворца. Все присутствующие, включая журналистов в передних рядах, понимали важность сегодняшних заявлений, которые повлияют на страну не меньше, чем действия правительства.

Пресс-конференцию устроили не только для журналистов и широкой публики, но и для самих кланов. Сотни высокопоставленных членов Равнинного клана – Фонарщики, Барышники, Кулаки – заняли левую половину зала. Горные сидели справа. Десяток монахов в длинных зеленых одеждах стояли у стен и по углам как гарантии мира.

Коул Хило и Айт Мада сидели рядом за приподнятым столом. Перед каждым Колоссом установили микрофон. Шаэ и Кен находились рядом с Хило за столом чуть меньших размеров, Ри Тура и Нау Суэн – около Айт. Все руководители двух крупнейших кланов Кекона, которые почти два года пытались уничтожить друг друга, сидели вместе перед народом Кекона и собирались объявить о мире.

Оба клана предоставили вести встречу Тоху Китару, известному диктору новостей Кеконской телерадиокомпании. Обращаясь к камерам, Тох представил Колоссов, хотя не было нужды их представлять никому из сидящих в зале. Потом Хило и Айт по очереди зачитали совместное заявление с условиями мира: новое распределение территорий, возобновление добычи нефрита под присмотром реформированного Кеконского Нефритового Альянса, сотрудничество в борьбе с нарастающей торговлей «сиянием» и контрабандой нефрита. Закончили Колоссы заверениями в своей верности не только кланам, но и интересам страны.

Затем Тох задал несколько вопросов от прессы. Айт спросили, какие меры она примет, чтобы «финансовые недочеты» больше не повторились. Колосс Горных ответила, что очень серьезно восприняла озабоченность Королевского совета и общественности. В течение месяца Ри Тура покинет свой пост, и на его место будет назначен другой Шелест. Хило не удивился, да и сам Ри не отреагировал. В любом случае, ему уже пора на покой, вполне ожидаемо, что он стал козлом отпущения.

Вопрос задали и Хило:

– Коул-цзен, этим соглашением вы заявляете, что больше не собираетесь мстить за смерть брата?

– Обе стороны понесли потери, – ответил Хило. – Мое горе не стало меньше, но я знаю, что мой брат или дед, да узнают их боги, не хотели бы, чтобы клан сосредоточился на мести. Мы должны двигаться вперед.

Это был не совсем ответ на вопрос, что заметили Кулаки, хорошо знакомые с Хило. Но Шаэ со своими сотрудниками тщательно готовили пресс-конференцию, возможно, именно поэтому Колосс отвечал строго по сценарию.

Последним был вопрос о том, что Колоссы думают о текущем кризисе в Оортоко и считают ли они, что геополитическая напряженность между Эспенией и Югутаном ставит Кекон в опасное положение.

– Столкновение иностранных держав в Шотаре очень тревожно, – ответила Айт. – Хотя мы давние союзники Республики Эспения, мы должны твердо заявить, что не дадим себя в обиду ни одной стране.

– Остров Кекон окружен более крупными странами, и только у нас добывают нефрит, – сказал Хило. – Мы всегда находились в опасности. Но у нас всегда были Зеленые кости.

В этом мнения Колоссов звучали очень похоже, и Тох завершил пресс-конференцию. Перед всеми зрителями и камерами Коул Хило и Айт Мада одновременно поднялись, встали лицом друг к другу и уважительно прикоснулись ладонями ко лбу. Когда Хило встретился взглядом с Айт, они почти искренне поздравляли друг друга – оба хорошо сыграли свою роль. Нефритовые ауры полыхнули, как горячие угли и расплавленная сталь.

Тар и Вун ждали, чтобы проводить Хило и Шаэ со сцены. Вун твердо положил руку Шаэ на спину и подтолкнул ее к заднему выходу, где ожидали машины, но Хило задержался по пути, чтобы поговорить с канцлером Соном Томаро. Тучный политик в последнее время выглядел бледным и усталым и как будто даже еще больше растолстел. Нагнав Колосса, он слегка запыхался. Пребывание Сона на посту главы Королевского совета было омрачено войной кланов, экономическими проблемами, а теперь еще эскалацией международного конфликта.

Члены Совета якобы представляли интересы простых людей, но большинство было связано с тем или иным крупным кланом. Два года открытой войны между Горными и Равнинными внесли напряженность и в политические фракции, где карьера зависела от исхода уличных сражений между Зелеными костями. Возглавлять такой раздираемый противоречиями политический орган вредно для здоровья. Из шестилетнего срока Сону осталось меньше двух лет, и Хило подозревал, что канцлер уже с нетерпением ждет завершения своей политической карьеры.

– Канцлер, – сказал Хило, изобразив улыбку и положив руку на широкое плечо политика. – Мир между кланами, как вы и хотели. И оба еще живы.

Сон неловко откашлялся.

– Да-да, конечно. Такого исхода мы ожидали не всегда. От имени Королевского совета я с радостью поздравляю вас и вашего Шелеста, вся страна вам благодарна и вздохнула с облегчением. – Сон прикоснулся ладонями ко лбу и поклонился. – Великий день, Коул-цзен.

– Ужасный день, конец ужасного месяца, – пробурчал Хило после ужина. Он разложил рисовый пудинг с кокосом по тарелкам и передал их дальше вдоль стола, пока Кьянла убирала остальную посуду. – Но хотя бы Тейцзе я вернул.

– Этот подвиг наверняка стоил пожизненного запрета на посещение островов Увива для тебя и всех членов Равнинного клана, – сухо отозвалась Шаэ. – Запуньо позаботился о том, чтобы сцена с мертвыми увиванскими полицейскими появилась во всех новостных программах страны и даже некоторых международных.

– Шаэ, – предостерег ее Хило, взглянув на мать.

Ко всеобщему удивлению, Коул Ван Риа сказала:

– Все знают, что увиванцы – прохиндеи, даже их полиция состоит из прохиндеев. Страшно подумать, что могло случиться с сыном бедной госпожи Тейцзе, если бы ты его не вытащил. Ты спас жизнь своей тети, Хило-се, она умерла бы от разбитого сердца, если бы ее сына покалечили, да еще так далеко от дома. Надеюсь, он усвоил урок и теперь останется на Кеконе.

Она начала подниматься.

Вен встала, чтобы ей помочь.

– Вы не хотите десерт, мама? – спросила она.

– Нет. Лучше съешь сама, это полезно для ребенка.

После ужина Зеленые кости обычно обсуждали с семьей дела клана. Хило помнил, как в детстве его выпроваживали играть. Дедушка, Дору и внутренний круг оставались в столовой, курили и пили хоцзи, а его мать уходила к себе читать или смотреть телевизор.

Хило обогнул стол за спиной Кена и Тара и обнял мать, прежде чем та ушла. В последнее время семья Коулов редко собиралась за ужином в полном составе.

– В гостевом домике все в порядке? После ремонта он станет гораздо уютнее, мы установим новые полы и оборудование. Я знаю, тебе нравится в Марении, но когда появится ребенок, тебе лучше жить поближе.

После смерти Лана мать, как казалось Хило, постарела и усохла, он нанял прислугу в семейный пляжный домик, чтобы ей покупали продукты и присматривали за ней, но будет спокойней, если мать переедет за стены поместья, внук даст ей цель в жизни.

Мать похлопала его по руке. Хило не стал напирать. Ей наверняка не захочется расставаться со спокойствием одинокой жизни на побережье, но теперь он ее старший сын, и мать наверняка его послушается, просто нужно действовать мягко.

Как только мать удалилась, Хило снова сел и принялся за десерт, еще раз бросив на Шаэ укоризненный взгляд за ее бестактность. Подписание мирного договора между кланами – значительная победа для офиса Шелеста. Хило знал, что его сестра трудилась долгие часы, возглавив переговоры о деталях. Но это не извиняет ее снисходительный тон в присутствии его людей и жены.

– Хотите узнать, что сказала мне Айт Мада в Гохее? – Хило обвел взглядом сидящих за столом, а потом снова остановил его на Шаэ. – Предложила сдаться. Встать на колени и принести клятву Горным, потому что я не дедушка и не Лан, а значит, Равнинные обречены.

– Хило-цзен, – нахмурился Кен, – она пытается внушить тебе сомнения в самом себе. Если ты не Факел и отличаешься от Лана-цзена, да узнают их боги, это еще не значит, что ты не можешь быть сильным Колоссом, даже лучшим Колоссом. Лично я не могу стать таким же Штырем, каким был ты, могу стать только другим Штырем, на свой лад.

Все посмотрели на Кена, слегка удивившись его откровенности и мудрости.

– Я бы не сделал тебя Штырем, если бы не считал, что ты справишься, – сказал Хило. – Но есть кое-какая разница. Я не получил благословение ни от дедушки, ни от Лана.

Вен положила руку на колено Хило.

– У тебя есть мы.

Хило кивнул.

– Это верно, и возможно, это единственное, что есть у меня и чего нет у Айт. За этим столом только семья, и я не стыжусь признаться, что нуждаюсь в помощи каждого из вас. Со своей стороны обещаю прислушиваться к вашим словам, даже если не согласен и принимаю другие решения. Но если я так поступаю, то это слово Колосса, и вы должны его уважать.

Эти слова предназначались Шелесту, она покосилась на Хило, неохотно признавая вину за сарказм, с которым говорила ранее.

– Так что, – сказал Тар, ковыряясь во рту зубочисткой, – ты собираешься открыть нам настоящий план?

– Настоящий план – это то, о чем мы договорились в Гохее, – твердо сказал Хило, – для всех в клане, кроме сидящих за этим столом. Я хочу, чтобы вы четко донесли это до всех. Мы остаемся в границах, о которых договорились. Никаких больше налетов и атак на их территории, никакой крови Горных без моего разрешения.

«Боги небесные, да я говорю, как Лан», – безрадостно подумал Хило.

– Мы будем придерживаться договоренностей, – повторил Хило в ответ на скептический взгляд Тара, – потому что нам нужно, чтобы Горные выполняли свои обязательства по искоренению контрабанды. Один клан не сумеет защитить нефритовые рудники и побережье. Для этого понадобится поддерживать мир. Ведь из событий на Тиалуйе очевидно, что Запунью собирается внедриться на Кекон, этот увиванский клоп возомнил, будто может потягаться с Зелеными костями. Он будет прятаться в своем особняке и использовать других – полицию,

воров, наркоманов – всех, кого деньгами или угрозами заставит на себя работать. Это значит, что крысы у него будут по всему Жанлуну, а может, уже есть и сейчас.

– У нас есть и собственные крысы, – напомнил Колоссу Тар.

– Недостаточно. – Хило адресовал эти слова обоим братьям Маик. – Нам нужны Белые крысы повсюду, где присутствуют враги, то есть не только на улицах Жанлуна. Мы должны знать, где Айт сделает следующий ход, а она придумает что-то умное, достанет нас там, где мы не ожидаем, и так, что не потеряет лицо после того, как сидела рядом со мной, улыбаясь на камеры. А еще нужны доверенные люди на островах Увива, близкие к Ти Пасуйге или внутри нее, снабжающие нас сведениями о делах Запунью, чтобы мы сумели ему помешать.

Братья Маик кивнули.

– Не только Запунью интересуется нефритовыми рудниками, – сказала Шаэ. – А у других заинтересованных сторон есть армии. Нам стоит больше волноваться об югутанцах и эспенцах, чем о Запунью.

Кен подался вперед, облокотившись о стол.

– Югутанцы не сунутся на Кекон, пока эспенцы стоят на острове Эуман.

– Это не мешает им покупать нефрит на черном рынке у дилеров вроде Запунью или со стола Айт Мады, она уже построила в Югутане фабрики по производству «сияния» для обеспечения своих тайных контрактов, – напомнила Шаэ. – Эспенцы рассматривают Кекон как источник нефрита, и у нас возникнут проблемы, если они решат, что их поставщик в военное время недостаточно надежен.

– У эспенцев дерьмо вместо мозгов, – бросил Тар. – Они не могут разобраться и с тем нефритом, который у них уже есть. Ты только глянь, что там происходит. Они собираются запретить использование нефрита вне армии. Даже спецантам не положено носить нефрит больше трех лет, иначе они подсаживаются на «сияние», а от него плавятся мозги, возникает рак или еще что, понятия не имею. Да за этим столом больше нефрита, чем в их взводе.

Тар вытащил сигарету, но Хило отобрал ее. Ему тоже хотелось закурить, но Вен сказала, что дым вреден для ребенка. Взамен Хило налил Тару хоцзи.

– В общем, – сказал Тар, нехотя принимая рюмку, – если эти с водой вместо крови попытаются оккупировать Кекон, они его не удержат. Это слишком дорого им обойдется, а спенни трясутся над деньгами.

– Эспения – наш крупнейший торговый партнер и военный союзник, – напомнила Шаэ. – Если мы хотим расширить бизнес клана, нам нужен доступ к их рынку. У них есть способы влиять на нас и без вторжения. И они уже пытаются.

– Значит, хорошо, что мой Шелест говорит по-эспенски и держит руку на пульсе, – сказал Хило. – Эспенцев можно задобрить или подкупить, как ты сделала в прошлом году.

Шаэ фыркнула.

– Ты так говоришь, как будто это проще простого. – К удивлению Хило, она бросила на Вен сочувственный взгляд. – Вот что получает Шелест на семейном ужине в присутствии бывших Кулаков.

– Да брось, Шаэ, не будь такой. – Хило толкнул ее руку. – Ты могла бы нас уравновесить, привести кого-нибудь с Корабельной улицы. Уверен, мама порадовалась бы, если бы ты привела на ужин Вуна Папи. Он ведь из хорошей семьи Зеленых костей. И разбирается в бизнесе.

К удовольствию Хило, сестра заморгала. Ее лицо залила краска.

– Вун-цзен – Тень Шелеста, – сухо сказала она. – Наши отношения сугубо профессиональны.

Хило хмыкнул, а Маики едва сдержали улыбки.

– Не сомневаюсь, что для тебя это так, – согласился он. – Ох, Шаэ, как ты можешь быть такой умной в одном и такой тупицей в другом? Наверное, это потому, что у тебя уже кто-то есть. Неужели какая-то семья Зеленых костей сумела воспитать подходящего тебе сына?

Хило был уверен, что его широкая улыбка смутила Шаэ и рассердила, но зато улучшила ему настроение – не потому, что ему хотелось устроить драчку, просто ностальгически напомнила их детские стычки. А кроме того, сестра слишком высокомерно обращалась с ним за ужином.

Хило собрал пустые десертные тарелки в стопку. Из кухни появилась Кьянла, чтобы забрать их, и принесла чайник. Пока Вен разливала чай, Хило откинулся на спинку стула.

– Хватит на сегодня шуток, – сказал он. – Как я и говорил, мы заключили мир с Горными. – Улыбка исчезла с лица Хило, и он заговорил серьезно. – То есть, когда мы сделаем следующий шаг, нельзя делать его наполовину. Мы не можем просто задеть их и развязать новую войну. Нужно разом срубить все дерево. А значит, следует вычислить, как это сделать. Когда мы начнем действовать, то должны быть сильны во всем – и в людях, и в бизнесе. Айт много лет строила планы, прежде чем о них стало известно. И чуть не добила своего – нанесла нам очень сильный удар, но мы по-прежнему здесь, и теперь наш черед. Здесь только семья, и все мы знаем, что сегодня на той сцене разыгрывался спектакль.

Хило остановился и оглядел всех собравшихся. Они молчали, не сводя с него глаз, нефритовые ауры гудели ровно, без удивления.

– У Горных есть слабости, о которых мы не знаем, – продолжил Хило. – А иначе они никогда не подписали бы мирный договор. Нужно найти эти слабости. Даже если на это потребуется время. А потом спланируем, как убить Айт Мадаши и ее приспешников и уничтожить ее клан.

На следующее утро Хило проснулся отдохнувшим, но со смутной тревогой. Разговор за ужином никак не выходил из головы перед сном. Может, другие жанлуны сегодня чувствуют себя счастливее, зная, что кланы официально примирились, но Хило не заметил разницы. Будучи Штырем, он видел, как Кулаки устраивают дуэли за нефрит, а сутенеры и продавцы наркотиков убивают друг друга за лучшее место на перекрестке, как псы и бродяги сражаются за еду. Он точно знал, что патовые ситуации и компромиссы не длятся долго. Продолжительный мир приносят только безусловные победы.

И пока Хило думал о том, как навсегда разделаться с Горными, несомненно, на другой стороне Жанлуна Айт Мада в точности так же замышляла план против него. Хило еще не знал, как подкосить Горных настолько серьезно, чтобы они никогда больше не угрожали его семье. Задача казалась невыполнимой, даже дедушка или Лан не знали бы, как с ней справиться, но все же от этого зависело выживание Равнинного клана. А в довершение ко всему нужно думать и о других угрозах и противниках. Их слишком много, и все затаились.

Хило обвинил Вен руками, положив их на ее слегка выпирающий живот. Если сосредоточиться, он мог Почуять крохотную жизнь внутри – слабое и быстрое, как у мыши, сердцебиение на фоне знакомой энергии жены. Мысль о том, что Вен носит внутри его ребенка, восхищала его и возбуждала. Хило начал ласкать ее, нежно, но слегка нетерпеливо, перебирая пальцами темные соски на набухшей груди, провел рукой по изгибу бедра, между ягодицами и ногами. Прижался к ней, чтобы она почувствовала жар его желания. Вен перевернулась и сонно улыбнулась ему, придвинувшись ближе. Хило снял через голову ее ночную рубашку, повернул Вен на бок и занялся с ней любовью, чуть осторожнее, чем обычно, – из-за ребенка, хотя она и сказала, что волноваться не о чем.

Потом, когда он лежал на спине, расслабившись, Вен сказала:

– Может, Тар и прав, что Эспения не вторгнется на Кекон, но люди встревожены. Мы годами с радостью брали у иностранцев деньги, чтобы отстроить страну, но теперь впервые простые обыватели поняли – иностранцы хотят заполучить то, что всегда было нашим. – Она лежала рядом, приподнявшись на локтях. – Люди начинают задумываться, не опасны ли наши решения. Может, торгуя нефритом, мы потеряем души или прогневим богов. Когда люди напуганы, они принимают неверные решения.

Хило повернулся на бок и озадаченно посмотрел на нее.

– Почему ты всегда так себя ведешь? За ужином ты не произнесла ни слова. А когда мы лежим в постели, хочешь обсудить дела клана. Если тебе есть что сказать, почему не сказать это всем и вовремя?

Вен отвернулась и положила подбородок на сложенные ладони. К удивлению Хило, вопрос ее явно задел.

– Я ведь не Зеленая кость, мне не пристало.

– Но, в отличие от мамы, ты не вышла из-за стола, прежде чем начался разговор. Ты не Зеленая кость, но ты моя жена. Все здесь – одна семья, и, если желаешь, ты можешь высказаться.

Вен немного помолчала.

– Я предпочитаю говорить с тобой наедине. – Она снова повернулась к нему лицом, положив голову на согнутую руку. – Когда мы только вдвоем, я могу рассказать все, что у меня на уме. Я знаю, ты выслушаешь, даже если не согласен. Я говорю со многими простыми людьми – владельцами магазинчиков, подрядчиками, офисными клерками, студентами. – Вен превратила свой талант к дизайну интерьеров в работу консультанта для связанного с кланом бизнеса и занималась в жанлунском городском колледже, чтобы развивать эту карьеру дальше. – Так что я просто передаю то, что слышала.

Хило притянул ее ближе и прижал ее лицо к своей груди.

– Когда появится ребенок, у тебя будет новая работа, некогда станет беспокоиться о моей.

– Я всегда буду беспокоиться, – возразила Вен. – Хотя и знаю, что нет человека зеленее моего мужа. Каждый раз при виде этого, – она пробежалась пальцами по ключице и груди Хило, мягко обведя каждый нефритовый камешек, – как бы я ни гордилась, я понимаю, в какой ты опасности, сколько у тебя врагов.

– Я никогда не подпущу их близко к тебе, – пообещал Хило. – Или к нашим детям.

Они еще некоторое время целовались и ласкали друг друга, и когда Хило уже собрался вставать, потому что его ждала тысяча дел, Вен тихо заговорила:

– Эйни ответила на мое письмо. Я написала ей длинное послание и тут же отправила. Сообщила новости о семейных делах и попросила приехать со своим другом и сыном. Я знала, потребуется время, чтобы письмо добралось до Степенланда и обратно, но все же она ответила только через месяц и черкнула всего несколько строк.

Хило сел, откинувшись на изголовье. В голосе Вен редко звучала обида, обычно она говорила тепло и с любовью, но когда была расстроена, становилась на редкость замкнутой и уклончивой в разговоре о том, что вызвало ее неудовольствие. Пришлось подстегнуть ее, чтобы рассказывала дальше.

– И что? Что она написала?

– Поблагодарила за письмо, но попросила больше ее не тревожить. – Вен села рядом, в глазах полыхала обида. – Почему она так сказала? Мы когда-то встречались. Когда она была женой Лана, мы не были подругами, но лишь потому, что не имели возможности лучше познакомиться. Не могу понять причину ее грубости.

– Я же говорил, Эйни всегда была заносчивой.

Хило всегда считал невестку поверхностной и эгоистичной – из тех, кто любит красивые наряды, театр, вино и статус жены Колосса, но не подходит семье Коулов на глубинном уровне. Он всячески старался выказывать жене брата уважение, но явственно ощущал, что она смотрит на него свысока, считает неотесанным юнцом (каким он в ту пору и был) и никогда не заговаривала с ним. Лан наверняка ценил ее интеллектуальность и привлекательное личико, но когда их брак окончился крахом, Хило не удивился, даже втайне испытал облегчение.

– Ты должен сам ей написать, – настаивала Вен. – Если она не удостоила меня надлежащим ответом, то тебя ей придется признать как Колосса.

– Мы ведь об этом говорили, – сказал Хило, но, увидев решительный взгляд жены, отступил. – Вряд ли это что-то изменит, но ладно.

Довольная Вен кивнула, хотя явно еще была раздражена.

– Если она не хочет сюда приезжать, поезжай навестить ее в Степенланд. Пусть это и долгий путь, но оно того стоит. – Увидев сомнения на лице Хило, она добавила: – Ты ведь сам всегда говоришь, что встреча лицом к лицу – это лучше всего.

Глава 14. Милосердие для старого воина

Через три дня после пресс-конференции Шаэ взяла с собой в поездку только Вуна и Хами. В деревню Опиа они прибыли к вечеру. Как обычно в сезон дождей, с гор спустился густой туман, скрыв полог деревьев над головами и уменьшив видимость на узком серпантине. Опиа состояла из двух десятков домов из дерева и глины, под странными углами пристроившихся друг к другу и прочно вцепившихся в крутые склоны. На уголках низких крыш из алюминиевого шифера сидели куры. Босой мальчишка с желтым псом уставился на Зеленых костей, когда они вышли из красной «Кабриолы LS». Он с криком развернулся и скрылся из виду по узкой мощеной дорожке.

К Шаэ подошел Вун. Она посмотрела на него чуть дольше обычного. С тех пор как Хило подтрунивал над ней за обеденным столом, она задумалась, а не прав ли брат, может, Вун к ней равнодушен, а она этого не видит и принимает за стремление опекать ее по долгу службы. Удивительно было видеть главу ее аппарата не в деловом костюме, а с саблей-полумесяцем за поясом, он не был похож на себя, привычного обитателя офиса на Корабельной улице. Возможно, судя по неуверенности во взгляде, он думает о том же.

Вун предложил взять с собой несколько человек Штыря, но Шаэ отказалась. Для нее это дело было почти личное, ответственность Шелеста. Две части клана зависели друг от друга, но присутствовал и элемент состязательности.

Мальчишка с собакой, видимо, разнес новости об их появлении, потому что жители высыпали из домишек и стояли у дверей.

– Зеленые кости! Смотрите! – услышала Шаэ возбужденный шепот мальчика.

Деревенские носили однотонные или клетчатые хлопковые рубашки и наблюдали за прибывшими с молчаливым, но опасливым почтением, прикладывая ладони ко лбам, когда гости проходили мимо. Опиа как будто жила в другом времени, а может, время бесечно обошло ее стороной в своем беспощадном марше. Густой туман скрыл даже ближайшую местность, и все казалось далеким и призрачным. Трудно поверить, что от Жанлуна их отделяли всего полтора часа езды.

Хами настороженно вертел головой по сторонам. Когда его кожаная куртка оттопыривалась из-за пистолета, а из-за пояса торчал боевой нож, Шаэ без труда могла представить своего Главного Барышника Кулаком, которым он был до карьеры в офисе.

– Похоже, Горные не обманули, – сказал он. – Нигде поблизости нет Зеленых костей.

Чутье подсказало Шаэ то же самое, она прочесывала пространство сквозь низкую энергию местных жителей, пока не обнаружила знакомую нефритовую ауру, которую искала – прямо перед собой, в буром деревянном доме в конце улицы. Аура слегка изменилась, но Шаэ не могла уловить, в чем дело.

Она подошла к хибаре и толкнула незапертую дверь. Та распахнулась на ржавых петлях. Шаэ шагнула в маленькую комнатку, освещенную единственной лампочкой на потолке.

– Дядя Дору, – сказала Шаэ.

Бывший Шелест сидел в кухонной зоне, на стуле рядом с квадратным складным столом. Поверх белой майки и серых тренировочных штанов был надет изношенный коричневый халат. Рядом склонилась девочка лет тринадцати, видимо, дочь кого-то из деревенских, она налиwała горячую воду в ванну для ног. Увидев Шаэ, она вздрогнула и выронила полотенце.

– Шаэ-се, – просипел Дору. От улыбки морщинистое лицо пошло трещинами. – Рад тебя видеть. – Он оглянулся через плечо. – А, Хами-цзен и Вун-цзен. Куда лучше, чем я ожидал.

Шаэ повернулась к девочке.

– Уйди, – распорядилась она.

Девочка вопросительно уставилась на Дору.

– Да, ступай к родителям, Нийя-се, и спасибо за доброту к старой Зеленой кости. Внимательные боги обязательно благословят тебя и твою семью своей милостью.

Девочка поставила пустое ведро с водой и выбежала из хибары, не поднимая головы. Шаэ проследила за ее уходом. Под тонкой рубашкой подростка просвечивали узелки позвоночника и бугорки девичьей груди.

Шаэ снова повернулась к Дору.

– Что за жалкая у тебя жизнь!

– Ненадолго, Шаэ-се. Ты ведь для этого здесь? Чтобы свершить правосудие клана. – Дору пошевелил ногами в горячей воде и вздохнул. – По ночам здесь прохладно, гораздо холоднее, чем в городе, хотя от него и недалеко. Я помню этот холод, но тогда я был моложе, и меня он не беспокоил. – Взгляд Дору смягчился от ностальгических воспоминаний. – Во время войны основной лагерь Людей Горы находился... да, где-то в восьми километрах к югу отсюда. – Он неопределенно махнул рукой куда-то вдаль. – Но местность здесь труднопроходимая, а дорога из Жанлуна в то время не была так прекрасно заасфальтирована. Деревня Опиа была нашим форпостом. На Кеконе нет больших патриотов, чем эти простые деревенские жители, Шаэ-се. Они прятали нас от шотарских солдат, обрабатывали наши раны, носили в лагерь еду и припасы. Они были первыми Фонащиками, подлинными – в гораздо большей степени, чем все эти шишки из компаний в нынешние времена, которые присылали мне дары в виде модных ручек и бутылок хоци.

– И они прячут тебя даже сейчас, – сказала Шаэ.

Она оглядела кухню и гостиную. Рядом была только одна спальня с единственной узкой кроватью. Мрачное небо за окном начало темнеть.

Дору пожал плечами.

– Только пока могут. Я знал, что Горные в конце концов продадут меня Равнинным. Я годами с ними сотрудничал, использовал свой пост Шелеста и влияние на Коула Сена и Лана, да узнают их боги, лишь в надежде добиться мирного решения для всех нас. Когда меня изгнали из Равнинного клана, а мир больше невозможен, какой от меня толк? Но я признателен, что за мной приехала ты, а не этот громила Тар.

Шаэ рассматривала человека, который был лучшим другом и советчиком ее деда, опорой семьи еще до ее рождения. Юн Дору выглядел еще более хрупким и усохшим, чем когда она видела его в последний раз – больше года назад, без нефрита, пленником в его собственном доме. Его редкие волосы совсем поседели, глазницы на узком лице ввалились, а кожа приобрела нездоровую бледность, на которой свет от единственной лампочки оставлял глубокие тени.

– Видишь ли, я умираю, – с полным безразличием произнес Дору. В тот же миг Шаэ поняла, что это правда, теперь она Почуяла болезненную вялость его нефритовой ауры. – Рак печени. На последней стадии, как мне сказали. – Бывший Шелест печально улыбнулся. – Надеюсь, вы не много отдали в обмен на мою жизнь. Она мало чего стоит, а теперь, когда Коул Сен присоединился к нашим товарищам в загробной жизни, я наконец-то последую за ним. Ты пришла оказать старому воину милосердие. Но все же я попрошу возможности поговорить с тобой несколько минут наедине.

Шаэ колебалась, но все-таки обратилась к Вуну и Хами:

– Подождите снаружи.

– Шаэ-цзен, – возразил Вун, но Шаэ твердым взглядом дала понять, что это не обсуждается.

– Я сказала – подождите снаружи. Я с этим разберусь.

– Ты получил больше, чем заслуживаешь, – презрительно и с отвращением сказал Хами.

Оба вышли за дверь. Шаэ и Дору остались одни. Дору вытащил ноги из ванночки и вытер их полотенцем, которое бросила девочка. От пара окно запотело, и Шаэ вдохнула аромат солей с травами.

– Ты должна знать, – сказал Дору, – я хотел выполнить обещание, которое тебе дал. Я бы остался без нефрита, пленником в собственном доме, чтобы скрасить компанию Коулу Сэну в его последние дни. – Губы Дору задрожали, и Шаэ ощутила пульсацию горя в его ослабленной ауре. – Он был великим человеком, величайшей Зеленой костью своего поколения, и моим дорогим другом, да узнают его боги. Я не сдержал слово только потому, что он настоял, а я никогда ему не противоречил.

Дору сунул ноги в тапочки, с болезненным хрустом встал и подошел к потрепанному желтому креслу, завязывая халат на поясе. В это мгновение он выглядел таким слабым, что Шаэ пришлось подавить желание ему помочь.

– Что ты рассказал Горным, когда перебежал к ним? – спросила она.

– Ничего, Шаэ-се, хотя не из-за того, что не хотел. – Дору осторожно опустился в кресло, морщась от боли. – Я пришел к Айт Маде, когда Горные уже готовились к победе в войне, потому что надеялся выторговать для тебя пощаду. Я предложил им свои знания о предприятиях Равнинного клана и помощь в финансовом и оперативном слиянии после победы на условии, что тебя не тронут. Я просил того же для Андена, потому что ты бы этого хотела. Айт отказалась. После того как ты ее разозлила, она не хотела оставлять тебя в живых. Не могу передать, как я обрадовался, когда Хило переломил ход уличных боев, хотя это и означало, что во мне больше нет нужды. Горные позволили мне жить в Опии и заниматься своим здоровьем. Поначалу они оставили охрану, якобы для защиты, но на самом деле я был пленником, по большей части собственного отказывающего тела. – Дору закашлялся, звук был долгим, низким и ломающимся. Потом он посмотрел на Шаэ ясными глазами и с серьезным выражением лица. – Шаэ-се, даже здесь до меня доходят слухи. Я всегда умел читать по облакам. Услышав, что кланы объявили о мире, я обрадовался, уж поверь. Но пока во главе Горных стоит Айт Мада, ты никогда не будешь в безопасности.

От этих слов у Шаэ похолодели руки и ноги.

– И что мне делать?

– Чтобы удержать власть, нужно лишить ее других. У Айт нет наследника. В Горном клане есть видные семьи, питающие надежды принять власть после нее, они как стая волков – идут по следу в ожидании, пока жертва оступится. Семья Иве – из преданного внутреннего круга, а Фены богаты, но семья Кобен сильнее остальных. Айт – сильный Колосс, но всего лишь человек, к тому же женщина. Найди способ стать союзницей ее наследника. В твоих руках положить конец войне между кланами и найти дорогу к настоящему миру. – Дору снова закашлялся, судя по звуку, было похоже, что у него пневмония. – А помимо этого у меня есть только один совет молодому Шелесту от старого: выслушивай всех, а сама читай по облакам.

– Хочешь еще что-нибудь сказать, Дору-цзен?

Слова вырвались с трудом, словно застряли в горле. Время пришло, она положила руку на рукоятку сабли, но пока не вытащила ее.

Дору снял с шеи цепочку с четырьмя нефритами. Он подержал камни в длинных морщинистых ладонях, его глаза заблестели.

– Это нефрит твоего деда, – сказал он. – Он принадлежит семье Коулов.

Дору положил цепочку на деревянный столик. Знакомая нефритовая аура растворилась, как дым из обугленного бревна, теперь Шаэ Чуюла только медленное сердцебиение и сиплое дыхание.

Руки Шаэ отяжелели. Встреча пошла не так, как она ожидала. Шаэ многие годы ненавидела Дору. По дороге сюда она представляла, что будет действовать быстро, с холодной праведностью исправит ошибку, которую совершила, пощадив его. Она не ожидала обнаружить

его больным и страдающим, уже одной ногой в могиле. Пора было приступать, но она не могла пошевелиться. Дору – старый и злобный извращенец, предатель из высших эшелонов клана, но он сложил руки на коленях и смотрел на нее спокойно и покорно, и Шаэ вспомнила, что он был ей как дядя, что он лучший друг Коула Сена.

В ее груди зародилась боль, которая растеклась по рукам и ногам и превратила их в свинцовые. Шаэ не могла убить Дору. Дедушка, да узнают его боги, никогда бы ее не простил.

Бывший Шелест вздохнул со странным удовлетворением.

– Ах, Шаэ-се, боюсь, тебе придется кое-чему научиться у своего врага Айт Мады. Чтобы возглавлять клан Зеленых костей, временами приходится быть холодным, как сталь. – Дору поерзал в кресле и открыл ящик столика. – И все же мне приятно, что после того, как я потерял твое уважение, в твоём сердце еще осталось тепло для старого дядюшки. Ты была любимицей деда, как и моей, я никогда не хотел причинить тебе беспокойство.

Шаэ поняла, что он собирается сделать, за мгновение до того, как он вытащил пистолет, сунул его в рот и спустил курок.

Дверь распахнулась, и влетел Вун с саблей в руке, его нефритовая аура полыхала тревогой. Он что-то выкрикнул, но Шаэ не разобрала, после выстрела в ушах стояла тишина. Тело Дору откинулось на спинку кресла и сползло, длинные руки обмякли, иссохшая голова на тощей шее упала набок. Кровавые осколки черепа и мозги забрызгали спинку кресла. Сердце Шаэ колотилось так гулко, что она чувствовала его биение в горле. Дору действовал быстро и решительно, она даже не Почуяла этого заранее. К собственному удивлению и стыду, она ощутила щеку слез в глазах.

Вошел Хами и уставился на тело, но промолчал. Было совершенно очевидно, что произошло. Шаэ не сумела, но Дору все-таки осуществил правосудие клана.

– Заберите нефрит со стола, он принадлежит клану, – велела она.

Шаэ не могла заставить себя приблизиться к телу и забрать нефрит, которого не заслужила. Она пошла к двери и слышала шаги идущего следом Вуна, но Хами задержался. Шаэ понимала, что его уважение к ней пошатнулось. Снаружи собралась кучка деревенских, при ее появлении они попятились, освобождая проход.

– Кто здесь староста? – спросила она.

Вперед шагнул бородатый мужчина средних лет в рабочем комбинезоне и плоской кепке. Он опасливо прикоснулся сомкнутыми ладонями ко лбу и поклонился.

– Благодарю за то, что проявили доброту и гостеприимство к старой Зеленой кости на закате его дней, – сказала Шаэ достаточно четко, чтобы слышали все собравшиеся. – Если его присутствие доставило вам какие-то сложности, от имени клана я приношу вам извинения и благодарю.

Староста оглянулся на односельчан, а потом снова посмотрел на Шаэ. Уже стемнело, и она не могла разглядеть выражение его лица в свете керосиновых ламп на длинных шестах, развешанных перед домами.

– Мы всегда накормим и приютим любую Зеленую кость, которой понадобится наша помощь, – отозвался староста.

Он не спросил, что случилось в хижине. Такова традиция, выработанная десятилетиями войны и оккупации: жители Кекона помогают и дают кров Зеленым костям, не рассказывая об этом и не задавая вопросов – так надежнее, чтобы уберечься от пыток шотарских солдат. Жители Опии твердо придерживались традиций.

Шаэ вложила в руки старосты конверт с деньгами. Наверняка там было больше, чем деревня видела за многие годы.

– Похороните его в горах, около лагеря повстанцев к югу отсюда, – велела она местным жителям. – На могиле напишите такие слова: «Здесь лежит Зеленая кость, воин Кекона».

Глава 15. Крысы в «Небесном сиянии»

Раз в неделю Вен проводила день в чайном доме и спа «Небесное сияние», заведении только для женщин в одном квартале к западу от Двадцатой улицы в районе Топь. Эта часть города раньше была территорией Горных, во время войны кланов Равнинные покорили ее, но около трех месяцев назад Хило уступил район Горным по мирному договору между кланами. Но все это, похоже, не повлияло на работников и завсегдатаев «Небесного сияния».

У владельцев имелось два фонаря, белый и бледно-зеленый, и в зависимости от текущей принадлежности квартала они выбирали, какой повесить. Они платили дань, как полагается, и заведению не причинили ущерба во время уличных столкновений. «Небесное сияние» было местом для общения жен и для туристов, желающих расслабиться после осмотра квартала Монумента неподалеку. Цены были невысоки, и Зеленые кости не хотели пасть так низко, нападая на женскую баню, ведь это не лучше, чем сражаться за детский сад или похоронное бюро.

Поэтому, хотя Вен фактически находилась в трехстах метрах по ту сторону границы, на вражеской территории, она не волновалась. Телохранитель придержал дверцу машины, и Вен вышла из зеленой «Люмеццы 6С», свадебного подарка мужа. Прекрасная машина, хотя и не очень практичная. Прodelав короткий путь по ступеням к двери, Вен успела вспотеть, семимесячная беременность в летнем Жанлуэ – то еще удовольствие.

Внутри она зарегистрировалась у стойки, и ее провели в раздевалку, где она сняла одежду и сложила вещи, а потом прошла в примыкающую частную кабинку, где улеглась на мягком столе для отшелушивающего и пренатального массажа. Пять лет назад, работая секретаршей в маленькой юридической конторе и обитая в тесной квартирке в Папайе, Вен не позволила бы себе такой роскоши. Привилегии жены Колосса. Не об этой позиции она мечтала, она рассчитывала стать женой Штыря – с определенным статусом, но и большей анонимностью, эта позиция требовала также силы духа и уверенности в себе, ведь работа Штыря опасна, непредсказуема и может призвать его на службу в любой час. Лина обладала этими замечательными качествами, поэтому Вен и познакомила ее с Кеном.

Жене Колосса, с другой стороны, всегда приходится быть на виду.

Вен сопровождала мужа на светских мероприятиях, принимала гостей на сборах клана и позировала фотографам. Вен прекрасно понимала, что каждый раз, когда она появляется рядом с мужем на публике, на нее устремляются оценивающие взгляды, мелочные умишки считают, что, уж конечно, Коул Хилошудон, второй сын и Колосс Равнинного клана, мог бы найти лучшую партию, чем каменноглазая, предположительно незаконнорожденная дочь из опороченной семьи. А совсем мелочные считали, что есть и более красивые женщины.

Вен не позволяла себе стать слабой стороной Хило, чтобы ее использовал против семьи кто-либо вне клана. Ей пришлось познакомиться с людьми из высших эшелонов клана, в особенности с теми, кто мог с осуждением смотреть на быстрый взлет Маиков. Вен безупречно одевалась и следила за фигурой. Состояние ее здоровья имеет большое значение. Она надеялась со временем вернуться к работе дизайнера, но в следующие несколько лет будет только женой и матерью.

Клан – это не только люди, нефрит и деньги. Это идея, наследие, соединяющее прошлое с настоящим и будущим. Сила семьи – это обещание. Лан погиб, а его сын далеко (хотя Вен надеялась, что это скоро изменится). У Шаэ в ближайшее время дети не появятся. Кен и Лина еще не женаты, и Вен не знала, что делать с Таром. Тейзце в родстве с Коулами, но их в расчет принимать не стоит. Зная, что ее вклад в клан настолько важен, Вен испытывала даже большую радость от предвкушения, чем обычная будущая мать. Ребенок пинал Вен по ребрам и перекачивался внутри, как маленькая гора.

– Ваш малыш уже такой сильный, госпожа Коул, – с улыбкой сказала массажистка.

После процедур, чувствуя себя посвежевшей, Вен быстро окунулась в бассейн с минеральной водой, приняла душ, надела длинные свободные брюки, майку и флисовый халат. Она вошла в чайную и села, скрестив ноги, за низким столиком в отгороженном ширмами закутке, призванном создавать чувство спокойствия и служить убежищем от суеты будничной жизни города.

Пышные папоротники в горшках и растения с широкими листьями составляли скромный внутренний садик, приятно булькал каменный фонтанчик. Большинство женщин в чайной были старше Вен, некоторые устроились с книжкой или газетой, другие болтали с подругами или играли в круговые шахматы или карты.

Вен заказала булочки с кунжутом и стакан холодного чая с пряностями и лимоном. Официантка, пышная пожилая женщина, понимающе улыбнулась и принесла целый лимон, нарезанный тонкими ломтиками, на белом блюде. Суеверия гласили, что сок целого лимона, выпиваемый ежедневно, гарантирует рождение мальчика. Как и ежедневные прогулки на рассвете (на закате для рождения девочки), а также острая пища и зачатие в определенные удачные дни из таблицы, обусловленной датами рождения отца и матери.

Вен не была суеверной – какой в этом смысл, если она и так уже каменноглазая? – и даже перестала молиться богам за свою золовку, но улыбнулась и поблагодарила официантку, подождала, пока та уйдет, и выкинула лимон в ближайший цветочный горшок.

К ней подошла худенькая женщина примерно одного с Вен возраста и беспокойно огляделась, прежде чем сесть за стол. Вен негромко спросила:

– Как твои дела, Мила? Как дочь?

Женщина отвернулась, одергивая длинные рукава. Вен охватила жалость к ней.

– Отослала ее на несколько дней к друзьям, – пробормотала Мила.

– Вот и хорошо, – мягко откликнулась Вен. – Ты позаботилась о ее безопасности. Как всякая мать. – Когда Мила потеряла глаза и кивнула, Вен спросила: – Что у тебя есть?

Женщина вытащила из сумочки коричневый конверт и протянула его под столом Вен. Та не глядя сунула конверт к себе в сумочку. Мила сложила руки на коленях и поспешно выговорила:

– Вчера заступил на свой пост новый Шелест Иве Калундо. Он устраивает встречи с глазу на глаз с высокопоставленными Фонарщиками клана. Его расписание на месяц лежало на столе его секретарши, и я сделала копию.

– Спасибо.

Вен передала Миле немаркированный конверт с деньгами, который тут же исчез в сумочке. Акуль Мин Мила работала секретаршей в одном из отделов офиса Шелеста в Горном клане, также находящемся в Финансовом квартале, в пяти километрах к северу от офиса Шаэ на Корабельной улице. Мила была замужем за буйным алкоголиком, и тот регулярно избивал ее и их восьмилетнюю дочь.

Ее муж был из семьи с хорошими связями, Мила боялась последствий, если расскажет кому-нибудь в клане. Она тайно копила деньги, полученные от Равнинного клана за информацию из офиса, чтобы сбежать вместе с дочерью к родне, живущей в Тошоне, на юге страны.

Когда крыса встала и собралась уходить, Вен сказала:

– Мила, не торопись и не рискуй понапрасну. Ты уже продержалась так долго, постарайся, чтобы, когда ты навсегда уедешь, не возникло подозрений.

Мила помедлила, кусая губы, и посмотрела на Вен с затаенной благодарностью. Потом кивнула и ушла. Мила плохо разбиралась в бизнесе Горных и не всегда понимала, что искать, копируя все подряд при возможности. Кое-что оказывалось полезным для Вен, хотя по большей части нет, однако Мила трудилась исправно. На этот раз Вен была настроена оптими-

стично – детальное расписание встреч нового Шелеста Айт Мады могло пролить свет на деловые приоритеты Горных и крупнейшие предприятия.

Вен потягивала чай с пряностями и поглаживала раздувшийся живот. За последний год они с Коул Шаэ нашли и взрастили группу информаторов. Как и сказал Хило Кену и Тару за ужином, Равнинным везде нужны крысы, не только на улицах, не только среди людей Штыря. Женский спа-салон был, вероятно, самым невидимым местом в городе, именно там Вен и встречалась со шпионами. Здесь она редко видела Зеленых костей, да и те были девушками, уставшими от постоянной гонки за мужчинами и нуждающимися в передышке. После массажа или других процедур они тут же уходили, не задерживаясь в чайной. Владельцы прекрасно понимали, что находятся на границе территорий и ничего не выиграют от предательства того или иного клана, рискнув своим преимуществом малозначительного заведения. Шелест Равнинных не могла проводить подозрительно много времени в спа-салоне, но никто не удивится подобным привычкам жены Колосса.

Вен подумывала рассказать обо всем Хило. Возможно, это докажет, что она способна всерьез и полноценно заниматься делами клана, и даже если он этого не одобрит, то увидит огромную пользу от ее деятельности и согласится с ней. Хило принимал людей такими, как есть, он никогда не давал ей повода стыдиться своих родителей, отвергнутых обоими кланами за бесчестье, своего возможного происхождения как незаконнорожденной или того, что она каменноглазая. И за это она пылко его любила. Вен ненавистно было хранить от него секреты. Но для Коула Хило мир строго делился пополам, определяя долг и судьбу человека, и линия раздела была начерчена нефритом.

Забеременев, Вен неохотно призналась самой себе, что муж не позволит ей идти даже на минимальный риск, встречаясь с информаторами в «Небесном сиянии». Вдобавок честность с Хило означала бы, что придется выдать Шаэ как организатора этой затеи, а Шелест имела право сохранять свои методы и источники информации в тайне. Пока Хило считает, что жена посещает спа-салон только ради собственного здоровья и здоровья ребенка, у него не возникнет причин этому препятствовать.

Потенциальная ценность того, что Вен и Шаэ могли узнать о врагах клана, была важнее душевного спокойствия Вен, к тому же нельзя ставить под угрозу отношения Колосса и Шелеста. От этого зависит выживание семьи. Колосс – повелитель клана, его хребет, но хребет без поддержки обмякнет и сломается. Покойный деверь Вен, Коул Лан, был хорошим Колоссом, но его тянули вниз дед со старческим слабоумием, предатель-Шелест и неверная жена. Он напрасно пытался вытащить клан в одиночку, не просил о помощи, когда следовало, и не привлекал к делам клана брата и сестру, когда больше всего нуждался в их помощи. Он всячески старался быть сильным, и это сделало его слабым. Вен не могла допустить, чтобы такое произошло с ее мужем.

Она откинулась на подушки и пятнадцать минут читала книгу, пока не заметила, как вторая лазутчица прошлепала в чайную в тапочках, от нее пахло банными солями. Госпоже Лонто было за пятьдесят, она уже тридцать лет работала парикмахером в собственном салоне в контролируемом Горными богатым районе Холмы. За эти десятилетия она выслушивала всякого рода рассказы, слухи и сплетни своей клиентуры, состоящей главным образом из жен, матерей и других родственниц Кулаков, Барышников и Фонариков высокого ранга. Клиентки госпожи Лонто не только с готовностью и завистью делились новостями о положении, доходах и союзах влиятельных семей Горного клана, но и нашептывали всякие гадости об Айт Маде, единственной женщине, имеющей большее влияние на их мужчин, чем они сами.

Госпожа Лонто многие годы наведывалась в «Небесное сияние» и сама завязала разговор с Вен, не ходя вокруг да около. Однажды она увидела, как жена Колосса выходит из бассейна с минеральной водой, и сказала:

– Госпожа Коул, простите, что помешала, но... – Ее лицо дрогнуло от отчаяния. – Мой сын совершил преступление против вашего клана, и я не знаю, как добиться его помилования.

Трудный сын хозяйки парикмахерской ограбил магазин на территории Равнинных, чтобы купить наркотики. Во время ограбления он ранил двух прохожих, в том числе дядю Пальца высокого ранга. К счастью для сына госпожи Лонто, его задержала полиция и поместила в тюрьму, прежде чем до него добрался клан, но задетый Палец намеревался встретить грабителя после освобождения, и если не убить, то, по крайней мере, так измордовать, что тот запросился бы обратно в тюрьму.

Госпожа Лонто заложила свой салон, чтобы оплатить лечение сына от наркотической зависимости, но, несмотря на знакомство со многими людьми из Горного клана, не стала просить их о финансовой помощи или защите для сына. Внуку, сыну ее дочери, исполнилось десять лет, и он готовился к поступлению в Ви Лон, а поскольку его оценок и способностей едва хватало для этого, госпожа Лонто опасалась привлекать внимание к сыну, наркоману и преступнику, – это могло бы и вовсе лишить внука шансов на поступление.

Выслушав рассказ госпожи Лонто, Вен поговорила с Кеном, а Кен – с тем самым Пальцем, убедив его принять официальные извинения и ухо обидчика. К счастью, его дядя полностью поправился.

Теперь же госпожа Лонто, похоже, пребывала в хорошем настроении. Сев напротив Вен, она рассказала, что реабилитация сына проходит успешно, он не принимает наркотики уже четыре месяца. Вен поздравила ее. Приятно было узнать, что деньги Равнинного клана, выплаченные за глаза и уши в Холмах, пошли на благое дело.

– Простите, госпожа Коул, – сказала госпожа Лонто. – На этой неделе мне особо не о чем рассказать. Новостей немного, да и в салоне почти пусто. Из-за жары все разъехались на побережье.

– Ничего страшного, – ответила Вен. – Я все равно хотела поговорить о событиях в прошлом, думаю, вы можете о них знать. – Когда женщина настороженно кивнула, Вен сложила руки на округлившемся животе и попросила: – Расскажите все, что знаете о семье Кобен.

В ближайшие две недели Вен нанесла еще три визита в спа-салон «Небесное сияние» и встретила с другими информаторами, которые могли дополнить и подтвердить услышанное от госпожи Лонто. Она поболтала с самыми известными сплетницами из большой семьи Лины и посетила государственную библиотеку и архивы Зала Мудрости, пролистав кое-какие официальные записи. Вен передала все, что узнала, Шаэ, а та совместила эти сведения с другой информацией о бизнесе Горных, чтобы получить лучшее представление о положении дел во вражеском клане.

По словам госпожи Лонто и других, когда Айт Эоду, второй приемный сын Айта Югонтина, патриарха клана, был убит по приказу своей сестры Айт Мадаши, у него осталась жена, которая не стала по нему горевать. Брак Эоду не удался по нескольким причинам, в том числе потому, что он был неисправимым бабником. Может, вдова и оплакивала бы его, если бы его не убили голым в квартире любовницы – он оскорбил жену даже в смерти. Она вернулась к родителям, отказалась от фамилии мужа и воспитывала четырехлетнего сына под девичьей фамилией – Кобен.

Кобены были крупной семьей не особенно высокого статуса в Горном клане. В их рядах насчитывалось почти два десятка Зеленых костей, включая нескольких Кулаков, многочисленных Пальцев, нескольких учителей, врача и монаха. Другие члены семьи были Барышниками среднего звена или Фонарщиками с мелкими предприятиями, либо занимали другие уважаемые позиции, связанные с деятельностью клана. Кое-кто называл членов семьи скаредными и упертыми, поговаривали, что храбрости у них больше, чем ума. Однажды их звезда наконец-то взошла, когда одна из Кобенов вышла замуж за Айта, но после гибели Эоду семья посчитала

везением, что брак оказался негодным, и дала понять новому Колоссу, что всегда недолюбливала ее брата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.